Информационный бюллетень Форума "Бердяевские чтения"

САМОПОЗНАНИЕ

№ 5 Бердяевские чтения Русская idea 2015

ОБЕРНУВШИЕСЯ НА ВОСТОК

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

Борис Межуев
От редакции 5

ГЕОПОЛИТИКА «ТРУДНЫХ ПРОСТРАНСТВ»

«Идеи Макиндера по-прежнему актуальны» 7
Интервью с Миланом Хаунером

Егор Холмогоров
Почему Россия – не Азия 11

АЗИАТСКАЯ МИССИЯ БЕЛОГО ЦАРЯ

«Исследованием русского восточничества я обеспечил себя работой на всю жизнь» 26
Интервью с Дэвидом Схиммельпэннинком ван дер Ойе

Лекха Жукова
Кто такие русские «восточники»? 32

Книги Мануэля 45
Интервью со Штефаном Гэем о наследии Мануэля Саркисянца

Борис Межуев
«Пылинка дальних стран»: Александр Блок и грезы о Востоке 50

РУССКИЕ ДУМЫ О ВОСТОКЕ

Василий Ванчугов
«Китай – наставник консерватизма». Афоризмы житейской мудрости Всеволода Никаноровича Иванова 56

ЕВРАЗИЙСТВО: ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ОСВОЕНИЯ

«Месторазвитием будет весь земной шар...» 62
Из наследия Константина Чхеидзе

Рустем Вахитов
Вадим Цымбурский как евразиец 91

ОТ РЕДАКЦИИ

БОРИС МЕЖУЕВ

Главный редактор альманаха «Самопознание»

Русская философия традиционно была обращена в сторону Европы, а «русская идея» в интерпретации Достоевского, Вл. Соловьева и Бердяева оказывалась нацелена на духовное объединение или же преображение Запада. О Востоке и об Азии русская мысль думала реже, и, тем не менее, Восток периодически занимал русских мыслителей. Более того, в некоторые периоды нашей истории Россия начинала воспринимать себя как по преимуществу «азиатскую» державу. Русские, надо признать, всегда мечтали кого-то объединить — то славян, то пролетариев всех стран, то угнетенные народы мира, то сторонников традиционных ценностей.

Было время, в конце XIX — начале XX в., когда многие выдающиеся умы нашего Отечества мечтали объединить всю Азию под скипетром русского Царя. Этих людей в западной историографии принято называть «восточниками». О том, кем были эти «восточники» и кому мы обязаны происхождением этого термина, рассказывает в своей статье в представляемом вниманию читателя пятом выпуске альманаха «Самопознание» московский историк Лекха Жукова. Она подтверждает ранее высказанную нами гипотезу, что слово «восточник» почти никогда не употреблялось для самообозначения, в том числе и теми мыслителями, кто — как князь Эспер Ухтомский или же писатель и путешественник Сергей Сыромятников — действительно звал Россию на Восток. Между тем, статьи этих людей могли оказывать влияние на воображение молодого поколения деятелей русской культуры, и можно допустить, что одним из тех, кто был захвачен идеей «восточного» призвания России, был и молодой Александр Блок.

Наш пятый выпуск называется «Обернувшиеся на Восток» и посвящен он «восточнической» традиции в русской философской мысли. Прежде всего, мы хотели поговорить с пионерами изучения русского «восточничества» на Западе — ведь и сам термин «восточничество» вошел в научный оборот именно на Западе. Увы, в марте нынешнего года скончался патриарх западной русистики, выдающийся историк и мыслитель Мануэль Саркисянц, автор книги «Россия и мессианизм Востока»: о его творчестве и последних днях жизни рассказывает в интервью нашему изданию друг и коллега Мануэля Саркисянца по работе в Гейдельбергском университете Штефан Гэй. Роль Саркисянца – не столько даже в изучении, сколько в проникновении в сам дух русского «восточничества», что отмечают и другие исследователи — канадский автор Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе и американский историк чешского происхождения Милан Хаунер.

«Восточническую» традицию в русской мысли продолжили евразийцы, которые, тем не менее, не хотели считать себя преемниками идеологов русского самодержавия кризисной эпохи и поэтому на них никогда не ссылались. Россия-СССР, новая коммунистическая идеократия, была для них гораздо более органичным национальным образованием, чем петербургская

империя, устремившаяся к Тихому океану. Впрочем, к творчеству одного из «восточников» евразийцы (некоторые из них) относились с большим интересом: речь идет о Николае Федоровиче Федорове, стороннике идеи «воскрешения отцов». Один из евразийцев второго поколения Константин Чхеидзе, некоторые материалы из пражского архива которого публикует в настоящем выпуске Анастасия Гачева, пытался соединить идеи евразийства и «философии общего дела» Федорова, и эта попытка оказалась небесплодной. Своего рода посредствующим звеном между «восточничеством» и «евразийством» можно считать «азийскую» концепцию такого интересного писателя и мыслителя, как Всеволод Никанорович Иванов, которому посвящает свою отдельную статью Василий Ванчугов.

Определенное внимание мы уделяем в этом выпуске и критикам русского евразийства и восточничества. Номер открывается большим исследованием публициста Егора Холмогорова, который разоблачает некоторые «восточнические» и «азиатофильские» мифы, дающие слишком оптимистический и благодушный взгляд на отношения России и держав Востока. Сквозной линией в рассуждениях некоторых авторов, и в частности историка русской философии Рустема Вахитова, выступает альтернативная евразийству концепция «Острова Россия» покойного мыслителя Вадима Цымбурского. Если Холмогоров противопоставляет идею «Острова Россия» евразийству, то Вахитов, напротив, считает, что сама эта противоположность была выведена Цымбурским довольно искусственно, и, по существу, автора «Острова Россия» можно с полным основанием отнести к геополитической школе Петра Савицкого, пусть и со значительными оговорками.

Надеюсь, скоро будет опубликована докторская диссертация Вадима Цымбурского «Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков», где евразийству посвящена целая глава, и это позволит нам с большим основанием ответить на вопрос — был ли Цымбурский скрытым евразийцем, или его взгляды представляли реальную альтернативу этому геополитическому учению.

Пока же мы надеемся, что данный выпуск станет поводом для выпуска новых — как переводных, так и оригинальных — книг о «восточном» развороте «русской идеи», а мы на почти одноименном сайте постараемся об этом сюжете не забывать, но возвращаться к нему снова и снова.

«ИДЕИ МАКИНДЕРА ПО-ПРЕЖНЕМУ АКТУАЛЬНЫ»

ИНТЕРВЬЮ С МИЛАНОМ ХАУНЕРОМ

Историк Милан Хаунер — автор и соавтор десяти книг и более ста научных статей, посвященных современной истории Индии, Центральной Азии, Чехословакии, Германии и России. Ученый родился в немецком городе Гота в 1940 г., но войну пережил в Праге, где впоследствии учился в школе и в университете, специализируясь по истории и чешскому языку и литературе. Там же он написал диссертацию на тему англо-немецкого военного противостояния в 1908–1912 гг.

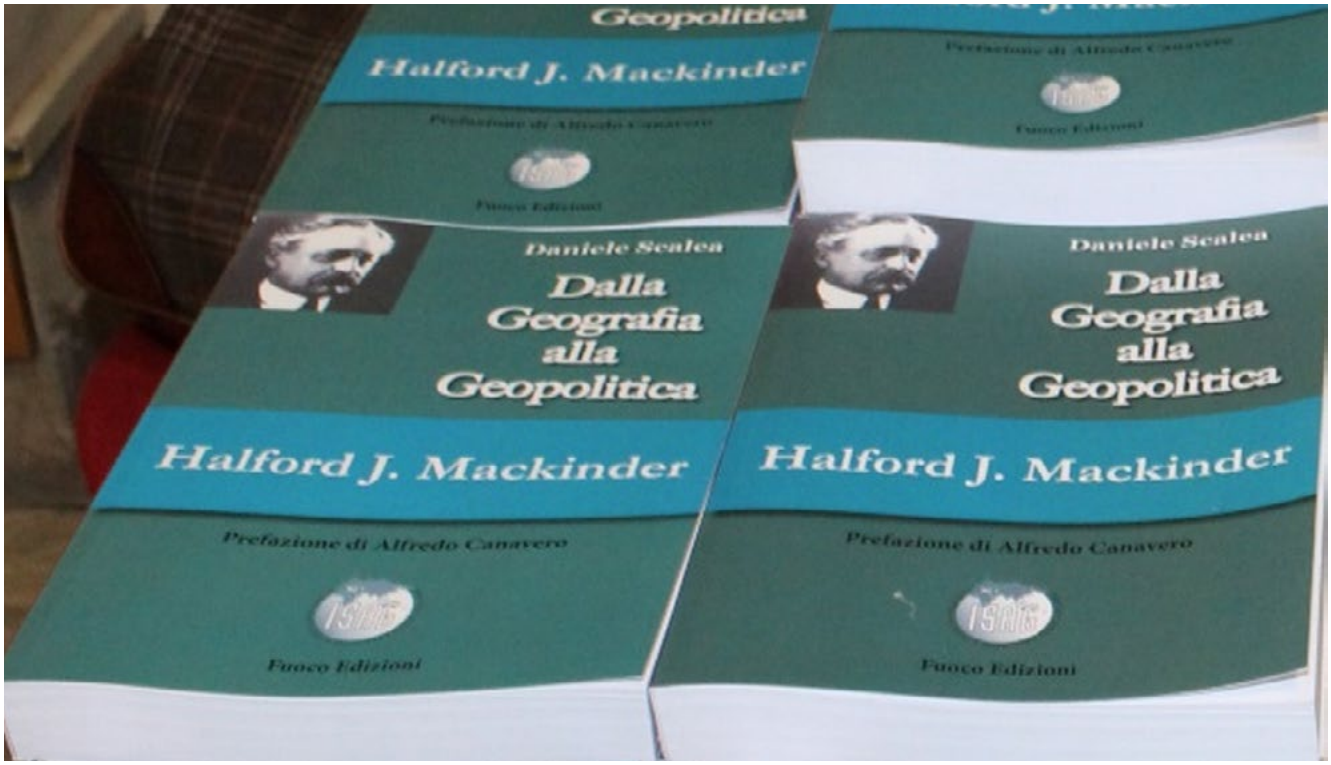
Хаунер уехал из Чехословакии во время советского вторжения в 1968 г. и осел в Англии, где начал писать вторую диссертацию в Кембридже. В 1971 г. он проработал три года в Оксфорде, после чего переехал в 1974 г. в Лондон и работал в Отделе научных исследований Amnesty International, где отвечал за страны Восточной Европы. Через два года он перешел в Немецкий исторический институт в Лондоне, где опубликовал свою первую книгу, основанную на диссертации: «Индия и стратегия Оси: Германия, Япония и индийские националисты во второй мировой войне».

В 1980 г. он переехал в США, где жила его семья, и с тех пор работал в Висконсинском университете в Мэдисоне. Он преподавал и проводил научные исследования в различных университетах в Англии (Оксфорд, Лондонская школа экономики, Уорикский университет, Открытый университет), Германии (Фрайбургский университет, Лейпцигский университет) и США (Филадельфия, Беркли, Институт Гувера в Стэнфорде, Джорджтаун, Колумбийский университет, Военно-морской колледж США), а после 1992 г. в странах Восточной Европы (в основном в Чехии).

В 1990–1991 гг. Хаунер был директором программы Восточноевропейских исследований при Международном центре имени Вудро Вильсона в Вашингтоне. Он продолжил исследования проблем Центральной Азии и Афганистана, опубликовав книгу «Что такое Азия для нас? Российский Хартлэнд вчера и сегодня» (выпущена в 1990 г., выдержала дополнительные издания в 1992 г. и 2013 г.), посвященную имперской геополитике России в Азии. В этой книге Хаунер уделяет внимание в том числе и «восточникам», впрочем, рассказывая об их взглядах, он не придает большого значения их миролюбивым высказываниям и воспринимает последователей этого течения как своего рода стыдливых империалистов.

> ВОСТОЧНИКИ БЫЛИ ОЧЕНЬ ВЛИЯТЕЛЬНОЙ ГРУППОЙ ИНТЕРЕСОВ В ТЕ ВРЕМЕНА, НО Я СЧИТАЮ, ЧТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ТАКОЙ ГРУППЫ БОЛЬШЕ НЕТ

Недавно Хаунер отредактировал несколько неизданных рукописей бывшего президента Чехословакии Эдварда Бенеша, что позволило



воссоздать военные мемуары Бенеша, опубликованные в трех томах «Мемуары 1938–1945». В настоящий момент Милан Хаунер занимается исследованием чехословацкого сопротивления во Второй мировой войне, а также различными евразийскими аспектами истории России. Хаунер также работает над расширением написанной ранее «Хронологии Гитлера» (издана в 1983, 2005 и 2008 гг.).

Нам было интересно узнать, как оценивает перспективы азиатской политики России человек, который настаивал на актуальности идеи евразийского Хартлэнда, принадлежащей британскому геополитику Хэлфорду Джону Макиндеру, еще в то время, когда Евразия в лице СССР распадалась на массу суверенных государств.

* * *

— Уважаемый господин Хаунер, Вы посвятили несколько работ идеям выдающегося британского геополитика Хэлфорда Джона Макиндера? Насколько актуальным представляется Вам сегодня его учение? Что в нем, тем не менее, устарело? В какой мере тема Хартлэнда сохраняет свое значение для европейской геополитической мысли, следует ли вслед за Макиндером полагать, что неприступный Хартлэнд угрожает безопасности стран Приморья?

— Некоторые идеи утратили свою роль, как, например, актуальная для 1919 г. идея о том, что Хартлэнд можно контролировать через Восточную Европу. Кроме того, не стоит забывать, что строитель империй Макиндер в 1904 г. придавал религиозным и этническим вопросам очень небольшое значение. Он предполагал, что жители мегаполисов и периферийных регионов в конечном итоге сольются воедино и во втором-третьем поколении ассимилируются внутри «плавильного котла» — наподобие того, что происходило в США. То, что для Макиндера являлось вторичной проблемой, сегодня стало «проблемой номер один».

Однако есть темы, которые сегодня по-прежнему актуальны. Например, идея Макиндера о российской евразийской империи, которая, на мой взгляд, не утратила смысла. Согласно геополитическому определению Макиндера, российская евразийская империя — это сочетание суровой естественной среды с жесткой политической организацией, и этот фактор никакая социальная революция не сможет отменить.

Макиндер выделил три критерия, необходимых для создания мировой империи, которые были крайне актуальны в 1904 г., менее актуальны в 1919 г. и вызывали много вопросов в 1943 г., после того как Германия не смогла достичь мирового доминирования. Эти критерии были сформулированы таким образом: «мобильность внутри страны, плотность населения и наличие внешних морских сил». Не думаю, что сегодня есть держава, которая попытается создать всемирную империю. Я думаю, что даже Китай на это не решится. Джихадисты пытаются предпринять нечто подобное, но это совсем другой случай и совсем другая история.

В том, что касается «мобильности внутри стра-

ны», то к 1904 г. Россия завершила строительство двух важнейших стратегических железных дорог: Оренбург–Ташкент, идущей на юг, и Транссибирской магистрали, идущей на Дальний Восток.

В отношении «внешних морских сил» Россия активно инвестировала в расширение своего флота как через строительство новых военных кораблей (только что построенный Тихоокеанский флот должен был стать самым большим и самым современным внутри Российского флота), так и благодаря строительству новых портов (например, незамерзающего Порт Артура).

В том, что касается «плотности населения», я не уверен, что у Макиндера был доступ к российской переписи населения 1897 г. Однако данные говорили о том, что на тот момент у России был потенциал заселить все свои земли. К концу XIX в. прирост населения в России был самым высоким среди великих держав.

В своем труде «К познанию России» Дмитрий Менделеев пишет: если удастся сохранить нынешний коэффициент рождаемости на уровне 1,5 — население империи должно будет вырасти в четыре раза к концу XX века, а к 2052 г. достичь 1280 млн. Если же коэффициент рождаемости увеличится до 1,8 — тогда рост населения будет идти еще быстрее и достигнет 1280 млн. к 2026 г. Стало быть, империя сможет исправить внутреннюю асимметрию и полностью заселить земли Сибири и Дальнего Востока. Менделеев верил в модернизацию через ассимиляцию и утверждал, что славянские народы сумеют в итоге победить, увеличивая свою долю с 72% за счет сокращения доли турко-татарских (туранских) этносов, которые в итоге будут представлять только 11% населения. Однако Менделеев не мог предвидеть двух мировых войн и того, какой ущерб они нанесут населению империи. Не мог он предвидеть и того, что к 2000 г. империя вместо того, чтобы быстро расти, начнет сокращаться, в том числе через резкое падение рождаемости среди славянского населения.

— В первой книге Вы уделяете внимание тем мыслителям и политическим деятелям России, кто в конце XIX в. стремился к союзу с Китаем? Почему же все-таки тогда Хартлэнд не обрел единства, несмотря на все усилия Витте и его соратников? Можно ли ожидать, что Хартлэнд обретет цельность сегодня, в момент наибольшего сближения Китая и России?

— Россия и Китай были неравными партнерами. Россия была централизованной, частично модернизированной империей, находящейся на пике своего влияния, в то время как Китай оставался феодальным царством с практически отсутствующими железными дорогами и отсталой армией. Именно поэтому Китай потерпел поражение от меньшей по размеру Японии.

Хэлфорд Джон Макиндер (1861–1947) – *знаменитый британский географ и политик, один из родоначальников геополитики, автор теории евразийского Хартлэнда, которую он изложил в работе 1904 года «Географическая ось истории». Хартлэнд Евразии представляет собой своего рода сухопутную крепость, окруженную с двух сторон – востока и севера – океанами, с юга – горными массивами и открытую только с запада. В разных работах в разное время Макиндер акцентировал уязвимость Запада перед силами Хартлэнда, и уязвимость самого Хартлэнда от наступления с запада.*

Российское финансовое проникновение в Маньчжурию при Витте стало катастрофой. Банки закрывались. Россияне были очень плохими бизнесменами и требовали защиты своего производства тарифами. Сегодня Китай и Россия находятся на более «равном» уровне. Может случиться всё, что угодно, и, вполне возможно, что это случится, но уже на условиях Китая, а не России.

— Насколько серьезной была восточническая традиция в русской мысли? Насколько она сохраняет свое значение сегодня? Как Вы полагаете, почему российское евразийство, в отличие от восточничества конца XIX в., жестко отделяло Китай от русской Евразии?

Восточники были очень влиятельной группой интересов в те времена, но я считаю, что в современной России такой группы больше нет

— Каково происхождение самого этого термина «восточник»? Кто первым его ввел в оборот? Насколько хорошо сегодня изучено восточничество в западной и отечественной историографии?

— Я затрудняюсь ответить на данный вопрос. Существовал популярный термин «ориентализм», введенный Эдвардом Саидом, но этот термин был создан исключительно на основе англо-французских примеров восточных исследований и полностью игнорировал выводы и достижения немецкого «Orientwissenschaft» и российского «востоковедения».

– 12 марта 2015 г. скончался Мануэль Саркисянц, автор книги «Россия и мессианизм Востока». Как Вы оцениваете вклад ученого в изучение русского ориентализма? Приходилось ли Вам с ним общаться?

Хэлфорд Джон Макиндер

— Это был выдающийся человек. Мне понравилась его книга о мессианстве, однако, у меня не было возможности познакомиться с ним лично.

— В какой мере русское восточничество нашло продолжение в евразийстве? Почему само восточничество в отличие от евразийства не сложилось в мощную школу геополитики и историософии?

— Мне кажется, что рождение евразийства, которое, между прочим, бросало вызов и русскому марксизму в том числе, стало возможным только после двух катастроф — Первой мировой войны и Октябрьской революции. Восточники были слишком слабы для того, чтобы укрепиться в звании первой и единственной российской экспансионистской идеологии. Кроме того, они не использовали современные научные достижения и методы научного познания, без которых модернизация России была невозможна.

— Россия дважды за свою историю пыталась сблизиться с Китаем. Оба раза — и в 1896 году, и в 1949 — сближение было основано на общих ценностях, в первый раз — монархических, второй раз — коммунистических. Сегодня нас не объединяют общие ценности. Это слабость или, может быть, залог успеха?

— Россию и Китай объединяет также тяга к централизации. Однако Китай быстро усвоил урок и старается исправить внутреннюю асимметрию своего собственного Хартлэнда между плохо развитым Западом и перенаселенным Востоком.

— Планируете ли Вы издание Ваших книг в России?

— Мне пока не поступало никаких предложений от российских издательств. Кроме того, мои исследования сейчас больше посвящены Восточной Европе. Но я думаю, что работы моих российских коллег могли бы стать источником вдохновения, которое, возможно, дало бы свои плоды, если б я имел доступ к архивам. Несколько лет назад я открыл для себя потрясающего российского мыслителя Вадима Цымбурского (я познакомился с его книгой «Остров Россия»), который пришел к такому же выводу, что и я: Россия имела своих собственных геополитических мыслителей, чье развитие шло независимо от западных геополитических трендов. Я хотел отправить ему свою книгу для того, чтобы начать обмен мнениями, но с большой скорбью узнал, что он скончался несколько лет назад.

Беседовала Юлия Нетесова

ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ АЗИЯ

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ

Публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники»

Отыскивая Европу в Азии

С понятием о Европе у нас традиционно связываются персонализм, рационализм, сциентизм, капитализм, инновации и демократия. С понятием об Азии — холизм, интуитивизм, мистицизм, попытки так или иначе этически ограничить капиталистическую рациональность и в той или иной степени совместить заимствованные инновации с традицией, а связанные с Европой права человека и гражданина с правами общества как целого и власти как определенного трансцендентного принципа.

При этом сравнении сплошь и рядом «азиатскому» выставляется более низкий балл по сравнению с «европейским». Тем самым выбор между Европой и Азией является не только ценностным, но и оценочным выбором. Быть «европейцем» даже и сегодня вопрос самооценки, вопрос престижа. И это связано с тем, что, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия, это достижения преимущественно в европейских (включая, разумеется, американские) практиках.

Экономическое чудо Японии, удивлявшее во второй половине XX в., базировалось на достижениях европейской науки и техники и европейских же экономических концепциях Фридриха Листа и Йозефа Шумпетера. То, что японцам удалось совместить европейские технологии и свою традиционную этику лишь подчеркивало неустранимость «европейского» из этого синтеза. Японским, а, стало быть, и европейским, путем пошли другие страны АТР.

И вот уже на наших глазах вырос новый экономический гигант — Китай, в котором правит партия, выбравшая в качестве основы выработанный в Европе (включая Россию) марксизм, оказавшийся, в известном смысле, «Фридрихом Листом для бедных». Марксизм не имел бы и половины своей привлекательности в третьем мире, не будь в него встроен индустриализм, листовское учение о развитии производительных сил, производственных отношений. Китайская индустриализация — это достижение одной европейской теории, пересказанной в рамках другой европейской теории, и базируется она на результатах европейской науки и «революции прилежания», приближающей стандарты «азиатского» труда к западному.

> ЛУЧШЕГО ПУТИ В ЕВРОПУ, НЕЖЕЛИ ТОТ, КОТОРЫЙ ИЗБРАЛА ДИНАМИЧНАЯ АЗИЯ, РОССИЯ ВРЯД ЛИ МОЖЕТ НАЙТИ. И ЭТО РОДНИТ НАС С АЗИЕЙ

Современные достижения Азии, как бы нам ни хотелось верить в обратное, говорят скорее в пользу Европы. Преуспев в производстве, потреблении, накоплении, даже — изобретении, Азии не удалось и по сей день создать систему инновационных

толчков, которая свидетельствовала бы о реальном переходе экономического лидерства.

Хотя на примере конкуренции двух электронных гигантов «Samsung» и «Apple» мы наблюдаем другой любопытный процесс — самоподавление западных слишком оригинальных инноваций ради того, чтобы приблизиться к более усредненной, но в силу этого и более конкурентоспособной форме. Еще не выбравшись в полной мере из плена вторичности, Азия уже берет числом, побеждая за счет отдачи от масштаба.

Но где место России в этом соревновании Европы с ее отражением? Россия ощутимо преуспела в ранней европеизации и модернизации, усвоив, прежде всего, не технологии и институты, но сами принципы функционирования европейской цивилизации нового времени — научный рационализм и инновационность. Военные и технические победы России в XX в. даже заставили Запад на секунду усомниться в нерушимости своего лидерства.

Однако свою собственную версию рецепции европейских ценностей Россия выработала более трех столетий назад и с тех пор находилась, скорее, перед обратной проблемой — как отыскать собственные органические цивилизационные начала, чтобы избавиться от мучительной культурной шизофрении.

Там, где страны Азии решали задачу вестернизации или же «модернизации без вестернизации» (то есть поиска формулы «безалкогольного пива»),— Россия как минимум с середины XIX в. решала задачу собственной девестернизации, но при этом такой, которая бы сохранила достигнутые в нашем европеизме ключевые преимущества — прежде всего, способность к научному поиску и генерированию инноваций.

Движение в славянофильском направлении, становившееся всё более решительным на переломе XIX–XX вв., было весьма эффективным, однако затрагивало лишь тонкую пленку на поверхности необъятной крестьянской стихии, а потому внезапно сменилось катаклизмом Революции, причудливо соединившей чисто западную идеологию и клокотание народных хилиастических сектантских форм. Но наибольших успехов в девестернизации, нельзя не признать, мы достигли на пути бескомпромиссного западничества конца прошлого столетия, когда Россия переместилась в список не самых развитых стран Третьего Мира, некоторым образом «победив» европейскую науку, медицину, образование, социальную политику. И всё это под лозунгом ускоренной интеграции с Западом. Нельзя не признать, что самое отчаянное славянофильство было бы «более лучшим» способом сохранения результатов трехсотлетней вестернизации, нежели российское западничество.

В итоге мы оказались в парадоксальном для себя контексте. Мы обречены на догоняющую модернизацию. Но догоняем уже не Европу и Америку, а Азию. Мы ищем родства, диалога и даже союза с Азией. Но ищем их, на самом деле, не в том, в чем Азия — это Азия, а в том, в чем Азия — это Европа. Мы хвалим трудовую конфуцианскую этику, а на самом деле завидуем внешнеторговому обороту, хвалим мудрую политику политической преемственности, а на самом деле восхищаемся умением привлекать инвестиции и распоряжаться ими.

Вызывающие нашу симпатию неотрадиционные институты Азии — это надстройка (порой весьма изящная) над листо-марксо-шумпетеровым индустриальным базисом. Не сохранив его, мы уподобляемся человеку, который, сняв голову, восхищается прической соседа.

РУССКИЕ – ЭТО ЕВРОПЕЙЦЫ, ПРИТВОРИВШИЕСЯ АЗИАТАМИ, ПОКОРИВШИЕ ЕВРАЗИЮ, МЫСЛИМУЮ КАК ВЕЛИКУЮ СТЕПЬ, И УНИЧТОЖИВШИЕ ЕЕ

Как только мы осознаем, что в современной, динамичной, высокоразвитой, успешной Азии мы ищем удачно перенесенную на новую почву Европу (причем такую Европу, с которой можно дружить против старой Европы и Америки), многое в нашем «синофильстве», «японофильстве», «азианизме» и «восточничестве» достигнет здоровой ясности.

Россия хотела бы вернуться в Европу из тех трущоб, в которые погрузили ее 1990-е. Лучшего пути в Европу, нежели тот, который избрала динамичная Азия, пути эмуляции, используя выражение Эрика Райнерта, европейского индустриализма при сохранении социальной и политической стабильности, Россия вряд ли может найти. И это роднит нас с Азией. Роднит в нашем общем «европеизме».

Роднит в стремлении не допустить того, чтобы Запад — политическими ли «цветными революциями» и экспортом «демократии», экономическими ли манипуляциями «Вашингтонского консенсуса» — затолкал нас назад в трущобы. Мы не хотим назад в трущобы — и в этом мы азиаты. «Настоящие европейцы» же скачут в эти трущобы наперегонки... в мусорных баках.

Трансазиатский альянс по политической и экономической защите от Запада своего освоения европейских достижений — вот та почва, которая действительно роднит Россию и великие державы Азии вопреки существенной разнице их традици-

онных цивилизационных ориентаций. Россия, Китай, Индия, Иран кардинально различны и в чем-то даже непримиримы в своем православии, конфуцианстве, индуизме и шиизме, но едины в своем «европеизме» модернизацинного развития, противостоящем западному африканизирующему глобализму и строительству мировой империи.

Поэтому когда мы пытаемся изобрести некое родство мировоззрений, менталитетов, духовной структуры, которые сближают Россию с Азией, когда мы пытаемся изобрести геополитические концепции, «азиатизирующие» Россию, то мы идем по заведомо ложному пути.

Русский Остров

Самым ценным в евразийском наследии является понятие «месторазвития», то есть уникального географического пространства, которое задает параметры исторической судьбы и культурного облика народа и цивилизации. Однако, пытаясь дать геополитическую характеристику этого месторазвития, евразийцы ощутимо запутались, когда мифология начала подменять географию.

Давая географическую характеристику Евразии в своих «Географических и геополитических основах евразийства», П. Н. Савицкий утверждал:

«Евразийский мир есть мир «периодической и в то же время симметрической системы зон»... Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам. Это и дает основание говорить о «периодической системе зон России-Евразии». Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы уже говорили, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь)».

Казалось бы всё ясно: Евразия — это месторазвитие с удивительно точной симметрией, в которой крайними элементами являются тундра и степь, а срединным — лес. Но не тут-то было. Как идеолог, в той же статье Савицкий предлагает совсем другую интерпретацию евразийского месторазвития.

«Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова».

Выясняется, что подлинной Евразией является не Евразия, не пространство формирования и исторического возрастания русского народа, а лишь Великая Степь, пространство кочевых империй.

__Петр Савицкий (1895 – 1968)__ – географ, политический мыслитель, создатель геополитической школы евразийства, основанной на идее месторазвития. В основе концепции месторазвития утверждение, что крупные государства органично связаны со своим природным ландшафтом: Россия с этой точки зрения представляет собой континентальное образование, объединяющее лесную и степную зоны, пространство обитания как оседлых народов, так и кочевых племен.

«В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв всё пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными в своем исходном состоянии мирами оседлых культур».

Мало того, оказывается, что Россия некоторым образом приговорена к тому, чтобы служить посредником и коммуникатором между Востоком и Западом и лишь так исполняет свое историческое предназначение, которое оказывается, таким образом, не связанным с собственной исторической судьбой русских, а как бы навязанным извне.

«Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом».

Внутреннее содержание России определяется у Савицкого конфигурацией ее соседств:

«Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта, западный и юго-восточный».

Почему Россия обязана служить мостом между Востоком и Западом? Удобно ли всё время жить на мосту или в проходном дворе? В чем выгода России от такого посредничества? Почему содержание русской особенности должно определяться ее соседствами? Если мой сосед слева любит играть на трубе, а сосед справа — жить не может без гольфа, то почему я должен играть в гольф трубой, а не могу любить, к примеру, академическую греблю?

Все эти вопросы не получают ответа, так как посредничество превращается в императив. Причем императив чужой, сформированный кочевыми империями, от которых русские большую часть своей истории страдали и подвергались набегам, а затем вдруг вынуждены заступить их место.

Двигаясь от Трубецкого и Савицкого к Гумилеву и его эпигонам, евразийство всё больше сосредотачивало свое внимание на Великой Степи. Именно степные империи представили истинной формой Евразии, а Россия оказывалась их поздним атипичным преемником. В сущности, получалось, что русские занимают в Евразии не свое место, не обладая требуемой хозяйственной, военной и культурной организацией, а лишь заимствуя ее элементы у степняков. Утрируя, но не сильно, эту позицию, можно сказать, что эта логика приводит к утверждению, что русские — это европейцы, притворившиеся азиатами, покорившие Евразию, мыслимую как Великую Степь, и уничтожившие ее.

Столь неверные следствия говорят о неверности исходной посылки, а конкретней — представления о Евразии как единстве и борьбе Леса и Степи и о том, что Россия осуществляет себя как наследница империй Великой Степи. Мы замечаем, что вся Россия представляет собой удивительно целостную, однородную географическую среду, для которой граница Европы и Азии по Уральскому хребту (и тут Савицкий трижды прав!) не носит сколько-нибудь определяющего и принципиального характера.

На одних и тех же широтах и в одном и том же приближении к морю Россия удивительно сходна в своих частях, несмотря на огромную свою протяженность. Архангельск в ней не более Европа, чем Владивосток — Азия, но и то и другое в одинаковой степени Россия. Это удивительное чувство испытываешь, к примеру, на Сахалине, южная часть которого была возвращена лишь в 1945, и, тем не менее, сперва ты ощущаешь себя, особенно в урбанистической среде, как где-то в Московской или Вологодской области и лишь затем обнаруживаешь специфичные детали, вроде нерп, которых отгоняют колотушками от своих сетей рыбаки-нивхи.

Очевидно, что существует нечто, что объединяет Россию во всех ее частях, отличая в то же время от Европейской и Азиатских геополитических платформ. И это нечто не мифический «Хартлэнд» Маккиндера, декларирующий свою континентальность, сухопутность, сводящийся ко всё той же Великой Степи и отчуждающий от России приморские пространства (вплоть до отличения в поздних работах самого Маккиндера приморского «Lenaland», годящегося в добычу «морской державе»).

Не слишком трудное географическое и историческое наблюдение легко выявит то качественное отличие русского пространства от сопредельных, которое и создает географическую и геополитическую особенность России. Это чрезвычайно тесное переплетение многочисленных и, как правило, полноводных рек, практически вплотную соприкасающихся друг с другом бассейнами до легкости

создания между ними системы волоков, а позднее — каналов. Рек, выходящих к морям, по которым возможно плавание от устья до устья. Рек, окруженных множеством больших и малых озер, пригодных и для плавания, и для хозяйства и для удобного размещения населения.

Россия — это не просто суша, но суша, со всех сторон окруженная и пронизанная изнутри водой. Другими словами, Россия — это остров. Или система островов, каковыми являются, к примеру, Британия и Япония.

Гениальная интуиция Вадима Цымбурского уловила эту географическую характеристику и выразила ее в знаменитой политической метафоре, под которую мыслитель подвел определенный исторический фундамент. Цымбурский рассматривал как «сушу» этого острова пространства, занятые носителями русской культуры, а как «проливы» лимитрофные государства и народы. Однако Русский Остров — больше чем метафора. Перед нами вполне ощутимое окруженное доступной для плавания водой пространство, имеющее за счет внутренних водных путей высокую связанность и отделенное этими же путями от других геополитических пространств. Начать войну с Россией, чаще всего означало пересечь реку или атаковать ее берега с моря. Распространить пределы России означало присоединить бассейн той или иной реки или побережье моря, на которое эта река выходит.

Тем самым мы обнаруживаем у Русского Острова не только метафорическое или абстрактное геополитическое, а конкретное географическое содержание. Это большое пространство, имеющее ярко выраженную физико-географическую доминанту — тесное сплетение многочисленных речных бассейнов. Значительная часть определяющих Русский Остров рек имеет ледниковое происхождение. Многие из них — это реки северного стока, уходящие в Арктический (Северный Ледовитый) Океан, послуживший, несмотря на свою трудность, прекрасным коммуникатором между речными устьями, что содействовало невероятной скорости русского продвижения на Восток.

Общие границы Русского Острова можно очертить так — это Неман и система Днестр-Прут-Дунай на Западе; Балтийское море и впадающие в него Нева и Западная Двина на Северо-Западе; Черное и Азовское моря на Юго-Западе; Арктический Океан с впадающим в него множеством рек на Севере; Кубань, Терек и Каспийское море, а восточнее — верхние течения сибирских рек на Юге; Берингово и Охотское моря, Сахалин и Курилы на Востоке; Байкал и система Амур-Уссури на Юго-Востоке.

Нетрудно заметить, что за обозначенными рубежами переплетенные в единое целое речные системы практически исчезают, а тем самым и отсутствуют условия, формирующие Русский Остров. Однако выход за естественные речные границы оказывается для России возможен там, где моря подкрепляют геополитические векторы, заданные реками. Так, выход России на Кавказ и в Среднюю Азию за линию Терека и верховьев Иртыша был обусловлен использованием Черного и Каспийского морей. Кольский полуостров Россия контролировала по морю, следуя направлению вектора Северной Двины. На Дальнем Востоке море позволило перекинуть мост в Аляску, Калифорнию, а могло бы и в Океанию с Антарктидой. При этом именно с морского направления Россия, в конечном счете, завладела пограничным Амуром, когда Г.И. Невельской открыл его устье.

Всюду, где русское расширение упиралось в безводную сушу, пустыню, голую степь, оно становилось проблематичным или вовсе прекращалось. И напротив: там, где удавалось соединить два речных бассейна вместе, русская экспансия становилась неудержимой. Именно так была преодолена формальная граница между Европой и Азией по Уралу, когда экспедиции Ермака удалось нащупать сочетание рек, позволявших перейти через «Камень».

Русская цивилизация может быть осмыслена нами как цивилизация акватическая, то есть опирающаяся прежде всего на водные пространства, но использующая их не для орошения (как «гидравлические цивилизации» К. Виттфогеля), а для интенсивных коммуникаций, позволяющих создать сеть поселений на огромных расстояниях друг от друга, при этом поддерживая между ними столь же, если не более интенсивную связь, нежели это возможно было в странах, объединенных преимущественно сухим путем.

***Вадим Цымбурский (1957-2009)** – филолог-классик, политический мыслитель, создатель геополитической концепции «Острова Россия», согласно которой Россия представляет пространственно-культурное образование, отличающееся по своему цивилизационному статусу от народов Великого Лимитрофа – цепи земель, отделяющих Россию от цивилизационных платформ романо-германской Европы, Ирана и Китая. После отпадения от России земель Великого Лимитрофа ей, согласно Цымбурского, нужно посвятить себя освоению «трудных пространств» российского острова, то есть прежде всего Сибири и Дальнего Востока.*

Именно здесь секрет того колоссального размера, которого с первых же шагов достигло Древнерусское государство. Если подходить к делу с педантизмом, то большая его часть, конечно, должна быть изображена как сеть тонких нитей протянутых по водным артериям от одного города на реке до другого. Но картографы привыкли закрашивать территории с большим размахом, поэтому Древняя Русь предстает перед нами как огромное территориальное государство. Этот масштаб создавали именно речные коммуникации.

Разумеется, русская цивилизация была не единственной, в развитии которой реки сыграли решающее значение. Скорее напротив — таких цивилизаций абсолютное большинство. Однако, как правило, речь шла о единоречьи, максимум — двуречьи, как в Китае. Подлинное многоречье стало достоянием лишь России.

О генезисе этого русского типа освоения можно высказывать только догадки. Выскажу гипотезу (не более), что мы имеем дело с синтезом прекрасной адаптации к внутренним водным путям, характерной для восточных славян, и неутолимой страсти к дальнему мореплаванию, характерной для викингов. Возникновение славяно-варяжской этнополитической системы подстегнуло к созданию новой системы пространственного освоения — стратегического рекоплавания. Уже «премьера» русской истории — нападение руссов на Константинополь в 860 г. — это рейд по рекам Русской равнины, а затем Черному морю, по меньшей мере от Киева, а может быть и от Ладоги. Упоминать «путь из варяг в греки», стержневой для становления Руси, пожалуй и не требуется в силу его очевидности. Руссы с такой свободой проходили по своим внутренним водным путям, что европейский хронист Адам Бременский был уверен в существовании пролива между Балтийским и Черным морями.

Как изобретение колеса и освоение всадничества исторически и геополитически актуализировало Великую Степь как нечто целое, как самостоятельную историческую реальность, а не просто набор безлесных пространств, так и освоение стратегического рекоплавания актуализировало Русский Остров. Где всадник, там найдется и степь; где гребцы, там и река.

Осмысляя Русский Остров, мы получаем возможность по-новому взглянуть на весь процесс русской колонизации, выведший Россию к Тихому Океану и позволивший ей сформировать, по терминологии выдающегося русского географа и геополитика В. П. Семенова Тянь-Шанского, систему «от моря до моря», превратив Россию в чрезматериковую державу. Конфигурация Русского Острова предоставила эту уникальную возможность, поскольку для острова тянуться от моря до моря, пусть даже и на тысячи и тысячи километров более чем естественно.

При осмыслении русского движения «навстреч солнца» нам придется, пусть и не без сожаления, отказаться от представления о движении России из Европы в Азию как аналоге движения Европы в Америку. В этих исторических драмах есть историческая синхронность, есть известное количество общих сюжетов, таких как опора на огнестрельное оружие, расположенное на корабле (в русском случае, как правило, речном). Но, в целом, освоение русскими предназначенного для нас Острова отнюдь не тождественно покорению европейцами Нового Света.

Русская колонизация начинается в пределах Европы с освоения русского Севера и выхода к Баренцеву морю и без всякой паузы и разрыва перетекает за Урал. Никакого противопоставления «европейской» Перми и «азиатской» Тюмени мы, разумеется, не обнаружим. Мы вообще не обнаружим границ Европы и Азии. Мы обнаружим лишь течения рек, упорядочивающие русское пространство.

РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРЬ БЫЛО ДВИЖЕНИЕМ НЕ В АЗИЮ, НО В АРКТИКУ

Характерной особенностью русского продвижения на восток является арктический охват. К. И. Зубков отмечает два потока русского движения на Восток: «Первый, следовавший в основном вдоль таежной и приморской тундровой широтной зоны Сибири, по общему правилу, на 20–30 лет опережал второй, который тормозился на границе Леса и Степи частыми военными столкновениями с воинственными кочевыми народами Азии и необходимостью осуществления специальных оборонительных и военно-экспедиционных мероприятий».[1]

Русское движение в Сибирь было движением не в Азию, но в Арктику. Оно продолжало тот ход «на Север», где тесно переплелись монастырская, крестьянская и новгородская пушноторговая колонизация, который и создал для тесных княжеств Северо-Восточной Руси предпосылки собирания в Россию. Но по-настоящему оформление России произошло лишь с выходом в Сибирь. Как отмечал Цымбурский: «Россия не присоединяла Сибири — она создалась Сибирью».

---

1 Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука, 2004, с. 27.

На протяжении всего великого похода «навстреч солнца» русские не покоряют и не уничтожают Азию, а отодвигают ее, выводя пространства Русского Острова из-под действия азиатизирующих сил.

Азия выступает здесь не как пространство, куда выходит Россия, а как конкурент русских в освоении геокультурно не маркированных пространств. Поход Ермака был не «покорением» коренной Сибири, а перехватом ее у фактического узурпатора хана Кучума, вассала правившей в Бухаре династии Шейбанидов. Присоединяя Сибирь к Русскому Острову, Россия отгораживала ее от влияния Азии, Востока, представленного ханствами Средней Азии.

Однако на своем пространстве Россия имеет право цивилизационного первородства. Россия не «продвигается в Азию», а размечает новое геополитическое пространство, символом чего становится основание новых городов. «Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов»,— отмечает британский историк Фелипе Фернандес Арместо.

Никакой цивилизации без городов не существует. Стены городов позволяют отличить цивилизацию от пустых земель. Движение Запада в Индийский и Тихий Океаны, и даже в Новый Свет, было связано с захватом уже существующих цивилизационных структур, внедрением в сложившиеся форматы цивилизаций. Кортес и Писарро основали Мехико и Лиму, предварительно взяв и разрушив Теночтитлан и Куско. Афонсу Альбукерки создавал опору португальской морской мощи в Индийском Океане — Гоа и Малакку — в урбанизированном пространстве развитых азиатских цивилизаций.

В случае русского движения на Восток города возникали там, где не было городов со времен поселений индоевропейцев эпохи Синташтинской археологической культуры, забытых человечеством так прочно, что открытие в 1980-х годах Аркаима сделало настоящую сенсацию. В логике сверхдолгой временной протяженности историческое движение России может рассматриваться как возвращение первенства индоевропейских народов в географической зоне, где оно было утрачено в начале I тысячелетия нашей эры, когда гунны и тюрки сменили скифов и сарматов.

На берегу Острова.
Случай Приамурья и Уссурийского края

Движение русских на восток совершалось в конкуренции, причем как с севера, так и с юга.

С Севера на протяжении XVI–XVII веков наблюдались попытки «обхода» России океанической цивилизацией Запада, с упорством отправлявшей экспедицию за экспедицией для поиска северного пути в Китай, диктовавшегося картографической ошибкой, представлявшей Обь проливом, ведущим аж до самого китайского Ханбалыка. Лишь запрет русским правительством плаваний на Мангазею на долгое время положил конец этой эпопее, оставив монополю внутреннего пути в Азию за Россией.

С Юга Россия сталкивается с конкуренцией азиатских цивилизаций за контроль над теми или иными берегами и проливами Русского Острова. Самый выдающийся случай подобной конкуренции составило, конечно, решение вопроса о Приамурском и Приуссурийском краях. В географическом смысле они, несомненно, составляют органическую часть Русского Острова, однако их близость к цивилизационной платформе другой великой цивилизации, Китая, впервые поставило русское геополитическое продвижение перед известными препятствиями.

Впрочем, несправедливо трактовать спор вокруг Приамурья как «русско-китайский конфликт». Это было столкновение русских казаков, основавших на Амуре Албазинский острог и готовых к дальнейшей экспансии, с Манчжурией, полукочевой империей, как раз тогда ведшей завоевание разрушенного внутренними конфликтами Минского Китая. Манчжурская империя Цин основывалась на жестоком унижении китайского населения, и потому понимание ее как Китая возможно лишь в рамках специфичной китайской

традиции, которая стремится присвоить Поднебесной все права и достижения господствовавших над нею варваров (именно поэтому так опасны, к примеру, демагогические заявления о «вхождении Руси в империю Юань»).

До русско-японской войны Россия вообще не приходила в столкновение с высокими цивилизациями Азии, имея дело лишь с кочевническими или посткочевническими образованиями, каковыми были Манчжурский Китай, Персия при Каджарах, Османская Империя, ханства Средней Азии. Политическое первенство кочевого элемента во всех этих случаях создавало дополнительные предпосылки для конфликтности с Россией.

Фактически Манчжурия была в Приамурье нападающей стороной, пытаясь вытеснить неудобных соседей, превосходивших ее качеством военного дела, но уступавших в численности. В 1685 г., собрав десятитысячную армию, манчжурам удалось взять и разрушить Албазинский острог, а в 1689 — навязать России Нерчинский договор, отрезавший русских от Амура.

Характерно, что манчжурское правительство само не было уверено в собственных силах и попыталось создать на пути дальнейшего русского продвижения «зону отчуждения». Аборигенное население Приамурья было выселено. Еще раньше, в 1668 г. была принята политика «ивового палисада» — китайцам было категорически запрещено селиться в пределах манчжурского домена. Таким образом, опустошенные от местного населения, огражденные запретом от потенциальной китайской колонизации и закрытые межгосударственными договорами земли Приамурского и Приуссурийского краев превращены были в искусственную пустыню. Развитие производительных сил этого региона было искусственно сдержано манчжурской империей.

ИСПЛАВАННЫЙ, ИСХОЖЕННЫЙ И ОПИСАННЫЙ АРСЕНЬЕВЫМ МИР, ТЕМ САМЫМ, НЕВОЗВРАТНО СТАНОВИТСЯ РУССКИМ МИРОМ

В XVIII в. Россия не слишком успешно пыталась заинтересовать пекинских властителей трансграничной торговлей, которую те всячески ограничивали, что дало отчасти искусственное преобладание южным торговым маршрутам, на которых действовали англичане, и укрепило предпосылки опиумных войн. Ослабленная в этих войнах империя Цин не могла уже противостоять завершению освоения Русского Острова.

Россия применила в этом споре с Азией уже не раз использовавшийся до этого в Арктике океанский охват, движение не от истока к устью опорной реки, а напротив — от устья к истоку. Пришедшей из Кронштадта экспедиции Г.И. Невельского удалось открыть пролив между материком и Сахалином и Амурский лиман, тем самым доказав геополитическую принадлежность региона к Русскому Острову с его переплетением озер, морей и рек.

Манчжурская политика искусственной пустыни сыграла с цинцами злую шутку. Невельскому хватило всего 50 солдат, чтобы закрепить за Россией тысячи квадратных километров. Все его насильственные действия свелись к тому, что при первой высадке он пригрозил пистолетом начавшему дерзить манчжурскому купцу, а поставив его на место, допросил и узнал:

«1) что им запрещено спускаться сюда по Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-зина (около 300 верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями, которых выменивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки); 2) что на всем пространстве по берегам Амура до Каменных гор (Хинган) нет ни одного китайского или маньчжурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят».

Распрашивая же гиляков, Невельской установил: «что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда». Возможно, Китай имел шанс составить России конкуренцию на берегах Амура и Уссури и сделать их частью своей Срединной Империи, отняв их у Русского Острова. Но этот шанс был упущен благодаря манчжурской политике опустынивания. «Китайское Приамурье» применительно к XVII–XIX вв. есть опять же «вымышленное царство». Поэтому так анахронично и неуместно звучит суровый тон «Истории Китайской Народной Республики», изданной в 2012 г. Институтом Китая современной эпохи по поручению ЦК КПК:

«Царская Россия в 1858 г. по Айгунскому договору отхватила более 600 тысяч кв. км. территории к северу от реки Хэлунцзян и к югу от хребта Синъаньлинь, в 1860 г. по Пекинскому договору отрезала более 400 тысяч кв. км. территории к востоку и к югу от озера Балхаш. В 1881 г. по исправленному договору в Или и по пяти протоколам о демаркации границы отрезала более 70 тыс. кв. км. территории в районе Или. За эти десять с лишним лет Россия в общей сложности грабительски захватила более 1,5 млн. кв. км. территории Китая» (цит. по: Галенович Ю.М. «Исторический счет»

к России и СССР в «Истории Китайской Народной Республики». М.: «Восточная книга», 2014. С. 18).

Скорее всего китайцев обидело бы предложение вновь начать носить косы, как это было в те времена, когда Россия якобы «отняла» эти земли якобы у Китая.

Парадоксально, но факт — именно присоединение Приамурского и Приуссурийского краев впервые открыло эти земли для китайской колонизации. Вскоре наплыв китайцев был столь значителен, что в русских правительственных кругах и публицистике во весь голос начала обсуждаться тема «желтой опасности», отразившаяся, в частности, в трудах путешественника, писателя и разведчика В. К. Арсеньева.

Целью экспедиций Арсеньева было не только военно-топографическое исследование Уссурийского края, но и оценка китайского проникновения и связанных с ним рисков. Образ китайцев в его произведениях ощутимо двоится. С одной стороны — это жестокие разбойники-хунхузы, это китайские колонисты, хищнически истощающие природу, безжалостно эксплуатирующие представителей местных малых народов — тазов и удэгейцев, ищущих защиту только у русских «капитанов». Эти китайцы встречают русского офицера, представителя русской власти с крайней враждебностью. С другой, китайцы — это надежный помощник Арсеньева Чжан Бао, это трудолюбивые фермеры, выращивающие женьшень, это старик, намеревающийся вернуться назад в Китай к брату.

При этом главную угрозу для русского начала в крае представляют, по мнению Арсеньева, не столько китайский разбой и нарушение законов России, сколько трудолюбие и предприимчивость, которые практически не оставляют места разворачиванию мирной русской колонизации, сосредотачивая производительные силы края в руках китайцев.

Книги Арсеньева сыграли огромную, возможно — решающую, роль в закреплении Уссурийского Края за Россией. Арсеньеву удалось нарисовать яркий образ Дерсу Узала, охотника-гольда, своеобразного гения места, средоточия уссурийской природы и мудрого гармоничного сосуществования с нею. Дерсу символически передает этот край как наследие русскому «капитану». Исплаванный, исхоженный и описанный Арсеньевым мир, тем самым, невозвратно становится русским миром.

Как видим, в манчжурском стремлении оставить русских без поддержки местного населения была своя доля правды. Русские, осваивая свой Остров, и в самом деле с величайшим искусством использовали поддержку и сотрудничество местных народов, опираясь на их поселения как на свои базы, а на их охотников, подобных Дерсу, как проводников. Конкурируя с «Азией», с высокими восточными цивилизациями, Русский Остров нуждался в коренных народах и не только не подавлял, но и приветствовал их.

***Владимир Арсеньев (1872 – 1930)** – русский путешественник, географ, этнограф, исследователь Дальнего Востока, автор художественных книг «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923). Похоронен во Владивостоке.*

«Поддерживать Индию. Помочь Китаю. Защитить Иран»

Ни геополитически, ни культурно Россия не находится «в Азии», представляющей собой ряд преимущественно сухопутных геополитических «платформ». Однако Россия обладает своими интересами и особенностями отношений с Азией, не похожими на те, в которых находятся к Азии европейские державы и Америка.

Это понимание особого места России в системе азиатских отношений заточено отнюдь не только против поверхностного европоцентризма, но и против паназиатства, стремившегося вычеркнуть Россию из Азии как чуждую, «европейскую» силу.

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое, в противовес выдвигавшейся от времени до времени желтой расой доктрине “Азия для азиатов”»,— отмечал В. П. Семенов Тянь-Шанский.

С другой стороны, Азия выступает для России как неубиваемый козырь в ее «Большой Игре» с Европой и, прежде всего, с враждебной англосаксонской Империей.

Этот козырь — непосредственный доступ России к континентальным платформам Азии — стал осознаваться Европой еще в XVI–XVII веках, когда английские купцы начали упрашивать русских царей открыть им путь в Персию. Но ходу им не давали — покупая персидские товары на грандиозном торге в Астрахани, русские не пускали западноевропейцев по Волге южнее Нижнего Новгорода.

Пути в глубины Азии дальше этого предела Россия западным соседям не открывала, стараясь к выгоде для себя сохранить положение транзитной державы. Мудрая политика, которой следует придерживаться и впредь, когда сегодня уже Китай ищет транзитных коридоров для выхода в отдаленную от него Европу. Не упустив своих выгод в эпоху торговой экспансии Запада, Россия вряд ли ошибется, действуя так же в эпоху торговой экспансии Востока.

Но могла быть и воинственная интерпретация русского ключа к Азии. Вспомним грандиозный замысел Павла I и Наполеона сокрушить еще непрочное британское господство в Индии маршем русских казачьих корпусов. Мечта авантюристичная, но отнюдь не безумная — недавние подвиги русских в Персии при Екатерине II показали полное превосходство русской военной силы над восточными народами, преграждавшими путь до Индии, а в самой Индии британцы просто численно не смогли бы противостоять русским.

Всё следующее столетие кошмар русского вторжения нависал над Британской Индией. Русское продвижение в Среднюю Азию мыслилось как обеспечение логистического моста этого вторжения. Русские военные географы, подобные А. Е. Снесареву, с особым пристрастием изучали Афганистан. Даже распространение русского влияния в Тибете, Манчжурии, Китае в конечном счете осмыслялось в логике «Большой Игры».

Разочарованный кражей побед русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Берлинском конгрессе идеолог панславизма Н. Я. Данилевский рисовал грандиозный план азиатского «обхода» Англии, не подпускающей Россию к Проливам.

«России ничего другого не остается, как постараться, чтобы проливы потеряли для нее всякую ценность, чтобы свободное сообщение с Индией утратило для нее всякое значение. Князю Паскевичу приписывают слова, что путь в Константинополь идет через Вену. Видимо, и путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту».

Данилевский рисует целую программу действий России в Азии: «угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию». Сегодня Индия не является британской, напротив, это растущая независимая держава-цивилизация, в суверенитете и крепости которой Россия жизненно заинтересована. Поэтому достаточно лишь немного переделать формулу Данилевского, обладавшего удивительным даром геополитического пророка, чтобы получить готовую доктрину России на азиатском направлении: «Поддерживать Индию, быть готовыми помочь Китаю, защитить Иран».

Используя доступ со своего острова к азиатским платформам, Россия должна поддерживать их независимость против англосаксонской державы. Именно эту природу носит обозначившийся в рамках ШОС четверной альянс России, Китая, Индии и Ирана. И именно поэтому вопреки экономической мощи Китая только Россия может играть в нем роль «коренного», поскольку только в России заключен тот «тыл», который придает этим великим державам-цивилизациям общую устойчивость против океанского давления Англосаксонской Империи.

Вениамин Семенов Тянь-Шанский (1870 – 1942) – *статистик и географ, автор фундаментальных работ по районированию, городскому и сельскому расселению, создатель оригинальной концепции антропогеографии, использовал в своих работах концепт «Евразия» для обозначения сибирской России, которая не относится ни к европейской части страны, ни к Дальнему Востоку. Умер в блокадном Ленинграде.*

Россия со своего внутреннего континентального Русского Острова обречена на противостояние в «Большой Игре» в Азии против внешнего Англоамериканского Острова. Она должна поддерживать независимость и силу азиатских цивилизационных платформ, не давя им скатиться к вассалитету перед англосаксонской империей. Даже один такой «вассал», как Япония, малый остров против большого острова России, может причинить слишком много неприятностей.

При этом Россия сегодня действует в контексте усиливающейся экспансии самих азиатских держав. И Китай, и Индия, и Иран — давно уже не объекты, но субъекты большой мировой политики, причем Китай становится субъектом перворазрядным. И здесь возникает ключевая проблема баланса между глобальным и региональным политическим положением России.

Академик В. М. Алексеев справедливо отмечает, что «на Тихом Океане Россия вела себя исключительно как «“великая держава” с глобальными, но не региональными интересами и сознательно не использовала преимущества своего регионального положения». Однако «регионализм» в азиатской политике для России чреват известными рисками, особенно в отношениях с той громадной силой, которую являет Китай.

Как участники глобальных процессов Россия и Китай заинтересованы друг в друге, обречены на союз и на совместную программу ослабления американского и, шире, западного доминирования в мире. Те угрозы и препятствия, которые создает Запад России и Китаю разнесены в пространстве. Таким образом, как глобальные политические игроки Россия и Китай просто обязаны, встав спина к спине и прикрывая друг друга, реализовывать свои глобальные стратегические проекты, обращенные в противоположных направлениях, и отбивать общих врагов.

Но Россия и Китай являются не только глобальными игроками, но и соседями. А соседи, увы,

всегда немножко враги. Постоянное переплетение региональных интересов и противоречий создает постоянный риск порчи даже очень хороших отношений. И успех стратегического сотрудничества России и Китая в известном смысле зависит от того, сумеют ли они в достаточной степени отвернуться друг от друга.

Но, с третьей стороны, чисто экономическая логика побуждают Россию и Китай разворачиваться друг к другу для оптимального совместного использования ресурсов, приграничной торговли, транспортных коридоров. А это возвращает нас к проблеме перенаселенности Китая и создаваемой китайской экономикой экологической нагрузки на ресурсы, пробуждает вновь фантомы «желтой опасности» и реванша, отравившие не одно столетие наших отношений.

Россия заинтересована, прежде всего, в южном направлении китайской экономической и цивилизационной экспансии, завещанном адмиралом Чжэн Хэ. На этом направлении две державы не сталкиваются ни с каким противоречием интересов и взаимно усиливают друг друга.

Но чем больше китайское геополитическое действие сдвигается к северу, тем больше пространство возможных недоумений и напряжений. Реализуя мечту о новом Великом Шелковом Пути, Китай создаст не только экономическую конкуренцию российским трансазиатским транспортным коридорам, но и зону политического напряжения, так как вынужден будет охранять узлы этого пути, пресекать внешнее воздействие на них, вступая в неизбежную внешнеполитическую конкуренцию с Россией. Движение Китая строго на Запад помимо России и в обход России неизбежно создаст зону повышенной геополитической турбулентности.

От того, как Россия и Китай смогут разобраться в этом клубке сотрудничества и противоречий, зависит, возможно, весь ход мировой истории на ближайшие столетия.

Восток Будды и Восток Христа

Погружаясь в тему «духовного родства» России и Азии, России и нехристианского Востока, мы оказываемся в теософском тумане вымыслов и догадок. Найти реальные следы «восточничества» в традиционной русской культуре оказывается непросто. Трудно оспорить с фактами в руках точку зрения академика Д. С. Лихачева:

«Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смею утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Греции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии».

__Великий Шелковый Путь –__ караванная дорога, связывавшая Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. В первую очередь, использовался для вывоза шёлка из Китая, с чем и связано его название. В рамках китайской стратегической программы «Экономический пояс Шелковый путь» разрабатывается ряд проектов морских и сухопутных путей между Европой и Китаем под общим названием Новый Шелковый Путь.

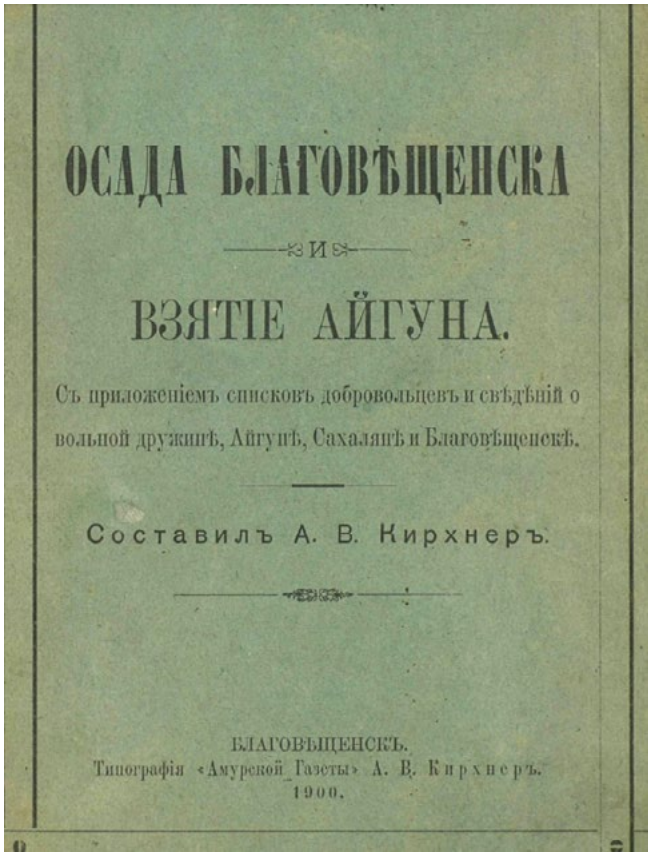
Более того, знакомство с «реальным» Востоком порождало у русского человека, скорее, недоумение и неприятие. Здесь достаточно сравнить восторженные записки Марко Поло, ставшие источником вдохновения всего перевернувшего мировую историю предприятия по поиску Индии, и весьма скептичный тон Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря».

«Да все товар ихъ гундустанской, да сьестное все овощь, а на Рускую землю товару нет. А все черные люди, а все злодеи, а жонки все бляди, да веди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ».

Повесть Афанасия — это исповедь о страданиях православного русского человека, оказавшегося в плену Востока и через то фактически «лишившегося христианства», то есть традиционного православного устава жизни с его обеднями и постами. Вместо этого он погружается в непривычную среду, в которой, впрочем, возможны своеобразные цивилизационные коалиции «против общего врага».

«Познася со многыми индеяны. И сказах имъ веру свою, что есми не бесерменинъ исаядениени семь християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учали крыти».

Реальный опыт взаимодействия русских с Азией говорит против предположений о каком-то специфическом русском ориентализме или крипто-ориентализме. Русский ориентализм есть побочное дитя русского европеизма. Он возрос на чисто западных источниках и лишь со второй половины XIX в. среди русских интеллектуалов начала вызревать мысль, что соседство России и Востока дает лучший доступ к восточным источникам,


ОСАДА БЛАГОВѢЩЕНСКА

И

ВЗЯТІЕ АЙГУНА.

Съ приложеніемъ списковъ добровольцевъ и свѣдѣній о вольной дружинѣ, Айгунѣ, Сахалянѣ и Благовѣщенскѣ.

Составилъ А. В. Кирхнеръ.

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ.
Типографія «Амурской Газеты» А. В. Кирхнеръ.
1900.

к восточной среде, а может быть, и к пониманию Востока, чем у западных исследователей.

По дорогам внутренней Азии отправились экспедиции, от которых, впрочем, слишком часто веяло разведывательной миссией. Появились такие уникальные по своим познаниям и проникновению в предмет ученые, как В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской. Русское востоковедение стало масштабным проектом, в рамках которого оказались возможны такие уникальные достижения как единственный полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на европейский язык.

Однако предполагаемое «сродство с Востоком» носит, прежде всего, характер всё того же соседства и стремления к взаимной поддержке против натиска Запада. А главное, базируется на предположении о большей уважительности, большем чувстве равенства русских по отношению к Востоку, о чем многократно писали русские публицисты тех лет: англичанин привязывает мятежного сипая к пушке и считает индуса рабом, в то время как русский дает туземцу равные права.

Однако не было ли это чувство равенства иллюзией? Гражданское равноправие в Российской империи возможно было лишь до тех пор, пока речь шла о гражданских, а не избирательных правах. Напротив, любое приближение к системе, где имело значение большинство голосов, приводило российскую империю к взрывам, округлявшим национальное большинство даже ценой территориальных потерь. Миф о российском имперском равенстве народов возможно было поддерживать лишь в автократической системе, и то не без некоторого труда.

Вспомним, как сурово одернул Достоевский тех, кто считал, что Россия не должна вступаться за христиан в Турции, поскольку часть граждан России — мусульмане. «Хозяин России есть русский»,— отвечает Достоевский в своем «Дневнике писателя», и никакого права вето на исполнение русскими православной миссии внутренний Восток России не имеет.

Для понимания всей сложности темы «Россия и Азия» особое значение имеют соображения Ф. М. Достоевского, заключающие его последний «Дневник писателя», своеобразное геополитическое завещание писателя и мыслителя, учившего, что «в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан».

Достоевский начинает с сетований на невнимание русского общества ко всему за пределами Европы:

«Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?”»

Для него русское продвижение в Среднюю Азию, победы Скобелева, взятие Геок-Тепе — это провозвестие грядущего доминирования Российской Империи над азиатскими народами, создание репутации России, которая станет выше репутации любой другой империи.

«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: “Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился”. И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его...

У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются,— но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему...»

Это суждение еще вполне традиционно геополитическое, однако затем Достоевский задает раннюю версию русского восточничества. Россия не просто имперская держава, долженствующая доминировать в Азии. Она сама есть азиатская держава.

«Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»

Русское славянофильство, традиционно носившее, скорее, неовизантийский характер, здесь переосмысляется в рамках более общей дихотомии Европы и Азии. Россия со своей особенной идеей отвергается Европой, а значит, должна обрести себя в Азии.

«Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до "металла и жупела" московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать),— этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых Бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты...

Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина!

Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть "идея", своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает...»

Однако следующего шага, который делают более поздние восточники, такие как князь Ухтомский, Достоевский не делает. Он не высказывает предположения, что в силу своей мистической, иррациональной природы азиатские цивилизации более сродны русской идее, более способны к ее усвоению, нежели европейцы. Более того, сделав опасно близкий шаг к «России–Азии», Достоевский возвращается назад к пониманию России в качестве Европы и русской Азии как козыря в ековом споре с Европой. Исход к Востоку — это не поиск «братьев» среди азиатских народов, а обретение русскими своих сокровищ.

Азия мыслится Достоевским как средство национального самоусиления.

«Азия — это русская Америка» — здесь, очевидно, под Азией мыслится уже не столько пространство древних азиатских цивилизаций, а Сибирь и Туркестан в той мере, в которой последний казался еще почти пустым пространством (что нам сегодня может показаться странным, но до успехов медицины, приведших к перенаселенности Средней Азии, соответствовало действительности). Азия предстает у Достоевского путем к обретению Россией самой себя.

«Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это "страна святых чудес", и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными...

С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее,— тотчас найдем, что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями...»

«ВОСТОК» ХРИСТИАНСКОГО МИРА И «ВОСТОК» В СИСТЕМЕ «ВОСТОК-ЗАПАД» – ЭТО В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

И вот уже звучат формулировки привычного цивилизаторского дискурса:

«В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того,— одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия...

... цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания,— а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим».

Достоевский возражает против абсурдности тезиса об «убыточности» русской Азии, предвосхищая ту программу освоения ее богатств, которая развернулась в XX столетии:

«Если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля,— всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить... К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!»

При этом русское освоение Азии мыслится Достоевским как народная колонизация, как заселение, распространение русского этноса, а не только как политическое и экономическое господство. Движение в Азию для Достоевского есть умножение Русской Земли.

«Где в Азии поселится "Урус", там сейчас становится земля русскою. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила...»

Как видим, мысль Достоевского балансирует между пониманием Азии как инструмента русского самоусиления, пространства русской народной колонизации и идеей «цивилизаторской миссии», предположением об особой «азиатской» природе России и русских, которая должна быть осознана в оппозиции Европе. Почему Достоевский, договорившись до «русские — это азиаты», внезапно отступает назад в «страну святых чудес» — Европу? Да потому, что продолжение этой «азиатской» мысли вело бы к той или иной форме отречения от Христа. Позднее это противопоставление «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» мы найдем у Владимира Соловьева, который, однако, пойдет в антивосточничестве еще дальше, до явных лжепророчеств о панмонголизме.

Реакция Соловьева, впрочем, более понятна, если учесть, что в следующую эпоху русское «восточничество» решается на более радикальные предположения об азиатском духе России, о глубинном внутреннем сродстве русского и восточного способа постижения мира. Этот аспект русской идеи, нашедший наиболее полное отражение в публицистике князя Эспера Ухтомского, представляется теперь обширной и древней исторической традицией благодаря работе Мануэля Саркисянца «Россия и мессианизм Востока».

***Елена Блавацкая (1831-1891)** – урожденная Ган, путешественница, писательнница, религиозный мыслитель, создатель популярной оккультной доктрины под названием «теософия». Основательница Теософского общества (1875). Считала, что состоит в оккультной связи с братством тибетских махатм, которые передают ей тайные знания.*

Саркисянц увязывает с восточными влияниями возникновение русской народной утопии, мессианизм и хилиазм, становление которых относит к XVII в. Этот хилиастический идейный комплекс, как он справедливо отмечает, был совершенно чужероден Европе, которая уже находилась в стадии светского рационалистического утопизма, зато представляется исследователю родственным восточным религиозным и этическим системам.

Однако рискну поспорить. Речь идет не о действительном культурном и мировоззренческом родстве России и Востока, а о единстве принципов всех цивилизаций Осевого Времени. Когда Ухтомский утверждал, что один и тот же русский царь может восприниматься как православный самодержец в России, как аватар Вишну в Индии, как Сын Неба в Китае, как Белый Царь для степных азиатских народов, то это свидетельствует лишь о гомологичности структуры этих цивилизаций, когда единство между трансцендентным и мирским порядками может быть скреплено посредствующей фигурой сакрального монарха. Шмуэлю Эйзенштадту блестяще удалось показать близость символических ориентаций всех цивилизаций Осевого Времени, но он же показал и их значительные отличия. Общего в них было только то, что все эти цивилизации — китайская, индийская, русская, исламская, не стали «Западом». Их переход к Новому Времени был обусловлен вызовом Запада и в еще большей степени — западной военной и экономической угрозой.

Найти черты положительного родства в этом отрицательном сходстве было задачей не просто трудной, но чреватой серьезными рисками, главным из которых была отмеченная Саркисянцем угроза дехристианизации России. Видеть в Православии некий мистицизм и холизм, которые, якобы, делают его ближе к буддизму или вишнуизму, чем к римо-католицизму — это очевидная натяжка, попытка подменить метафизическое содержание доктрин чертами внешнего сходства

религиозного стиля, к тому же измышленного. Мистицизма можно сколько угодно найти и в католичестве, а вот православная доктрина соборности слишком персоналистична для нехристианского Востока.

Вера в Иисуса Христа как единственного истинного Бога и Спасителя навсегда разделила Россию с нехристианским Востоком, а ее связь с Западом слабеет ровно в той мере, в которой Запад уходит от Христианства.

Именно поэтому крайность русского «восточничества», как у Блаватской и Рерихов, пришла к попытке охватить и поглотить Христа «восточным контекстом», превратить его в одного из индуистских «махатм». Однако привело это, по большому счету, лишь к выпадению данного направления из русского контекста.

Экуменическое утверждение родства китайской, индийской и русской цивилизаций означало бы отречение от Христа, что остро почувствовал Достоевский, так внезапно ушедший от «русские — азиаты» назад в «страну святых чудес». Впоследствии Георгий Флоровский выставил тот же суровый религиозный счет евразийцам, указав на то, что, начав с утверждения идентичности русской цивилизации, они скатываются к растворению основы этой идентичности — православного христианства.

Не случайно, что пик отмеченного Саркисянцем восточнического восторга приходится на первые послереволюционные годы, когда русская культура, как казалось, покончила со своей религиозной, православной христианской основой, перешла в область восторженно-неопределенной мистики братства, сливающей континенты и народы.

Русское восточничество, так же как и русское азиатство, оказывается в плену своеобразной омонимии. Будучи, несомненно, Востоком, детищем Восточной Церкви, противопоставленной латинскому Западу, Православная Россия в то же время не может быть Востоком в отношении к Христианству как таковому. Ее история начинается с замечательного утверждения христианского персонализма, множественности человеческих лиц, в «Поучении» Владимира Мономаха. И, конечно, движение к восточному имперсонализму для нее невозможно. «Восток» Христианского мира и «Восток» в системе «Восток-Запад» — это в известном смысле противоположности.

«ИССЛЕДОВАНИЕМ РУССКОГО ВОСТОЧНИЧЕСТВА Я ОБЕСПЕЧИЛ СЕБЯ РАБОТОЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

БЕСЕДА С ДЭВИДОМ СХИММЕЛЬПЭННИНКОМ ВАН ДЕР ОЙЕ

Как часто бывает в нашем Отечестве, знание о многих аспектах собственной истории в Россию приходит с Запада. В России 1990-х мало кто помнил о людях, выступавших в конце XIX столетия за союз с Китаем, за разворот России в сторону Дальнего Востока, пока в отечественной прессе не появились работы канадского ученого Дэвида Схиммельпэннинка ван дер Ойе. В середине 1990-х годов он работал в России, упорно разбирал в московских и петербургских архивах документы о дальневосточной политики царизма и набрел на интереснейшую тему, о которой не писал почти никто из отечественных исследователей. Он выяснил, что уже в конце XIX столетия в России, в кругах петербургского общества возникло представление, что миссия российской империи состоит не в том, чтобы взять Константинополь и возродить Византию, а в том, чтобы объединить под властью «белого царя» всю Азию. Более того, существовала надежда, что эта идея может найти понимание и сочувствие у самих представителей, как тогда говорили, «желтой расы».

Этих энтузиастов «разворота в Азию» принято было называть «восточниками». Уже первая публикация в России в 1997 г. статьи Дэвида Схиммельпэннинка, посвященной воззрениям самого известного «восточника», князя Эспера Эсперовича Ухтомского (1861–1921), поэта, дипломата, философа, наставника Николая II в «азиатских делах», вызвала большой резонанс в России[1]. Об Ухтомском стали появляться и отечественные исследования. Но настоящим прорывом в этой теме стала большая книга канадского ученого, вышедшая в США в 2001 г., а в России изданная в 2009: «Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» («Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan»), в которой «восточничество» князя Ухтомского рассматривалось как одна из четырех идеологий нашего продвижения в Азию наряду с колониальным экспансионизмом, идеей отражения «желтой опасности» и концепцией «мирного проникновения» вглубь континента.

РОССИЙСКИЙ РАЗВОРОТ В СТОРОНУ КИТАЯ ОТЧАСТИ СВЯЗАН С ПРОБЛЕМАМИ В ОТНОШЕНИЯХ С ЗАПАДОМ

Мы решили поговорить с этим крупным исследователем русского «восточничества», профессором университета Брока провинции Онтарио (Канада) о том, насколько успешно возрожденная в том числе и с его помощью старая идея может получить развитие в России Путина, которая, как некогда и петербургская империя Романовых, повернулась спиной к Западу, чтобы двинуться «навстречу Восходящему Солнцу».

1 См.: Schimmelpenninck van der Oye D. The Asianist Vision of Prince Ukhtomskii // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.

* * *

— Дэвид, Вы давно занимаетесь историей русского ориентализма, вы ему посвятили две книги. Первая книга «Навстречу восходящему солнцу» издана в России и очень популярна в нашей стране, вторая, «Российский ориентализм» пока неизвестна отечественному читателю. Думаете ли Вы ее издать по-русски?

— Да, конечно. У меня подписан контракт с издательством СПбГУ, однако издательский мир работает порой очень медленно. Так, несмотря на то, что контракт был подписан два года назад, книга все еще в процессе перевода. Последние новости были о том, что, скорее всего, книга выйдет весной 2016. Я надеюсь, что книга появится в ближайшее время: меня пригласили выступить с лекциями в Санкт-Петербурге в 2016 г., и было бы хорошо приехать туда с только что изданной книгой.

— В чем отличие второй книги от первой? Изменилось ли за это время Ваше отношение к русскому азиатофильству?

— Очень интересный вопрос. Первая книга, по сути, является дипломатической историей, для ее написания я много работал в архивах. Меня интересовало, что россияне думают об азиатах и как эти представления влияли на политику. В каком-то смысле обе книги исследуют эти представления, но одна книга, основанная на моей диссертации, была очень узким исследованием, в то время как вторая книга гораздо шире. То есть методы исследования разные, но обе книги говорят об одном: у россиян были сложные отношения с Западом, которые после страстного увлечения в XVIII веке сменились сомнениями, кульминацией которых стали славянофилы в XIX веке, подчеркивавшие отличия между Россией и Западом и предлагавшие искать российские корни на Востоке. Таким образом, я останавливаюсь на гипотезе, согласно которой исследование российского отношения к Востоку помогает также понять российские представления о Западе и о самих себе.

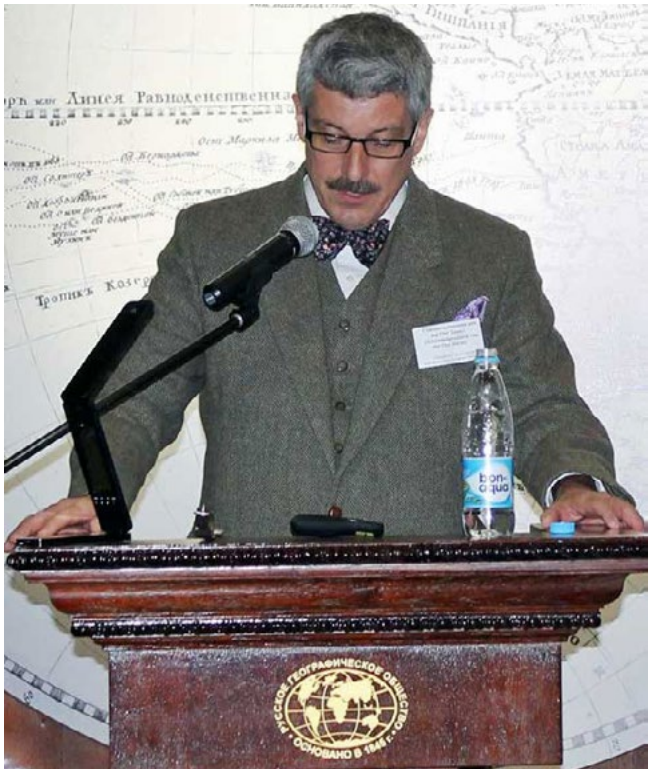
— Ваши исследования совпали с разворотом России в сторону Китая? Что Вам подсказывает чутье историка и знатока восточничества, окажется ли это движение в сторону Востока успешным?

— Я размышляю над вопросом отношений России и Китая больше двадцати лет — с тех пор, как стал заниматься этой темой. Российский разворот в сторону Китая отчасти связан с проблемами в отношениях с Западом. Однако надо понимать, что сейчас у Москвы и Пекина возникли новые общие интересы по очевидной причине: обе страны действуют на мировой арене, где доминирует одна сверхдержава, и обе страны хотели бы эту державу нейтрализовать. Это обстоятельство естественным образом сближает Россию не только с Китаем, но и с Индией, и даже с Ираном. Именно по этой причине Россия сблизилась с Китаем в конце XIX века. Китай находился под натиском со стороны в первую очередь Англии, но также Франции и Германии и пытался найти противовес этим странам, найти надежного союзника, которым стала Россия. Однако тут не все так просто. Например, на некоторых китайских картах Приморский край, который изначально был китайской территорией и был отдан России в середине XIX века согласно Айгунскому и Пекинскому договорам, до сих пор является частью Китая, и вполне возможно, что где-то глубоко внутри себя Пекин мечтает о том, чтобы вернуть себе эту территорию. Конечно, если докопаться до истины, то Приморский край даже не был китайским, он был маньчжурским. Москва пытается сохранить независимость от США и Запада, и в этом контексте поворот в сторону Китая имеет смысл; кроме того, для этого есть и причины экономического характера. Однако нет никаких гарантий, что Китай не начнет требовать назад территории, которые были отданы России полтора века назад — Китаю бы очень пригодились те ресурсы, которые сосредоточены в Сибири. Этим я хочу сказать, что не надо идеализировать российско-китайские отношения, думать, что Москва и Пекин просто созданы друг для друга. В этих отношениях есть и всегда будут сложности.

Исследование русского ориентализма было продолжено Дэвидом Схиммельпэннинком в его новой книге 2010 г. «Российский ориентализм: Азия в русском сознании от Петра Великого до эмиграции» («Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration»), где были проанализированы различные аспекты увлечения русской культуры Востоком. Эта книга ожидает своего издания и в России, и мы уверены, она в новой для нашей страны международной ситуации будет встречена с большим интересом.

— Почему, на Ваш взгляд, провалился союз с Китаем, который пытался заключить Витте: часто говорят о вине России в этом срыве отношений, но есть ли в этом вина китайской стороны, или причина — в действиях третьей стороны, в первую очередь Германии?

— Союз провалился, потому что российская внешняя политика того времени была очень запутана. Изначально идея Витте была неплохой. Витте — великий государственник XIX века — понял,



что Китай предоставляет России ряд интересных возможностей. Но он также понял, что воспользоваться этими возможностями можно только мирно, не применяя силу, а выстроив отношения на дружеской основе. Этот подход дал секретный Союзный договор 1896 г. между Россией и Китаем[2]. Два года спустя, когда Германия сумела заполучить Цзяо-Чжоу в качестве своей колонии, некоторые представители русского правительства стали призывать к аналогичным действиям: мол, Россия тоже должна обзавестись своим портом в Китае и предлагали взять Порт-Артур. Витте был крайне против подобных инициатив, однако, окончательное решение, как мы знаем, было не за ним, а за Царем. Царь же поддерживал оба крыла, что, конечно, было весьма непоследовательно. И это стало началом конца российско-китайского союза. Все время с 1897 по 1904 г. в Санкт-Петербурге существовал раскол между лагерем, который призывал к дружественным отношениям, и лагерем, который призывал воспользоваться слабостью Китая, как это делают все остальные, и отхватить себе как можно больше территории. Этот внутренний раскол имел трагические последствия в виде войны 1904 г.

— Видите ли вы признаки похожей непоследовательности сегодня?

— Нет, современная российская внешняя политика гораздо более последовательная. Это не значит, что я ее до конца понимаю (полагаю, что ее никто не понимает), но я не могу упрекнуть ее в недостатке последовательности. Путин — не Николай II. Он уверен в том, что делает.

— Вы фактически открыли русское восточничество отечественному читателю. Каково происхождение самого этого термина «восточник»? Кто первым его ввел в оборот?

— Этимология термина «восточник» меня всегда интриговала. В первый раз я столкнулся с этим термином в самом начале научной деятельности. В рамках курса по китайской истории я прочитал книгу «Российская дальневосточная политика: 1881–1904», написанная Андреем Малоземовым, русским эмигрантом, неожиданно скончавшимся до завершения своего исследования, которое было опубликовано в незавершенном виде[3]. Он использует термин «восточник» применительно к людям, которые призывали к повороту в сторону Востока в конце XIX века. Затем я провел год в МГУ, где мой научный руководитель Андрей Анатольевич Левандовский, специализирующийся на истории России XIX века, спросил меня про этот термин и сказал, что он с ним не сталкивался. Он даже попросил одну из своих аспиранток заняться этой темой, что впоследствии было оформлено в очень интересную кандидатскую диссертацию[4]. То есть этот термин был очень редким. Так, для своей диссертации я прочитал очень много литературы, и термин «восточник» встретил, наверное, несколько раз. Иногда этот термин обозначает людей, выступающих за более тесные отношения с Востоком, а чаще всего его используют для обозначения студентов Восточного факультета в СПб. Императорском университете, созданного в 1855 г. Более того, этот термин почти не использовался журналистами. Так что боюсь, что точного ответа на этот вопрос у меня нет. Единственный способ найти ответ на этот вопрос можно, если будут оцифрованы все имеющиеся в наличии материалы этой эпохи и можно будет сделать поиск термина.

— В МГИМО есть замечательная кафедра востоковедения, на которой я однажды провела год в качестве аспиранта, и я была очень удивлена, когда узнала, что в Восток там попадала вся Азия, Ближний Восток и Африка. В связи с этим на кафедре собрался коллектив очень узких специалистов, которых объединяло, пожалуй, только то, что они исследовали не-западные страны...

— В Англии, Германии, Франции существует такая же широкая трактовка понятия «Восток».

2 Договор предусматривал совместные военные действия в случае нападения Японии на одну из стран, а также в случае нападения на Корею; кроме этого, договор предоставил России право на строительство железной дороги на территории Маньчжурии, - прим. ред.

3 См.: Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy: 1881-1904. With Special Emphasis on the Causes of the Russian–Japanese War. Berkley, 1958.

4 Речь идет о кандидатской диссертации Л. В. Жуковой «Идеологическое обоснование русско-японской войны 1904–1905 гг.», которая была защищена на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1996 г. – Прим. ред.

Порой в эту категорию попадает даже Россия! Лучшее место для изучения русского языка во Франции — INALCO — Национальный институт изучения восточных языков и цивилизаций. В дореволюционной России у МИДа было два основных отдела: первый занимался Европой, а второй отдел носил имя «Азиатский департамент», который охватывал все неевропейские страны, включая США!

— Не создает ли это путаницу в научной деятельности? Ведь вам приходится исследовать регион, в который при желании можно записать все страны мира...

— Именно поэтому исследовать Восток так интересно! Я не большой поклонник Эдварда Саида и его работ, но он сделал одну важную вещь. Он поднял вопрос о том, что́ Восток значит для нас, т.е. для Запада. Я не согласен с его ответом, но я считаю, что вопрос был задан очень правильно. Восток — очень неясный термин. Моя бабушка-голландка говорила, что Восток начинается на немецкой границе. Таким образом, Восток для Запада — это все, что не Запад, все, что «не мы». Для исследователей это значит, что надо очень четко обозначать, как именно они понимают Восток. Даже внутри России не всегда можно понять, где начинается и где кончается Восток. Например, Казань — это Восток или нет? Калмыкия — это Запад или Восток? Так что, если хочешь заниматься исследованием Востока, нужно признать, что это очень противоречивый термин.

— Насколько хорошо сегодня изучено восточничество в западной и отечественной историографии?

— Когда я начал заниматься этой темой, на Западе не было больше никого. В начале 1990-х появилась книга под названием «Чем для нас является Азия? Азиатский центр России вчера и сегодня» чешского историка Милана Хаунера[5]. В этой книге было много отличных идей, но само исследование было слегка несфокусированным. Я заинтересовался восточничеством вслед за одним из своих преподавателей в Йельском университете — профессором Джонатаном Спенсом. Спенс — китаист, но его очень интересовало то, как Запад воспринимает Китай. Поскольку моей основной специализацией была Россия, то я заинтересовался тем, как Россия воспринимала Китай. За все эти годы я встречал нескольких людей, которые занимались различными аспектами этой проблемы. Через год после публикации моей книги вышла книга, посвященная более узкой теме — «Российский Восток: Политика идентичности и востоковедения в поздний имперский и ранний советский периоды»[6]. Автором книги является Вера Тольц. Джонатан Спенс выпустил книгу «The Chan's Great Continent: China in Western Minds» («Великий континент Хана: Китай в представлениях Запада»).

Эдвард Саид (1935–2003) – американский философ, литературовед, культуролог палестинского происхождения, борец за права населения Палестины, автор книги «Ориентализм» (1978), оказавшей огромное влияние на отношение к проблеме восприятия Востока и восточных народов в академической среде западных стран. Считал, что восприятие культурного наследия неевропейских народов через призму «ориентализма» – продукт колониального мышления.

У меня такое ощущение, что сейчас эта тема вызывает больше интереса. Например, в Амстердамском университете есть целая команда людей, которая занимается советской ориенталистикой, или восточничеством. На Западе благодаря Саиду возник интерес к тому, как Запад понимает Восток. Что до России, то у вас к Востоку всегда был интерес. Однажды бывший директор Института восточных рукописей Санкт-Петербурга Евгений Иванович Кычанов сказал мне, что востоковедение становится популярным хобби: люди выходят на пенсию и начинают писать о российском востоковедении. В России на эту тему написано немало книг, однако, они не известны на Западе.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ

— 12 марта 2015 года скончался Мануэль Саркисянц, автор книги «Россия и мессианизм Востока». Как Вы оцениваете вклад ученого в изучение русского ориентализма? Приходилось ли Вам с ним общаться?

— Его труды мне очень помогли в моей научной работе. К сожалению, его книга «Россия и мессианизм Востока» так и не была опубликована на английском языке[7]. Можно, конечно, достать

5 См.: Hauner M. What is Russia to us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990.

6 Книга Веры Тольц вышла в России в 2009 г. в издательстве НЛО под названием «"Собственный Восток России": Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период». – Прим. ред.

7 См.: Sarkisyanz E. Russland und der Messianismus der Orients. Tubingen, 1955. По-русски книга вышла в 2005 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета под названием «Россия и мессианизм. К "русской идее" Н.А. Бердяева».

черновик диссертации в Чикагском университете, но отдельная книга выпущена только на немецком языке[8]. Кроме этого, он опубликовал книгу о народах Азии в России, опять же на немецком языке, но первая книга уникальна, потому что изучает политику России в отношении собственных азиатских народов. Саркисянц поднимает ряд интересных вопросов, однако, мне кажется, что он немного перегрузил книгу терминологически, и что свою главную идею — о том, что у российских идей о мессианизме азиатские корни,— он мог бы выразить более четко. Возможно, в этом случае она получила бы бóльший резонанс, но книга, безусловно, интересная и заслуживает прочтения. К сожалению, я должен отметить, что Саркисянц совершенно неизвестен в англоязычном мире, потому что в этой среде люди очень не любят читать книги на других языках.

— В какой мере русское восточничество нашло продолжение в евразийстве?

— Все зависит от того, как вы определяете восточничество. В своих работах я определяю восточничество как изучение Востока и исследование Востока, что может найти свое выражение в искусстве (например, картины Василия Верещагина), литературе (это некоторые стихи Пушкина, например), музыке (например, «Князь Игорь» Александра Бородина) и в форме «востоковедения». Евразийству же, на мой взгляд, предшествует то, что я называю «азиатством», которое строится на идее о том, что Россия является азиатской страной. Евразийство является отростком этой идеи. Конечно, специалисты по евразийству возразят и скажут, что оно говорит о том, что Россия сочетает в себе и Восток, и Запад. Но самое главное заключается в том, что евразийство делает акцент на азиатском компоненте России. Более того, евразийство, как, впрочем, и славянофильство и азиатство, возникли в первую очередь из отторжения Запада, они появились для того, чтобы отделить Россию от Запада, и показать, в чем заключается ее отличие. В начале XX века такие люди, как Ухтомский, заявляли, что Россия слишком зависит от Запада и что не стоит брать на вооружение все западные идеи, что у России — в ее отторжении материализма и в ее духовности — гораздо больше общего с такими восточными автократиями, как Китай и даже Турция. Эти идеи снова оказались востребованными после падения Советского союза. Россия стала искать свою новую идентичность, и появились люди, которые стали говорить, что искать ее нужно на востоке.

До 1991 г. большинство работ по евразийству находилось в спецхране. Вернадский считался

опасным эмигрантом, а сегодня его цитирует глава Компартии — той самой партии, которая поместила его работы в спецхран,— Геннадий Зюганов. Я не могу сказать, что внутри современной администрации есть сильное евразийское течение, но сама идея является весьма привлекательной. Это как бы позволяет России идти по своему особенному пути и освобождает ее от необходимости копировать Запад.

— Почему само восточничество в отличие от евразийства не сложилось в мощную школу геополитики и историософии?

— Наверное, потому что тогда бы эта школа неизбежно скатилась в отрицание западной стороны России. Это было бы очень сложно сделать, потому что Россия является преимущественно христианской страной, и ее духовные корни находятся на Западе, хотелось бы этого русским или нет. Конечно, Россия — это не Франция и не Германия. Однако Хабаровск такой же русский город, как Смоленск, несмотря на огромную дистанцию между ними и китайский город Фуань на другой стороне Амура. То же самое касается большинства сибирских городов, за исключением таких мест как Улан-Удэ и Иркутск. Исключения, конечно — Казань, Элиста и т.д., но все же подавляющее боль-

8 Речь идет, по всей видимости, о книге «Geschichte der orientalischen Völker Rußlands bis 1917: eine Ergänzung zur ostslawischen Geschichte Russlands» (München; Oldenbourg, 1961).

шинство российских городов похожи друг на друга и являются русскими.

— Оправданно ли говорить о сильном влиянии таких восточников, как князь Эспер Ухтомский, на внешнюю политику Николая II?

— Да, оправданно, влияние было очень сильным. Проблема же, однако, заключалась в том, что Ухтомский и яже с ним были не единственными, кто влиял на Царя. Ухтомский и Витте говорили, что Россия должна дружить с Китаем. Однако были и такие, как генерал Александр Безобразов (хотя он уже был отдален к концу 1903 г.), которые говорили, что Китай слаб и нужно его разграбить. Трагедия заключалась в том, что Николай II не мог выбрать между ними. В своей первой книге я говорю, что все дело развалилось, потому что российская политика на Дальнем Востоке была непоследовательной. Конечно, сложно представить, что бы могло случиться, будь она последовательной, но нужно учитывать, что японцы вплоть до 1903 г. были готовы к тому, чтобы заключить договор с Россией. Их позиция была проста: «Япония хотела Корею, Россия хотела Маньчжурию, так давайте поделим». Граф Владимир Ламздорф в МИДе и Сергей Витте в Минфине, и даже военный министр Алексей Куропаткин выступали за то, чтобы пойти на сделку с японцами. Но Безобразов и прочие говорили, что «японцы — это макаки» и не нужно их воспринимать серьезно. Все оказалось совсем не так.

— На Ваш взгляд, можно ли считать вкладом русского восточничества в мировую и в первую очередь западную культуру теософию Елены Блаватской, мистицизм Николая Рериха и Георгия Гурджиева? Получается, что в каком-то смысле Азия все же пришла в Европу через Россию?

— Как ученый я надеюсь, что их влияние было минимальным. Примите мои извинения, но я не могу воспринимать серьезно подобные идеи. Я считаю, что Рерих был замечательным художником, что у него были интересные идеи. Все трое были известны на Западе, но они были экстравагантными личностями, и их влияние на научную среду были минимальным, если было вообще. Елена Блаватская была двоюродной сестрой Сергея Витте, так что он, конечно, знал ее, но относился к ее идеям очень иронично. Надо понимать, что на Западе были и свои мистики. Будучи русскими, эти трое уже были своего рода «экзотикой» в начале XX века. В России в то же самое время бы популярен Бадмаев, но это не значит, что он изменил основы российской медицины. Эти люди были, конечно, популярны, причем в западной среде, не в среде эмигрантов. Американский вице-президент Генри Уоллес дал Рериху большие деньги на экспедицию в Азию: Рерих сумел собрать в Америке столько денег, что даже построил себе небоскреб на Манхэттене. Наивные американцы были зачарованы его странными представлениями о Востоке. И, как я уже говорил, то, что сам он был русским, делало его идеи еще более аутентичными. Многие люди на Западе уверены, что русские — это азиаты, как в поговорке о том, что «поскреби русского — найдешь татарина». И это отчасти объясняет успех русских «азиатов» на Западе.

Александр Безобразов (1853–1931) – *офицер Кавалергардского полка, статс-секретарь 1903–1905 гг., сторонник крайне-агрессивной политики в России на Дальнем Востоке. Группа Безобразова, образовавшаяся в 1898 году, бросила вызов господству Витте в Дальневосточной политике России, поставив на первый план задачи военной, а не экономической экспансии.*

— Собираетесь ли Вы и дальше продолжать заниматься русским ориентализмом?

— Последние пять лет я занимался исследованием того, что я называю «российской большой игрой» — борьбой за господство в Центральной Азии. Новая книга будет похожа на первую в том, что это также будет история дипломатии и история идей, но все происходит в XIX веке в Центральной Азии и вокруг нее. Обычно мы считаем «большой игрой» борьбу за господство в Южной и Центральной Азии между Британской и Российской империями, но я подхожу к этому шире. Меня интересуют, в первую очередь, идеи России о Центральной Азии и проект, известный как «присоединение Средней Азии» в 1860–1881. Во вторую очередь меня интересуют отношения между Россией и другими азиатскими державами того времени. Было бы неправильно сводить борьбу только к двум странам. В ней также участвовали Китай, Персия, Турция и прочие страны. Как вы понимаете, эти отношения тоже являются частью восточничества — того, как Россия выстраивала свои отношения и формировала свои идеи о Востоке. На самом деле, тема российского восточничества такая многогранная и интересная, что, думаю, я на всю оставшуюся жизнь обеспечил себя работой.

Беседовала Юлия Нетесова

КТО ТАКИЕ «ВОСТОЧНИКИ»?

ЛЕКХА ЖУКОВА

Кандидат исторических наук,
доцент МГУ

Говоря о «восточничестве», необходимо уточнить содержание этого термина, смысл и происхождение которого не вполне ясны.

Происхождение термина

Словарное значение слова «восточник» описывают синонимы «студент института восточных языков»[1], «ориенталист» (востоковед). Полный церковно-славянский словарь определяет его так: «обитатель восточных стран»[2]. Причем первая трактовка сохраняется и в словарях Д. Н. Ушакова, и Т. Ф. Ефремовой[3], и З. Е. Александрова[4]. Нет определения «восточничества» и в современных философских энциклопедиях[5]. Также не упоминается оно и в исторических словарях, а в Википедии, например, применительно к Э. Э. Ухтомскому использован термин «востокофильство»[6].

Отсутствие определения «восточничества» в дореволюционных справочных изданиях вполне объяснимо. Течение это не оформилось в сколь-нибудь определенную организацию или философскую школу. Вообще, термин «восточничество» в дореволюционной историографии практически не встречается. В статье Бориса Межуева «Моделирование понятия “национальный интерес”. На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века» приводится «лишь один случай использования этого термина в качестве самоназвания — в одной из нововременских заметок 1901 г. цикла “Опыты русской мысли” популярного на рубеже веков публициста С. Н. Сыромятникова»[7].

Несколько удивляет отсутствие термина «восточники» в словарях советского периода, поскольку речь идет об «империалистической концепции, обосновывающей экспансию России на Дальний Восток». Таким пониманием «восточничества» мы в значительной степени обязаны диссертации Андрея Александровича Малозёмова[8].

Не вполне законченная диссертация основана исключительно на опубликованных материалах, архивы в ней не использованы. Зато автор мобилизовал обширный круг публикаций и исследований

1 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Изд. 5-е. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1891. [Т. 1]. Вып. 1: А–Втас. С. 526.

2 Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах... / Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1900. С. 97.

3 Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.

4 Александров З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е издание. М.: Русский язык, 2001.

5 Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М.: Алгоритм, 2007; История философии: Запад-Россия-Восток / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1996–2000. Кн. 3.

6 Ухтомский, Эспер Эсперович — Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki

7 Межуев Б. В. Моделирование понятия «национальный интерес»: На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века // http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling/ Суворов В. В. Место «восточничества» в российской общественной мысли // Власть. 2012. № 12. С. 79.

8 Malozemow A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904 with special emphasis on the causes of the Russian-Japanese War. Berkeley; Los-Angeles, 1958.

как на русском (это и сделало его монографию заметным явлением), так и на европейских языках9. Для самого автора диссертация являлась своеобразным откликом на опубликованную в 1947 г. книгу Бориса Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907)» (второе ее издание вышло уже в 1955).

Главным предметом анализа Малозёмова становятся концепции, обосновывавшие продвижение России на Дальний Восток. Из их творцов автор выделяет довольно узкую группу «восточников», которых противопоставляет «евразийцам»[10]. Смысл, вкладываемый Малозёмовым в понятие «восточник», не тождественен тому, который вкладывал в это слово С. Н. Сыромятников, противопоставлявший свое «восточничество» — «западничеству»[11]. Он понимал первое довольно широко, хотя, как справедливо отмечает Б. В. Межуев, для Сыромятникова использование слова «восточник» носит в известном смысле случайный характер.

Вообще, тенденция «вписать» восточничество в какое-либо более известное или более оформленное течение общественной мысли очень характерна для исследователей. Например, Мануэль Саркисянц называет Э. Э. Ухтомского «неославянофилом»[12], склонным к идеям панмонголизма[13]. Современный американский исследователь Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе определяет «восточничество» как своеобразную инверсию панславизма[14].

Между тем, «восточники» сами отделяли себя от остальных течений. Князь Эспер Эсперович Ухтомский, например, отмежевывался от панмонголизма и писал о немногочисленности своих сторонников. Один из современников Э. Э. Ухтомского, историк и публицист, исследователь Сибири П. М. Головачев также был склонен выделять «восточничество» в самостоятельную группу, хотя и находил их связь с другими, более поздними течениями: «Сравнительно немногочисленные представители одной группы полагают, что Россия находится в духовном родстве с Востоком, связана с ним общностью традиций <...> Этот взгляд является как бы дальнейшим развитием взглядов славянофилов и панславистов»[15].

«ВОСТОЧНИКИ» ЧАЩЕ ВСЕГО ПИШУТ ОБ «АЗИИ», ПОДРАЗУМЕВАЯ ПОД НЕЙ МОНГОЛИЮ, КОРЕЮ И КИТАЙ

Интересное замечание сделал Межуев. Он обращает внимание на то, что «восточничество» евразийцев имеет совершенно другой смысл, нежели у самих «восточников»: «Впоследствии термин “восточничество” без всякого соотнесения с геополитическими исканиями рубежа веков воскрес в евразийском движении»[16].

Таким образом, первый вопрос, который возникает при попытке определения «восточничества»,— можно ли его считать самостоятельным течением мысли, либо это часть панмонголизма или евразийства, или это специфическая форма «неославянофильства» и панславизма. Второй, и не праздный вопрос: были ли «восточники» агрессивным течением, или напротив, это — сторонники мирного проникновения на Дальний Восток.

Часть исследователей склонны выделять восточников именно по этому признаку. Малозёмов считает, что идеология восточников сама по себе не вела к захватнической политике России на Дальнем Востоке[17]. Схиммельпэннинк ван дер Ойе отмечает, что «восточники настаивали на большом присутствии на Востоке, но они резко возражали против завоевания, которое, в любом случае, было абсолютно ненужно»[18]. Весьма важное наблюдение делает Игорь Лукоянов. Он приходит к выводу, что разочарование Николая II в «восточничестве» было связано как раз с тем,

***Андрей Малоземов (1910-1952)** – выходец из семьи русских эмигрантов, в 1930-е гг. учился в Калифорнийском университете, специализировался на истории России. В течение 10 лет Малозёмов готовил диссертацию по дальневосточной политике Петербурга второй половины XIX – начала XX вв, которая вышла в свет усилиями матери автора, литературоведа Екатерины Малоземовой спустя шесть лет после его смерти.*

9 Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 56–57.

10 Malozemow A. Указ. соч. С. 46.

11 Межуев Б. В. Указ. соч.

12 Саркисянц М. Россия и мессианизм: К «русской идее» Н. А. Бердяева / Перевод с нем. СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2005. С. 215.

13 Там же. С. 214.

14 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX–XX веков // Рубежи. 1998. № 2. С. 41–43; Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 86–87.

15 Головачев П. М. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 7–8.

16 Межуев Б. В. Указ. соч.

17 Malozemow A. Указ. соч. С. 51.

18 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу... С. 72.

что в 1902 г. С. Ю. Витте призвал снизить активность на Дальнем Востоке и даже предложил изменить первоначальный проект строительства КВЖД[19]. Также и Межуев считает «восточников» сторонниками мирной политики на Дальнем Востоке.

Другие исследователи видят ситуацию иначе. Т. А. Филиппова, например, пишет, что в 1880-е — 90-е годы концепцию дальневосточной политики России определяли две группировки. «"Рационализм" западной ориентации и стремление упрочить свое место в рамках "европейского концерта" сосуществовали и соперничали в правительственных сферах с хорошо аргументированным "иррационализмом" энергичного "мессианства" "восточников", сторонников активной политики в Азии. Первую геополитическую ориентацию представляло большинство министров иностранных дел (от Нессельроде до Сазонова), как правило, при поддержке министров финансов (Рейтерна, Бунге, Вышнеградского, Витте, хотя и их позиция не всегда была однозначной). Вторую позицию чаще всего озвучивали представители военного ведомства, настроенные более радикально и готовые к наступательному курсу в Азии и на Балканах даже под угрозой "раздружиться" с европейскими "партнерами" (Н. П. Игнатьев, ген. Черняев, фон Кауфман)»[20].

Наконец, еще один вопрос — насколько были влиятельны «восточники» при определении дальневосточной политики России. Саркисянц, например, сомневался в их значимости и влиянии[21]. Малозёмов, напротив, отмечает, что «Из-за их популярности и распространенности в русских культурных и официальных кругах <...> они представляли сильную идеологическую поддержку интересу России на Дальнем Востоке»[22]. По мнению Схиммельпэннинка, «несмотря на свою немногочисленность, восточники имели большое влияние»[23]. Правда, он же отмечает, что «восточничество Ухтомского никогда не было основным движущим фактором российской политики на Дальнем Востоке». Также и В. В. Суворов отмечает, что ««восточничество» в силу дружеских отношений Ухтомского и Николая II в первые годы его правления было достаточно влиятельным и перспективным направлением. Однако оно под влиянием необдуманных действий России на Дальнем Востоке, особенно после русско-японской войны, постепенно уступило место представлениям о «желтой опасности»[24].

Таким образом, возникает довольно парадоксальная ситуация. Немногочисленная, но, по мнению большинства исследователей, влиятельная группа «восточников» упоминается практически всеми современными исследователями дальневосточной политики Российской империи конца XIX — начала XX в. Однако представления о ней у всех разные. Попробуем выявить, что объединяет этих самых «восточников» и какова была их идеология.

Во-первых, как представляется, речь все же должна идти о «дальневосточниках», и в этом отношении за скобками остаются как «греза об Индии», «мечта о Царьграде», так и «еврейское восточничество».

МАЛОЗЁМОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ИДЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНИКОВ САМА ПО СЕБЕ НЕ ВЕЛА К ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В энциклопедиях этого времени «Азия» практически не разделяется — в отношении к «азиатским землям» нет явного выделения каких-либо народов и территорий, но создается образ некоего однородного, крайне религиозного и отсталого в культурном отношении населения Востока. В Новом энциклопедическом словаре, издававшемся с конца 80-х и в начале 90-х годов XIX в., географ А. А. Григорьев в статье «Азия» пишет, что «среди народов Азии некоторые племена почти совершенно не затронуты культурой, а, хотя большинство азиатских народов принадлежит к культурным, их культура отличается от европейской (исключение — японцы), в Азии важны традиции и религия, и наука азиатских народов сводится преимущественно к изучению и толкованию древних, главным образом, священных книг и не имеет ничего общего со свободным исследованием европейцев, однако большинство народностей Азии идет следом за Японией и начало приобщаться к европейской цивилизации и находятся в стадии перехода к смешанной культуре, объединяющей новое европейское со старым азиатским»[25].

---

19 Лукоянов И. Д. Указ. соч. С. 445.

20 Филиппова Т. А. В царстве «Белого Царя»: Приоритеты поздней империи (1880–1890-е годы) // В кн.: «Россия: государственный приоритет и национальные интересы». М.: РОССПЭН, 1999. С. 7.

21 Саркисянц М. Указ. соч. С. 199.

22 Malozemow A. Указ. соч. С. 43.

23 Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX–XX веков // Рубежи. 1998. № 2. С. 41–43; Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу... С. 73.

24 Суворов В. В. Место «восточничества» в российской общественной мысли. // Власть. 2012. № 12. С. 79–80.

25 Чач Е. А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века. Канд. дисс. Санкт-Петербургский ун-т. СПб., 2012. С. 95.

«Восточники» чаще всего пишут об «Азии», подразумевая под ней Монголию, Корею и Китай. Япония, также упоминаемая в этом контексте, остальной — миролюбивой и отсталой в культурном отношении Азии — противопоставляется как страна агрессивная, «коварная» и склонная к усвоению европейских культурных ценностей. Таким образом, в своем понимании «Азии» «восточники» отражают определенные представления русского общества, сложившиеся в 80-е годы.

«Японская» тема начинает выделяться в самостоятельную в русской периодической печати с 80-х годов XIX в. «Отделение» Японии от остального «желтого» мира приходится на начало 90-х годов XIX века. Причем отделение идет достаточно резкое — по принципу противопоставления. Если остальные страны воспринимаются как «мирные», то Япония представляется традиционно воинственной[26], способной не ассимилироваться, а быстро перенять европейскую культуру и развиться как в экономическом, так и военном отношении.

«Все иноземные народы, кроме Японского, инстинктивно почувствовали дотоле безсознательное тяготение свое к милосердному и могучему Белому Царю, столь не похожему на других, своекорыстных и жадных пришельцев с Запада»[27],— так передает Э. Э Ухтомский свое впечатление о Дальнем Востоке во время путешествия Цесаревича Николая Александровича. Причиной тому стал отнюдь не инцидент в Оцу,— путешествие и без того было полно мелких и крупных недоразумений и конфузов. Однако Ухтомский совершенно инстинктивно выделяет Японию из «желтого мира», понимая, что это — главный соперник России на Дальнем Востоке. Остальной Дальний Восток представляется князю единым и тяготеющим к Белому царю. Такое представление, как уже отмечалось, было совершенно в духе времени. Воплощением такого понимания мира стали путешествие Цесаревича на Восток и закладка во время этого путешествия железной дороги, которая должна была соединить Европу и Азию.

Главным инициатором прокладки этой железной дороги считается С. Ю. Витте. До 1892 г. он не проявлял особого интереса к Дальнему Востоку. Но в 1892 Витте последовательно сменил кресло министра путей сообщения на кресло министра финансов, его политическая активность, естественно, возросла. Внимание Витте к Дальнему Востоку было связано с постройкой Сибирской железной дороги. В ноябре 1892 г. в своем докладе, касаясь этого вопроса, Витте утверждал, «что предпринимаемый «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским востоком» последует

Ционглинский Я. Ф. Портрет С. Н. Сыромятникова. (1896. Холст, масло; 48,5 х 38,5). Национальный Музей, Варшава. (Выставлялся на 4-ой выставке «Независимых» в СПб в 1897 (кат. № 67. «Портрет Г-на Сигмы»)).

в пользу России «не только как посредника в торговом обмене», но и как «крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока»[28]. Таким образом, интерес Витте к Востоку был чисто экономический — постройка железной дороги будет означать «коренной переворот», потому что откроет русскому капиталу доступ к внутренним провинциям Китая, что увеличит «емкость рынка сбыта для промышленной продукции центральной России не менее, как вдвое»[29], с одной стороны, и позволит России составить конкуренцию Англии в чайной торговле, с другой.

Идеология и практика «мирного проникновения»

Как указывает Е. В. Тарле, «основою всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать»[30]. Так же, очевидно, мыслил дальневосточную политику Российской империи и сам Государь. В рескрипте 14 января 1893 г. на имя Цесаревича Николая Александровича Александр III подчеркивал, что «наследнику престола поручается “привести это дело мира и просветительской задачи России на Востоке к концу”»[31]. Министр путей

26 Санкт-Петербургские ведомости. 17 февраля 1895. С. 3.

27 Санкт-Петербургские ведомости. 18 февраля 1896. С. 1.

28 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907 гг. М.; Л., 1947. С. 23.

29 Там же. С. 25.

30 Тарле Е. В. Указ. соч. С. 10.

31 Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 322.

сообщения М.И. Хилков также отмечал, что «железная дорога объединит две культуры — культуру Запада и культуру Востока»[32].

Не прошел мимо этой мысли и Э.Э. Ухтомский, сравнивавший «окно в Европу» Петра I и «железный мост» между Европой и Азией»[33]. Таким образом, первой мыслью «восточников» была необходимость экономического освоения российского Дальнего Востока и «соединения» азиатской части России с европейской посредством железной дороги.

Второй важной мыслью «восточников», вытекавшей из первой, было создание буферного пространства на границе с Китайской империей. В него должны были войти Монголия, Корея и часть северного Китая.

Надо отметить, что Монголия в то время уже хорошо известна в России — появляются исследования Н.Я. Бичурина, О.М. Ковалевского, И.Я. Шмидта и других исследователей. С созданием в 1850-е годы Восточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества возникло академическое и прикладное монголоведение в Кяхте, Верхнеудинске (Улан-Удэ), Владивостоке, Иркутске[34].

Однако в прессе Монголия упоминалась редко и вскользь, просто как этническая родина бурят. Буряты вошли в состав русского государства уже давно и добровольно: «Сибирские инородцы, ныне именуемые бурятами, суть монголы и по собственному желанию страну свою отдали России, не стали укочевывать во Внутреннюю Монголию и сделались подданными русского царя»[35]. В 1727 году в Кяхте был заключен «Русско-китайский договор о границе», и переход бурят в российское подданство был закреплен юридически.

В этом контексте совершенно очевидно, что Монголия[36], «этническая родина бурят», воспринималась как естественная сфера влияния Российской империи.

Актуализируется «монгольская тема» довольно неожиданно. Связано это с именем Жамсарана (Петра Александровича) Бадмаева.

После нескольких поездок в Монголию, Китай и на Тибет, 13 февраля 1893 г. П.А. Бадмаев подал С.Ю. Витте записку на имя Александра III «О задачах русской политики на азиатском Востоке», в которой говорилось, что «положение России на Востоке в скором времени должно существенно измениться, благодаря железной дороге, в смысле более тесного соприкосновения с жизнью и интересами Востока.

*В знаменитом **«Путешествии Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)»**, говоря о Монголии, Ухтомский указывал: «Давно пора ввести в ней лучшее управление, не столь разорительное для населения, – давно пора воспользоваться естественными ее условиями для развития скотоводства в обширных размерах! Кочевники недовольны пекинским игом».*

***Петр (Жамсаран) Бадмаев (дата рождения точно неизвестна – 1920)** имел два образования – востоковедческое и медицинское. Сотрудник Азиатского департамента и придворный врач. Практиковал тибетскую медицину.*

Но заботиться о делах Востока следует не лихорадочно, не порывами, а последовательно, имея в виду, главным образом, историческое наше призвание, так как имя Белого царя пользуется на Востоке обаянием, благодаря историческим отношениям России к народам Востока в духе евангельского учения»[37].

Записка привлекла внимание Витте, он поддержал план Бадмаева как содержащий рациональное зерно, показывающий «новую точку зрения на практику в политике»[38]. Убедив Александра III, что Транссибирская железная дорога будет иметь огромное значение для отношений России с Востоком, а также со всей Европой, Витте стал настаивать на немедленном выполнении плана Бадмаева.

Кроме постройки железной дороги план этот предполагал присоединение Тибета «к России вместе с Китаем и Монголиею»[39], путем подготовки тайно восстания в провинции Кансу против маньчжурской династии, для чего требовалось вооружить коренное население. После победы такого восстания его вожди, по мнению Бадмаева, должны были просить русского царя взять их под свое покровительство, и таким образом большая часть Центральной Азии оказалась бы подчинена России без кровопролития. Для выполнения этой

32 Там же.

33 Санкт-Петербургские ведомости. 13 января 1904. С. 1.

34 Попов А. В. Россия и Монголия в XVII – начале XX века // Россия и Восток / Под ред. С. М Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 335.

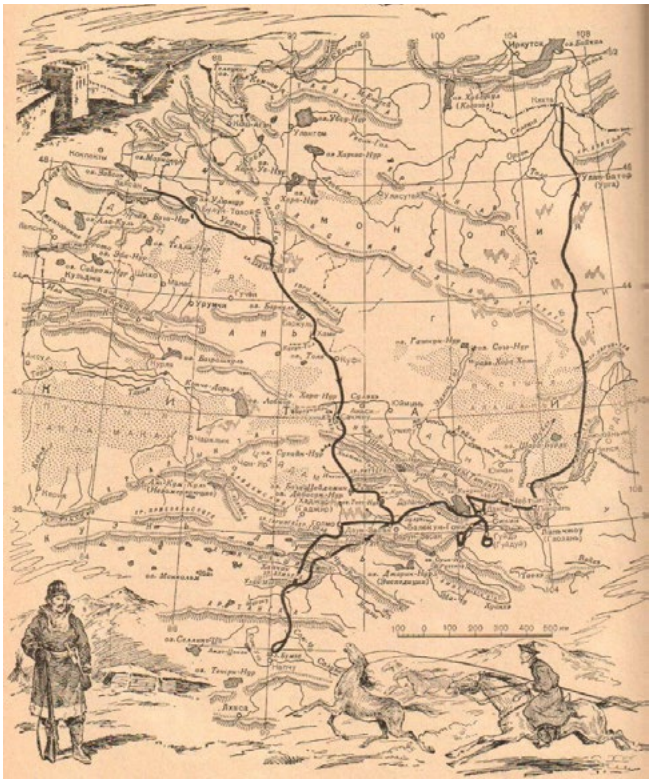
35 Сахаров Ц. История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондрея Шибшеева // Бурятские летописи / Составители: д. и. н., проф. Ц. П. Ванчикова, д. и. н., проф. Ш. Б. Чимитдоржиев, к. и. н. М. В. Аюшева. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. С. 140.

36 До 1911 г. Монголия была под властью всекитайской империи Цин.

37 Бадмаев П. А. За кулисами царизма / Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 49.

38 Malozemow A. Указ. соч. С. 48.

39 Бадмаев П. А. Россия и Китай. СПб. 1905. С. 16.



части плана предполагалось направить в Маньчжурию преданных Бадмаеву бурят — под видом предпринимателей они должны были вести пропаганду и вооружать местное население.

Имелось также в виду, что деятельность Бадмаева и его предприятий «будет особенно направлена к усилению экономического и политического влияния России в г. Лань-чжоу-фу и что оттуда это влияние будет распространяться на смежные области Китая»[40].

Испросив 2 млн. рублей займа, Бадмаев отправился в Пекин. Однако с реализацией плана вышла заминка. Бадмаев организовывает в Чите типографию, и с ноября 1895 г. здесь издается газета на русском и монголо-бурятском языках «Жизнь на Восточной окраине», которая «задается целью разрабатывать вопросы, касающиеся Забайкалья <...> в сельско-хозяйственном, торгово-промышленном, политико-экономическом аспектах»[41]. Что же касается подготовки восстания среди местного населения, то, получив оружие, «туземцы» скрывались, не желая поднимать восстание, а иногда и нападали на скотоводческие предприятия Бадмаева.

Все же Бадмаев не терял оптимизма, и в шифровке из Читы 17 апреля 1896 г. уверенно сообщал: «... Вся Монголия готова без выстрела сейчас же перейти в подданство России, и большинство энергичных и влиятельных людей за меня. Следовательно, о Монголии, Маньчжурии и Тибете не стоит и разговаривать: факт присоединения этих стран к России должно считать фактом свершившимся»[42].

Поначалу вполне благожелательно настроенные к Бадмаеву С. Ю. Витте и Э. Э. Ухтомский к 1895 г. охладевают к нему и фактически прекращают общаться. Тем не менее, его идеи во многом были почти дословным повторением высказываний самого Ухтомского, а его таинственность, склонность к мистификациям и бурятское происхождение придавали этим идеям большую убедительность.

Вполне благожелательно воспринимается «восточниками» Корея. Она не слишком известна в России, хотя первые сведения о «Стране Утренней Свежести» проникли в Россию уже к концу XVII в. В 1861 г. была проведена маркировка российско-корейской границы. В 1865 г. по инициативе Азиатского департамента МИД в Корею была отправлена экспедиция Гельмерсена для выяснения вопроса, какие выгоды могла бы извлечь Россия из торговли с этой страной. Результатом экспедиции стал рапорт, в котором говорилось, что «относительно начатия торговых сношений <...> они уже существуют в той мере, в какой дозволяют средства пограничных корейцев и еще неразвитое и незаселенное состояние нашего соседнего с Кореею порта <...> Корейцы выселяются, переходят взад и вперед границу, являются на ближние ярмарки и им никто ничего не говорит.<...> Таким путем скорее всего установятся пограничные сношения и торговля. Если же мы поторопимся завести без особой крайности официальные сношения, то остановим только естественный ход дела, возбудим противодействие в корейских властях, более бдительный надзор за желающими выселиться в Приморскую область и препятствия к содержанию пограничных торговых сношений между жителями. Усилия, которые мы должны будем употребить тогда для преодоления всех вышеизложенных препятствий, послужат к открытию Кореи иностранцам и к развитию там их торговли, если только бедность этой страны тому не воспрепятствует»[43].

Таким образом, в начале 1880-х годов распространяются две идеи — что многие дальневосточные народы хотят перейти под руку Белого Царя и что «Россия — культурный миссионер на Востоке».

Относительно первой концепции А. Малозёмов полагал, что она получает распространение после 1887 г., в связи с опубликованием отчетов

40 Докладная записка Витте Николаю II о восстании в китайской провинции Гань-Су и о необходимости добиться от китайского правительства разрешения на прокладку железной дороги через Манчжурию // ГАРФ. Ф. 601, оп. 1, д. 688, л. 2.

41 Санкт-Петербургские ведомости. 8 февраля 1896. С. 1.

42 Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии. // ГАРФ. Ф. 601. оп. 1, д. 700, л. 5 об.

43 Донесение посланника в Пекине Влангали директору Азиатского Департамента МИД Стремоухову. Пекин, 1/13 марта 1866 г. № 13 // Цит. по: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Докт. дисс. М., 2006. С. 101–102.

о путешествии Н. М. Пржевальского, под влиянием которых заинтересованные читатели «считали русскую культуру более близко связанной с Востоком, чем с Западом и находили, что историческая миссия России — слиться с Востоком, присоединив его к Российской империи»[44]. Однако, как видим, идея была сформулирована раньше и к концу 80-х годов уже казалась непреложной истиной.

Что касается второй концепции — о культурной миссии России на Востоке, то в полном и стройном виде она была изложена выдающимся русским синологом В. П. Васильевым в цикле публичных лекций, прочитанных в 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. Смысл заключался в том, что, во-первых, в Азии, предоставленной самой себе, «всюду запустение, гнет, резня <...> Если где еще для сердца представляется отрадное явление, так это в той части Азии, в которой пришлось действовать нам, русским»[45]. Во вторых, по мнению Васильева, вмешательство русских в дела «Азии» было гораздо более плодотворным, нежели аналогичные попытки европейцев, потому что русские в Азии в отличие от остальных европейцев являлись «не как завоеватели, а как освободители от тирании, междоусобия и безсилия»[46].

Таким образом, идеи «восточников» частично были сформулированы еще в 1880-е годы. Причем авторами становились безусловные научные авторитеты, связанные с Санкт-Петербургским университетом, в котором обучались и Ухтомский, и Бадмаев. К середине 90-х годов Ухтомский уже сформулировал собственную концепцию. «Любимая» идея Ухтомского,— о которой с такой насмешкой отзывались многие современники, считая князя чудаком[47,]— была создание Желтороссии. Желтороссия для Ухтомского — присоединение Маньчжурии, Монголии и Северного Китая к России «при минимуме жертв и затрат с совершенно мирными целями»[48]. Вообще, «Россия и восточные миры — одно по идее и неразрывное целое, лишь временно не находящее безусловного единения частей». В основу концепции Ухтомского легли идеи о том, что Россия — «самое европейское из азиатских государств», и ей ближе Азия, чем Европа; историческая миссия России — «просветить» Азию, ознакомив с новыми достижениями европейской культуры. С другой стороны, местное население миролюбиво вообще и к русским, в частности, относится особенно дружелюбно; в Маньчжурии и Китае популярна идея Белого царя, который — не что иное, как русский царь, и многие народы — маньчжуры, буряты — мечтают стать его подданными. Одновременно говорится о том, что наша политика — не политика захватов, а «политика колонизации»: проникая на Восток, мы не разрушаем

44 Malozemow A. Указ. соч. С. 46.

45 Васильев В. П. Современное положение Азии. – Китайский прогресс. СПб., 1883. С. 1.

46 Там же. С. 3.

47 Malozemow A. Указ. соч. С. 44.

48 Санкт-Петербургские ведомости. 6 января 1895. С. 1.

местную национальную культуру, а помогаем «туземцам» освоить богатства края с помощью новейших достижений технического прогресса. Удивительно своевременная концепция, если учесть, что в Корее начинается борьба за модернизацию, а в Китае — борьба против Цинской династии.

22 мая (3 июня) 1896 г. в Москве был подписан Союзный договор между Россией и Китаем. В предвкушении этого договора Э.Э. Ухтомский разражается огромными статьями, в которых пишет: «Нам нужны широкие горизонты: у всякого народа с мировым значением искони существовала глубочайшая уверенность в своем историческом призвании быть выше и лучше других. Она и у нас есть в бесформенном определении себя каким-то новым обособленным миром, который вмещает и объединяет в недрах своей души культурно разделяемые бездной Восток и Запад»[49]. На Востоке открыт поразительный простор деятельности русских: «Результаты государственного движения в Азии рисуются уже в данный момент с наилучшей стороны: сотни и тысячи из так называемых "лишних" людей разнородного типа и слоя населения находят и все шире будут находить за Каспием и Уралом применение знанию своему и энергии»[50].

Словом, Россия должна «идти на Восток, и окончательно преградить доступ в империю богдоханов, доступ всякой иноземщине»[51].

11 февраля 1896 г. в редакционной статье появляется, наконец, развернутая программа действий на Дальнем Востоке: «В интересах <...> правильного развития призываемого к жизни Востока <...> требуется фактическая независимость Кореи и приобретение Россией на Востоке открытого порта вне Японского моря». Причем газета настаивает на приобретении порта и в связи с железной дорогой: «Государству, занимающему 1/6 часть всего земного шара, примириться с неимением хотя бы одного совершенно не замерзающего и совершенно открытого порта так же невозможно, как невозможно примириться с тем, что 8.000-верстный железнодорожный путь, соединяющий Европу с Тихим Океаном, имел конечный пункт, закрытый для навигации в течение нескольких месяцев ежегодно, не говоря уже о том, что пути из этого порта в океан легко могут быть в военное время закрыты для нас неприятелем»[52].

Момент триумфа и первые вызовы

Весной 1896 г. Витте удалось получить согласие приехавшего в Петербург Ли Хунчжана на проведение Китайской восточной железной дороги. Однако летом 1897 г. «иноземщина» все же проникает в Китай: немцы занимают Циндао, затем Цзяо-Чжоу, сами китайцы начинают сотрудничать с англичанами, а в России сменяется министр иностранных дел — на место умершего А.Б. Лобанова-Ростовского назначается М.Н. Муравьев.

Большие изменения происходят в восприятии Китая. Один из первых, кто предупреждает на этом этапе о возможной «китайской опасности»,— П.А. Бадмаев. 27 февраля 1897 г. он обращается к Николаю II с запиской, в которой сказано, что «вследствие быстрого решения вопроса о постройке маньчжурской железной дороги могут возникнуть осложнения в Китае»[53].

1897 г. в известной степени стал началом кризиса «восточничества». Обманутые ожидания способствуют довольно резкому изменению позиции «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Как оказывается, на восточных наших окраинах китайцы являются в той же роли, со всеми ее последствиями, в какой на западных окраинах являются евреи»[54]. Мессианская идея, главным адептом которой по-прежнему выступает Э.Э. Ухтомский, все еще сохраняет свое политическое значение. Однако и эта позиция претерпевает изменения. Россия должна защитить Китай от тлетворного влияния Запада. Стремясь сформировать общественное мнение, Ухтомский находит новых авторов, чьи статьи близки ему по духу. Например, в статье М. Соловьева отмечалось, что «на протяжении своей северной и западной границы Китай крепко спаян с Россией, до такой степени, что сливается с ней в инородческих племенах, живущих по обе стороны границы и подвергающихся одновременно влиянию русской и китайской государственности и цивилизации»[55]. Другой автор — Н. Катанов — также пишет о том, что население пограничных районов испытывает к России большую привязанность,

ВИТТЕ ПОЛАГАЛ, ЧТО ЕГО ПОЛИТИКА ПРИВЕЛА БЫ К САМЫМ ЛУЧШИМ РЕЗУЛЬТАТАМ, ЕСЛИ БЫ НЕ ЗАХВАТЫ, ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ В 1897 Г.

49 Там же. С. 6.

50 Там же.

51 Санкт-Петербургские ведомости. 6 февраля 1896. С. 1.

52 Санкт-Петербургские Ведомости. 11 февраля 1896. С. 1.

53 Записки, депеши и письма без подписей, адресованные Николаю II и С.Ю. Витте о политике России на Дальнем Востоке в Китае и Монголии. // ГАРФ. Ф. 601, оп. 1, д. 700, л. 5 об.

54 Гурьев Г. Очерки сибирской жизни // Санкт-Петербургские Ведомости. 14 февраля 1897. С. 3.

55 Соловьев М. Восток Дальний и Восток Ближний // Санкт-Петербургские ведомости. 18 февраля 1897. С. 3.

хорошо знакомо с русским языком»[56]. Однако после событий 1898 г. князь остается в явном меньшинстве. Статьи о Китае потихоньку уходят с первой страницы газеты. Да и его собственная позиция меняется, что отчетливо проявляется в укоризненном тоне статьи «О Китае»[57].

После смерти М. Н. Муравьева 8 июня 1900 г. С. Ю. Витте рекомендовал царю В. Н. Ламздорфа, и на следующий день Государь назначил его временно управляющим министерством, а 25 декабря 1900 г. — министром. Назначение В. Н. Ламздорфа ненадолго оживило «восточников», однако события боксерского восстания неизбежно внесли коррективы в их взгляды. Надо отметить, что даже русскими, находящимися в Пекине, восстание первоначально воспринималось как антианглийское и антинемецкое, но никак не антирусское[58].

Обратимся к брошюрам, написанным Ухтомским в это время: они получили широкое распространение как самостоятельные дешевые издания, а также были напечатаны газетой «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1900 г. выходит брошюра «К событиям в Китае». «Мы нередко жаждем приключений, в силу собственного своего национального характера, ищем случая предпринимать зачастую всякие дикие “хождения за три моря”, украшаем свои и чужие музеи результатами экспедиций в такие края, где русскому пионеру положительно нечего делать и наряду с тем равнодушны к осуществлению прямых и непосредственных государственных задач в пределах Азии, которая ведь, строго говоря, в полном объеме есть та же Россия, но только удостаивающаяся еще меньшего внимания со стороны русских образованных людей и деятелей вообще, чем многие внутренние области и довольно глухие окраины нашего неоглядного отечества. Между тем, неотложно приходит пора иначе взирать на вещи, глубже всмотреться в Азию, считать изучение ее делом первостепенной важности и необходимости.

Мы, русские, будучи по престижу первые в Азии, добровольно пока уступаем кому придется, свою историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока»[59]: фраза, почти целиком переписанная из «Путешествия».

В 1900 году Ухтомский не выдвигает практически никаких свежих идей — в дело идут старые, почти десятилетней давности. Видимо, это в какой-то степени отражало настроение князя, который не понял, что обстановка изменилась коренным образом, и воспринимал Восток как нечто раз и навсегда данное.

Из книги князя ***Эспера Ухтомского «К событиям в Китае»****: «Когда неведение по этой части с годами рассеется, мы естественно придем к сознательно-непреклонному убеждению, что Тот, на чьем челе магическими лучами слитые воедино венцы великих Князей Югорскаго, Пермскаго и Болкарскаго на Волге, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, – чьи предки еще в Белокаменной издавна величались “всея северные страны повелителями и иных многих великих государств государями и обладателями”, является единственным настоящим вершителем судеб Востока. Крылья Русского Орла слишком широко прикрыли его, чтобы оставлять втом малейшее сомнение. В органической связи с этими благодатными краями – залог нашего будущего».*

Меняется и тон следующей брошюры Ухтомского: «Состояние Маньчжурии более чем печально и двусмысленно. Необходимо безотлагательное попечение об этом крае, способном при данных условиях обратиться в пустыню. Им нельзя толком управлять, пока он или не присоединится окончательно, вопреки до смешного дерзкому англо-германскому соглашению, или не умиротворен богдыханскими указами. Среднего пути нет <...> но вернуть в Пекин маньчжурскую династию после разграбления ее дворцов пока немыслимо — параллельно же с тем мы будем изнемогать от непроизводительных жертв и, в силу вещей, неизбежного отсутствия определенных планов»[60].

Как видим, Ухтомский прямо и недвусмысленно высказывается за присоединение Маньчжурии. Здесь он не одинок. Как пишет Витте, генерал Куропаткин, недавно назначенный военным министром, рассматривал боксерское восстание как повод захватить Маньчжурию, сделать из нее нечто вроде Бухары[61].

Постепенно, с начала боксерского восстания все большее распространение получает идея «присоединения» Маньчжурии. Однако для «восточников» оно не мыслилось как военный захват. Они представляли себе «присоединение» через культуртрегерство, экономическое освоение края. Наконец, С. Ю. Витте предлагает активизировать практику переселения крестьян на восточные окраины:

56 Катанов Н. Русский язык в Китае // Санкт-Петербургские ведомости. 14 февраля 1897. С. 1.

57 Санкт-Петербургские Ведомости. 8 января 1898. С. 3.

58 См.: Жукова Л. В. Дипломаты в осаде // Дипломатическая служба. Научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 74–78.

59 Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае. СПб., 1900. С. 43.

60 Ухтомский Э. Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 24.

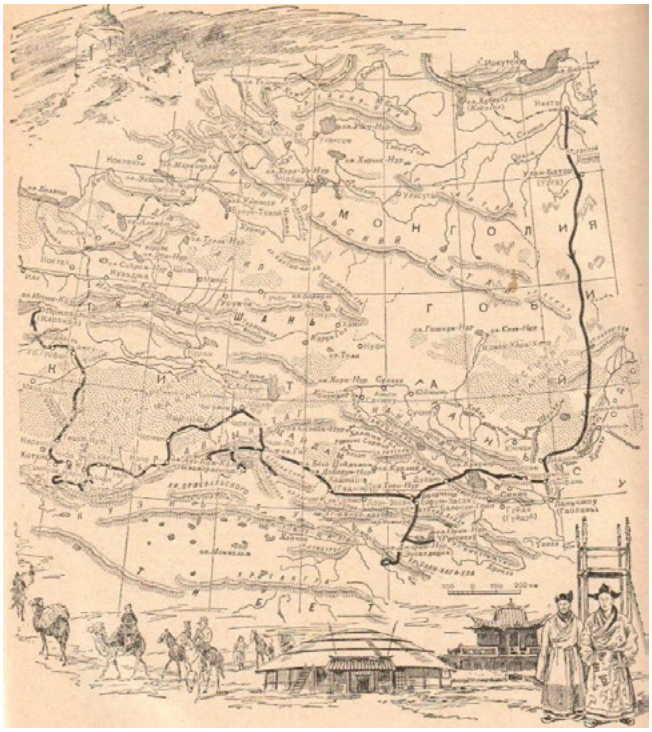
61 Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. Т. 2. (1894 – октябрь 1905) Царствование Николая II / Коммент. А. В. Игнатьева и А. Г. Голикова. С. 174.

«Для того чтобы в предстоящей в будущем борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достояния, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей»[62].

Практически одновременно начинается «демонтаж» классического «восточничества».

После поездки на Дальний Восток осенью 1902 г. на совещании в Ялте 27 октября 1902 г. Витте «отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке министр финансов предложил построить исключительно по российской территории железную дорогу вдоль р. Амура». Фактически он «предложил вообще прекратить всякие энергичные действия на Дальнем Востоке и отступать по всем направлениям. Возможно, что для царя подобная дилемма впервые прозвучала так разочаровывающе определенно и остро»[63]. Отходит от своей мессианской идеи и князь Ухтомский: «Китай <...> не в состоянии был бы оценить нашего великодушия <...> а Запад <...> проникнут к нам неисцелимою неприязнью»[64].

В то же время целый ряд авторов использует мессианство в другом, откровенно агрессивном контексте. Так, в январе 1902 г. несколько газет («Новый край», «Восточное обозрение») публикуют статью И. С. Левитова «Первый нумер желтой опасности», а в 1903 г. выходит его брошюра «Желтый Босфор»[65]. Он использовал термин «Желтороссия», призывая к захватнической политике на Дальнем Востоке и обосновывая необходимость этих захватов разными доводами[66]. Левитов пишет об угрозе миграции корейцев и китайцев на русский Дальний Восток, о «панмонголизме» японцев, о религиозном противостоянии и, наконец, о войне белой и желтой рас.



Сторонников мирной политики в Китае остается все меньше. Даже Ухтомский в этот момент занимает двойственную позицию. «Санкт-Петербургские ведомости» уверяют, что не правы те китайские газеты, которые «хотят видеть приготовления Китая к войне с Россией»[67]. В то же время газета помещает статью Сергея Трубецкого, который «защищает» Китай на свой лад. По его мнению, агрессия Китая растет не сама по себе, а из-за вмешательства в их отношения Японии — «передового поста монгольского, азиатского мира»[68]. Сам Ухтомский не может принять «панмонголизма» как идеи, глубоко чуждой всем его представлениям. «Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по моему и нет, и быть не может. Все те идеи мирового господства (в пределах Старого Света), которыми жили и дышали величайшие монархи древнего мира и средневековья, всецело перешли в кровь и плоть русского народа, после столетий единоборства с татарами»[69].

Голос князя тонет в многочисленных враждебных публикациях, а начавшаяся русско-японская война пресекает любую возможность дискуссии.

30 мая 1905 г. И. С. Левитов обратился к Ухтомскому с письмом. Выражая радость по поводу «толков о мире», Иван Семенович ненавязчиво

62 Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 560, оп. 22, д. 267, л. 8–9.

63 Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 445.

64 Санкт-Петербургские Ведомости. 21 января 1902. С. 3.

65 Об этом см.: Жукова Л. В. Идеологическое оформление дальневосточной политики Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи: Сборник материалов к научной конференции в рамках Ломоносовских чтений 1996 г. на историческом факультете МГУ. М., 1996. С. 33–36.

66 Левитов И. С. Желтороссия как буферная колония. СПб., 1905.

67 Санкт-Петербургские ведомости. 10 декабря 1903. С. 3.

68 Санкт-Петербургские ведомости. 24 января 1904. С. 1.

69 Перед грозным будущим: К русско-японскому столкновению. СПб. 1904. С. 7. Брошюра печаталась также в газете с № 24 от 25 января 1904 г. на первых страницах.

упоминал о своем разговоре с генералом Алексеевым и просил князя переговорить с принцем Ольденбургским, чтобы разрешили «прочесть одну лекцию для народа в народном доме с целью выяснить ему значение для нас мира и при каких условиях мы можем заключить его»[70]. Левитов заверял Ухтомского, что не такой он человек, «чтобы воспользоваться и пропагандировать какие-нибудь вредные для государства идеи».

Однако князь, в раздражении, смял письмо и бросил в мусорную корзину. «Санкт-Петербургские ведомости» больше не пишут о Востоке. Другой враг — Западная Европа — занимает теперь князя.

Влияние забытой идеологии

Идеи «восточников» были отражением представлений о Востоке, сложившихся в русском обществе в 80-е годы XIX в. Несмотря на то, что «восточники» не только имели научные сведения о Востоке, но и неоднократно бывали там, они мыслили вполне в русле этих представлений, разрабатывая собственные концепции в духе «tout le monde dit» [«все говорят», общеизвестное. — Ред.]. Их идеи использовались впоследствии, приобретая иное, гораздо более определенное и агрессивное звучание. Именно употребление лексики «восточников» сторонниками «желтой опасности», появившимися несколько позднее, заставляет ряд исследователей усматривать четко выраженную агрессивность в самих «восточниках». Между тем, сами они были, как ни странным это покажется, идеалистами, не понимая, к чему могут привести их теоретические построения, доведенные до логического конца. Отсюда — и раздражение Э.Э. Ухтомского против И.С. Левитова, и ссора с П.А. Бадмаевым.

Вопрос в том, насколько «восточники» были влиятельны. Думается, безоговорочно признавать их влияние было бы не совсем правильно.

Оценивая дальневосточную политику С.Ю. Витте, Е.В. Тарле отмечает, что в 1895–1896 гг. она сводилась к охранению территориальной целости Китая, решающему влиянию России в Пекине на центральное китайское правительство, финансовой опеке над Китаем, получению концессии на проведение железной дороги через Северную Маньчжурию. Но при этом ни в коем случае не захватывать ни одной пяди китайской территории. Витте настаивает, что это была мирная политика, основанная на обоюдных интересах, на дружеских, а в будущем, может быть, и союзных отношениях России и Китая. Когда ему впоследствии ставили на вид, что он начал дальневосточную политику, которая привела к вражде и войне с Японией, то Витте отвечал, что он не виноват, как не виноват хозяин, который только пригласил своих гостей пообедать, а они напились, пошли в другое место и затеяли там «скандал». Витте полагал, что его политика привела бы к самым лучшим результатам, если бы не захваты, произведенные Германией и Россией в 1897 г.[71].

После провала дальневосточной политики С.Ю. Витте, его положение пошатнулось, и Николай II без сожаления отправляет его «на повышение», одновременно принимая участие в травле бывшего министра[72]. Что касается Э.Э. Ухтомского, то в литературе для доказательства его влияния на Николая II довольно часто приводится факт назначения князя сопровождающим Цесаревича во время восточного путешествия. Однако, сам Ухтомский отмечает, что был включен в состав экспедиции внезапно, за несколько дней до ее отправления[73].

В НАЧАЛЕ 1880-Х ГОДОВ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ ДВЕ ИДЕИ – ЧТО МНОГИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ ХОТЯТ ПЕРЕЙТИ ПОД РУКУ БЕЛОГО ЦАРЯ И ЧТО «РОССИЯ – КУЛЬТУРНЫЙ МИССИОНЕР НА ВОСТОКЕ»

По воспоминаниям князя, в его первом трудоустройстве сыграл особую роль один из его самых обеспеченных однокашников — граф А.Ф. Гейден, будущий вице-адмирал и сын выдающегося русского военачальника, после окончания университета служивший в департаменте духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел. Родовитому и богатому Гейдену наскучило здесь, и в 1884 г. он решил перейти на флот, а вместо себя порекомендовал Э.Э. Ухтомского, с которым сошелся на лекциях В.С. Соловьева[74].

В 1884 г. Ухтомский сошелся с князем В.П. Мещерским — публицистом и редактором крайне правых взглядов, убежденным монархистом, возглавлявшим «Гражданин». Этот человек имел репутацию члена «ближнего круга» императоров Александра III и Николая II. В.П. Мещерский

70 Письма гр. Арс. Арк. Голенищева-Кутузова, Ал. Серг. Ермолова, Марии Кологривовой, Стан. Кораль, Е. Кудрявцева, Л. Лебедевой, И. Левитова, Л. Леуса, Фридр. Лонье // РГИА. Ф.1072, оп. 1, д. 10, л. 12.

71 Тарле Е. В. Указ. соч.

72 История России в портретах: В 2-х тт. Т. 1. С. 285–308.

73 Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. СПб; Лейпциг, 1893. Т. 1. Ч. 1. С. 2.

74 Лукьянов С. М. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским // Российский архив. Вып. 2. М., 1992. С. 394.

имел свой взгляд на Восток: «Интересы России на Дальнем Востоке — и относительно Китая, и относительно Англии и Америки — требуют не только мира, но и самого полного и оборонительного и наступательного союза с Японией, дабы сообща быть владыками Тихого Океана и вырвать Японию из объятий Англии и Америки»[75].

Вероятно, Мещерский сыграл роль в осознании Ухтомским определенных положений его внешнеполитической концепции. Во-первых, представление о Китае как о сфере российских интересов. Во-вторых, о неизбежности столкновения уже не с Востоком, а с Западом из-за Востока. В-третьих, это последовательная убежденность не только в возможности, но и в необходимости решать все вопросы мирными средствами. В литературе можно редко встретить мнение о том, что Мещерский сколько-нибудь сильно повлиял на Ухтомского: чаще называют В. С. Соловьева, однако, возможность такого влияния исключать нельзя.

В 1886 г. Ухтомский был отправлен в Забайкалье для прояснения вопроса о конфликтах между православными миссионерами и буддистским духовенством бурят. Он пробыл там почти год, а по возвращении в Петербург подал императору докладную записку с описанием основных проблем, возникающих в связи с христианизацией далекой восточной окраины Российской империи[76].

Именно «О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье» характеризует позиции Ухтомского на тот момент, когда он только-только начинал стяжать славу востоковеда. Ключевой, центральный пункт в его воззрениях — недопустимость насилия против местного населения как физического, так и морального, через любого рода оскорбления прежних, языческих святынь и неразрывность чисто миссионерской деятельности с постоянной ежедневной работой по обустройству жизни аборигенов, защите их прав.

В 1887 г. Ухтомский снова в Забайкалье. Находясь среди бурят-монголов, Ухтомский решает не просто выполнить свою миссию (проанализировать ход и перспективы христианизации местного населения), но и собрать исторический материал о прошлом этого народа. Он просит племенных старейшин написать «истории» — своеобразные летописи событий в народной памяти.

Александр III заинтересовался талантливым и необычным сотрудником, который, будучи мелким чиновником МВД, развил деятельность на столь оригинальной и малоизученной территории, как Дальний Восток. Возможно, именно это и послужило одной из причин быстрого карьерного роста Ухтомского, который начался вскоре после его возвращения из экспедиции. Уже 1 февраля 1887 г. князь был назначен помощником столоначальника департамента духовных дел иностранных исповеданий с окладом в тысячу рублей в год[77], 29 ноября 1887 г. произведен за выслугу лет в чин титулярного советника со старшинством[78], а 30 августа 1889 г. отмечен чином коллежского асессора. В 1889 г. он включается в состав иностранной миссии Бюро иностранных концессий и отправляется в Азию уже как экономический аналитик.

Нелюбовь Николая II к Витте настолько часто подчеркивается в исследованиях, что, как кажется, даже не нуждается в доказательствах. «Железнодорожная карьера» Витте началась после крушения царского поезда в Борках, а 1 января 1893 г. Александр III назначил его министром финансов с одновременным производством в тайные советники. Заняв кресло министра финансов, С. Ю. Витте получил большую власть: ему были подчинены департамент железнодорожных дел, торговля, промышленность, и он мог оказывать влияние на решение самых важных вопросов. Панславист, славянофил, сторонник самобытного пути развития России в короткий срок превратился в сторонника скорейшей индустриализации европейского образца. Главным способом этого развития виделась железная дорога.

Таким образом, сопровождать Цесаревича на Восток князь был отправлен все-таки не случайно. Отношения с Николаем Александровичем сложились вполне дружеские — Цесаревич подсмеивался над князем, любил ставить его в неловкое положение, но в целом был вполне мил и снисходителен, считая Э. Э Ухтомского «старым чудаком». Их своеобразная дружба продолжалась и после путешествия на Восток — князь подробно описывал путешествие, постоянно советуясь с Николаем II, который лично ставил пометки на полях сочинения Э. Э. Ухтомского, особенно в отношении событий в Оцу. В дальнейшем они продолжали встречаться, причем Николай II, со свойственной ему педантичностью, отмечал эти встречи в дневнике. Последняя упомянутая

75 Докладная записка кн. Мещерского Владимира Петровича Николаю II с предложением заключить мир с Японией. Рукописная копия // РГАДА Ф. 1378, оп. 2, д. 19, л. 2–3.

76 Ухтомский Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб, 1892.

77 Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД // РГИА. Ф. 821, оп. 12, д. 546, л. 27об–28.

78 Там же.

встреча произошла 13 июня 1904 г.: «Видел Ухтомского, вернувшегося из Америки»[79].

Уже почти полгода шла русско-японская война. «Восточники» отреагировали на ее начало довольно остро. Князь Э.Э. Ухтомский, например, через несколько дней после начала войны на вопрос немецкого корреспондента («Франкфуртер Цайтунг»), «почему русская публика апатична (к войне)?», отвечал, что «... не может быть и войны, менее популярной, чем настоящая. Мы абсолютно ничего не можем выиграть, принося огромные жертвы людьми и деньгами»[80]. Витте с раздражением утверждал, что патриотические манифестации первых недель войны были устроены «администрацией» и «не встречали никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает»[81].

Вскоре общество начинает искать «виновников» трагедии. «Безобразовцы» изо всех сил перекладывают вину именно на Витте. Тот вступает в полемику, оправдываясь и, в свою очередь, обвиняя «безобразовцев». Ему еще довелось сыграть заметную роль в нашей дальневосточной политике — он будет возглавлять делегацию в Портсмуте на мирных переговорах.

После своего недолгого «премьерства» 22 апреля 1906 г. Витте был отправлен в отставку, и, несмотря на все попытки, вернуться во власть уже не смог.

Ухтомский в это время еще продолжает совмещать посты председателя правления Русско-Китайского банка, председателя правления Маньчжурской железной дороги, издателя «Санкт-Петербургских ведомостей». О нем еще говорят в «свете»[82] пытаются вовлечь в полемику по поводу «виновников войны»[83], однако князь уклоняется от этих тем. В 1908 г. Э.Э. Ухтомский сделал попытку вернуться ко двору. Он хотел быть причисленным к Министерству Двора, но получил отказ[84] и больше попыток не делал.

В начале 20-х годов XX в. «восточная» тема вновь стала актуальна для России, но это была уже совершенно другая история...

После революции Э. Э. Ухтомский переехал в Царское Село, где жил до 1920 г., зарабатывая переводами. В 1920 г. он стал научным сотрудником Академии истории материальной культуры, ассистентом-хранителем Дальневосточного отделения Русского музея, состоял в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении, хотя никогда не выступал там. Всю оставшуюся жизнь Ухтомский работал над какой-то книгой, однако после 1907 уже ничего не публиковал. Умер Эспер Эсперович Ухтомский 26 ноября 1921 г. в Детском Селе.

79 Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1: 1894–1904. С. 809.

80 Романов Б. А. Указ. соч. С. 314–315.

81 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 277.

82 Письма гр. Арс. Арк. Голенищева-Кутузова, Ал. Серг. Ермолова, Марии Кологривовой, Стан. Кораль, Е. Кудрявцева, Л. Лебедевой, И. Левитова, Л. Леуса, Фридр. Лонье // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 10, л. 12.

83 Письма разных лиц Э. Э. Ухтомскому по вопросам издания «Петербургских Ведомостей // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 7, л. 52.

84 Письма Прасковьи Николаевны Милютиной Э. Э. Ухтомскому // РГИА. Ф. 1072. оп. 1. д. 11, л. 8–8об.

КНИГИ МАНУЭЛЯ

ИНТЕРВЬЮ СО ШТЕФАНОМ ГЭЕМ

о наследии последнего русского восточника – профессора Гейдельбергского университета Мануэля Саркисянца

В последние годы появилось уже немало сочинений о представителях того идейного течения в конце XIX в., кто считал, что судьба России лежит на Дальнем Востоке и усматривал миссию Империи в объединении всей Азии, в частности, о князе Эспере Эсперовиче Ухтомском.

Когда один из героев последнего крупного произведения Владимира Соловьева «Три разговора», политик, на вопрос другого персонажа (господина Z) об отношении к теории культурно-исторических типов говорит: «Слыхал я про эту варьяцию славянофильства и даже случалось разговаривать с приверженцами этого взгляда. И вот что я заметил, и это, по-моему, решает вопрос. Дело в том, что все эти господа никак не могут удержаться на точке зрения нашей греко-славянской самобытности, а сейчас же с головой уходят в исповедание и проповедания какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины. Их отчуждение от Европы прямо пропорционально их тяготению к Азии»,— то теперь мы знаем, что он ведет речь именно о князе Ухтомском. Более того, когда в «Краткой повести об Антихристе» Вл. Соловьев описывает фигуру лже-пророка, мага Аполлония, «полуазиата и полуевропейца», знатока и западной науки и таинственной мистики Востока, нам несложно догадаться, что, скорее всего, он метит ни в кого иного, как в того же князя Ухтомского.

МАНУЭЛЬ САРКИСЯНЦ БЫЛ ПОСЛЕДНИМ НАСТОЯЩИМ ПРИВЕРЖЕНЦЕМ «РУССКОЙ ИДЕИ» С ЕЕ МЕЧТОЙ О ВСЕМИРНОЙ МИССИИ РОССИИ

Как только в США увидели в конце 1940-х годах призрак нового союза России-СССР и Китая-КНР под общей марксистской идеологией, немедленно стали появляться исследования о тех людях, кто звал к объединению азиатского Хартлэнда еще в конце XIX столетия. После посмертной публикации диссертации американского историка русского происхождения Андрея Малоземова в 1958 г. этих людей стало принято наименовать «восточниками». Среди всех исследований «восточничества» одним из наиболее любопытных стала диссертация выходца из Персии Мануэля Саркисянца «Россия и мессианизм Востока», предисловие к которой написал крупнейший социолог Америки, русский эмигрант Питирим Сорокин. Однако книга Саркисянца была пронизана подлинной любовью и к Азии, и к России, а также надеждами на их возможное сближение, и поэтому она была признана абсолютно неуместной для публикации в США: она вышла только по-немецки в Тюбингене 1955 г. На английском языке в журнале «Russian Review» появился в 1952 г. лишь

ее небольшой фрагмент, где как раз говорилось и о поразительных идеях князя Ухтомского, по мнению Саркисянца, оказавшихся гораздо более созвучными народнической, социалистической, а не монархической России, которая так и осталась по-прежнему привержена Европе.

Впоследствии Саркисянц посвятил себя изучению буддийских и в целом народнических корней коммунистической идеологии в Азии и Латинской Америке. В 1997 г. в Германии был опубликован нашумевший курс гейдельбергских лекций Мануэля Саркисянца, который под названием «Английские корни немецкого фашизма» вышел в свет в русском переводе в Петербурге в 2003 г. Эта книга имела огромный успех в России, и поэтому, когда ученый впоследствии несколько раз посещал нашу страну, он был здесь уже довольно узнаваемой и почитаемой фигурой.

В мае 2006 г. Саркисянц прочел в стенах МГУ лекцию под названием «Русский вопрос в англо-саксонской славистике XX столетия». Он развивал свои представления о «русской идее» как чаянии мировой справедливости — расовой, национальной и социально-экономической. «Восточники» для него являлись не столько крайними русскими консерваторами или «ультра-патриотами» (как однажды назвал Ухтомского публицист Н.К. Михайловский), сколько своего рода первыми «революционерами» мирового масштаба, предшественниками Ганди и Хо Ши Мина. И в самом деле, в русском славянофильстве, поздним ответвлением которого и явилось «восточничество», был заложен подспудно этот революционный фермент, который потом еще более отчетливо проявился в евразийстве.

Сам Мануэль Саркисянц, армянин родом из Баку, выросший в Персии, учившийся в США, работавший в Германии, который провел последние годы и встретил смерть в Мексике, был, наверное, последним настоящим приверженцем «русской идеи» с ее мечтой о всемирной миссии России и грезами о царстве справедливости. И мы горды тем обстоятельством, что, приступая к работе над проектом сайта «Русская idea» и альманахом «Самопознание», мы успели получить символическое благословение от патриарха русской мысли, который в интервью нашему изданию в июле 2014 г. фактически подвел итоги своим почти столетним духовным исканиям словами: «“Русская идея”, о которой писал в своей работе Николай Бердяев, устремлена к миру, который будет избавлен от страданий,— тому миру, который наступит в конце времен». Наверное, Саркисянц уже что-то прозревал в конце времен, что пока недоступно нашему зрению.

В «Трех разговорах» Лже-пророк объявляет императору, что «в тайных книгах Востока он нашел прямые предсказания о нем, императоре, как о последнем спасителе и судии вселенной» и предлагает себя на службу лже-мессии. Едва ли будет ошибкой предположить, что перед нами понятный только близкому кругу друзей Вл. Соловьева выпад против князя Ухтомского, который, сопровождая цесаревича Николая Александровича во время кругосветного путешествия на яхте «Память Азова» в 1890–1891 годах, рассказывал будущему императору Николаю II о том, что в устном творчестве многих народов Востока сохранилось предание о Белом Царе, который когда-нибудь в будущем объединит всю Азию и принесет ее народам мир и справедливость.

Несмотря на то, что читателям в России довольно много уже известно о жизни и творчестве Саркисянца, этот человек все равно остается для нас загадкой. Поэтому альманах «Самопознание» решил поинтересоваться, как жил и над чем трудился в последние годы профессор Саркисянц и как он встретил свою кончину, у близкого друга Мануэля и его коллеги по Гейдельбергскому университету Штефана Гэя.

Штефан Гэй познакомился с Мануэлем Саркисянцем в 1995 г., когда тот уже вышел на пенсию. Саркисянц в то время преподавал в Германии только летом, проводя все остальное время в своем доме в Мексике. Штефан помогал Саркисянцу заниматься любимым делом, помогал пользоваться интернетом и вести переписку по электронной почте.

Штефан рассказал нашему изданию, что Мануэль Саркисянц скончался 12 марта 2015 г. и был похоронен на следующий день. Смерть была вызвана осложнениями после январской операции, когда Саркисянцу установили пейсмейкер — имплантация вызвала воспаление, в связи с чем Саркисянц был повторно прооперирован в том же месяце. После этого, по словам Штефана, он так и не смог оправиться. В какой-то момент он решил отказаться от госпитализации, сказав, что природа должна сделать свое, затем перестал принимать пищу и жидкости и через неделю его не стало.

За несколько часов до смерти Штефан позвонил Саркисянцу, и тот был как в бреду, повторяя постоянно: «ascendo, nascendo, ascendo, nascendo» [«Восхожу, рождаюсь, восхожу, рождаюсь». — Ред.]. Это были его последние слова.

— Что Вы можете рассказать о последних годах жизни Мануэля Саркисянца?

— Я познакомился с профессором Саркисянцем двадцать лет назад. Примерно в это время он стал почетным профессором, однако продолжал преподавать летом, в основном читая курс по книге «Английские корни немецкого фашизма», которая в тот момент была переведена на английский язык одним ирландским издательством. Перевод занял два года и потребовал дополнительной исследовательской работы со стороны переводчиков, которую Саркисянц впоследствии включил в свои лекции.

Неожиданная смерть его жены Хельги Саркисянц в 1999 г. стала для него большим ударом. Она была по профессии врачом и помимо медицинской практики писала книги по естественным способам лечения. После ее смерти профессор Саркисянц еще десять лет читал лекции в Гейдельбергском университете.

— Продолжал ли он научные изыскания в последние годы?

— Утолить его жажду знаний было очень непросто, в первую очередь, потому что она охватывала самые разные темы. Так, он интересовался археологией, верованиями самых разных видов, историческими открытиями, которые меняли прежний взгляд на вещи. В этом плане мы с ним очень сблизились, потому что я не только участвовал в дискуссиях с ним, но и помогал ему получать новые знания из интернета и кибермира, с которыми он был совершенно не знаком.

В конце жизни он также занимался продвижением перевода своей книги под названием «Kollasuyo» — изначально написанной на немецком языке и охватывающей тему мифов и мессианских идей андских индейцев. Его постоянно приглашали на различные социологические и исторические конгрессы и конференции с тем, чтобы он рассказал об этом исследовании.

— Какое направление научного знания он считал для себя приоритетным?

— В последние годы он в основном занимался написанием своей последней книги под названием «Tierra y Libertad» («Земля и свобода»), в которой сравнил мексиканские крестьянские революции и коммунистическую революцию 1917 г. в России.

— Как он относился к изданию его работ в России?

— Ему удалось добиться перевода с немецкого на русский двух его книг — «Английские корни немецкого фашизма» и «Россия и мессианизм Востока». Кроме того, он курировал эти переводы.

— Хотел ли он полного издания в России его первой книги о мессианизме Востока?

— Однозначно нет! По его мнению, книга должна была, не подвергаясь никаким изменениям или обновлениям, оставаться в качестве основы для дальнейших исследований. Он надеялся, что эта книга сможет вдохновить всех молодых ученых на следование его методу и использование его выводов в своих собственных изысканиях.

— Как обстояло дело с его преподаванием в Гейдельберге?

— Ему очень нравилось здесь преподавать. Гейдельберг предложил ему должность профессора в 1966 г. на базе только что созданного Института Юго-Восточной Азии. До того как он согласился, он преподавал во Франкфурте, Фрайбурге и Киле. Он согласился на должность профессора при новом центре, потому что институт был оснащен по последнему слову техники, а также имел солидное финансирование, что в совокупности способствовало продвижению исследований в данной области. Благодаря государственному финансированию при Институте была создана обширная библиотека, в которой была секция особо редких и очень дорогих книг из самых разных стран Южной Азии. Это привлекло в институт талантливых и известных ученых со всей страны. Благодаря этому в Институте была особенная атмосфера, которую Саркисянц так ценил и любил, и он всегда был благодарен за то, что жизнь подарила ему возможность работать в таком месте.

ЗАПАД ВСЕГДА БОЯЛСЯ РОССИИ, А СТРАХ НИКАК НЕ ПОМОГАЕТ ПОНИМАНИЮ

Штефан Гэй *родился в 1952 г. в Саксонии, которая была частью ГДР. Его родители бежали в Западную Германию, однако, сохраняли контакты с родственниками, оставшимися на Востоке, что сильно повлияло на его восприятие «цивилизационных» расколов: его семья относилась к ГДР совсем иначе, нежели официальные власти в ФРГ. Штефан изучал право, психологию, историю, политику и индологию. После скоропостижной смерти отца был вынужден заняться семейным бизнесом. Всегда увлекался политикой и благодаря бизнесу завел знакомства с людьми, которые занимались политикой на более продвинутом уровне.*

Мануэль Саркисянц

— Что именно он преподавал в Гейдельберге?

— Насколько мне известно, в первые годы он занимался мессианистскими и милленаристскими движениями, причем не только на территории России, но и в рамках буддизма. Одновременно с книгой о России он написал книгу «Буддистское происхождение бирманской революции». Кроме того, он читал лекции по истории и политике Бирмы.

— Как к нему относились студенты? Были ли у него ученики?

— Симпатии или антипатии студентов зависели от их политических взглядов, а не от качества преподавания Саркисянца. Я не думаю, что у него в университете были ученики, потому что он не был связан ни с какой группой внутри. Единственные группы, которые вызывали у него симпатию, были «зеленые», или движение за защиту окружающей среды.

— Бывал ли он в Армении?

— Да, он побывал в Армении в 2009 или в 2010 г., но он там находился не с рабочим визитом, а приехал просто как турист.

— Хотел ли вернуться в страну своих предков?

— Нет. Не желая никого обидеть, процитирую одну поговорку: «Прожив долго в городе, в деревню уже не захочется». Кроме того, он почти не говорил по-армянски. Он вырос билингвом, однако его родители говорили с ним на русском языке, в то время как его няня, немка из Прибалтики, научила его немецкому. Нужно также помнить, что он провел свою юность в Тегеране в 1930-е гг., где окончил немецкую гимназию.

— Мануэль был одним из пионеров изучения восточничества — идеологии сближения России с Востоком. Насколько актуальной он считал эту идеологию? Нынешний поворот России от Запада к Востоку — не мог ли он видеть в этом воскрешение тех чаяний, которым он посвятил свою первую книгу?

— Корни России являются европейскими или, если быть более точными, северно-европейскими или скандинавскими. Первым правителем России был Рюрик из варягов-викингов, которого пригласили в 862 г. править Русью. Династия Рюриковичей управляла страной вплоть до 1598 г., когда на смену пришли Годуновы и Романовы. Все последующие века мы видим, как разные течения сменяют друг друга на фоне поиска потерянных отношений и их повторных воскрешений. Разочарованная в Западе и чувствующая с его стороны непонимание, Россия закрыла себя с этой стороны и повернулась в сторону Востока для того, чтобы самореализоваться в освоении неохватных сибирских земель.

Затем было сильное желание заново утвердить христианство в Константинополе — откуда христианские монахи более тысячи лет назад начали миссию по крещению обитателей северных земель. Третий Рим не должен был забывать о своем духовном отце — втором Риме,— и он помнит об этом.

Запад относился с недоверием к этим бескрайним землям, их неприятным правителям, их обширной и непонятной администрации, нехватке организации и тайным законам и обычаям. Действительно, Запад всегда боялся России, а страх никак не помогает пониманию.

Сегодняшнюю Европу ведут США, чьи планы по закреплению своего статуса в качестве «исключительной нации» и «исключительной страны» можно легко обнаружить в заявлениях официальных лиц. Европейцам нечего сказать в ответ на желание Америки доминировать над всем миром. Европейские страны могут лишь «гаечный ключ подавать по время работы».

В сегодняшнем сближении между Россией и Востоком нет ничего нового. Россия разочарована в том, что Европа не способна уравновесить американское агрессивное продвижение по всему миру. Но что может сделать Европа? Она не способна выступать единым фронтом, что делает ее слабой и подверженной разного рода интригам и манипуляциям. Европа сегодня взяла на вооружение американское мышление и имеет очень ограниченную свободу действий.

В отличие от Европы Россия сегодня производит впечатление сильной державы, чья мощь растет каждый день. Я считаю, что России будет проще снова установить связь со странами Европы

с позиции силы. Однако Россия нуждается в политической мудрости, выносливости в дипломатии и усердия в действиях. Кроме того, она должна разоблачить, вывести наружу все секретные планы и действия, которые «столь отвратительны свободному и открытому обществу», как однажды сказал Кеннеди. Нужно показать всему миру, насколько далека современная Америка от того, что думал о ней Кеннеди.

В мире, где все секреты становятся достоянием публики, всем разрушительным державам придется отказаться от поставленных целей. Джордж Фридман из Стратфора недавно заявил в Чикагском совете по международным отношениям, что Америка смогла предотвратить возможность объединения российских ресурсов с немецкими технологиями и капиталом — а это идея, которая пугает США до смерти вот уже 150 лет. Он также пояснил, как этим можно воспользоваться, и посоветовал создать «санитарный кордон», как во время Второй мировой, от Балтийского до Черного моря, то есть создать конфликты по этой линии и поддерживать их в активном состоянии.

Ни один европейский политик, а в число таковых я включаю и представителей российского руководства, не должны этого допустить. Если это случится, то результат станет кошмаром для каждой европейской страны.

В связи с этим я призываю Россию продолжать работать над выстраиванием отношений с Европой, ведь не зря Федор Михайлович Достоевский говорил, что «у нас у русских две родины — наша Россия и Европа». Я бы даже пошел дальше и сказал, что у россиян и европейцев — одна Родина, включив, таким образом, Россию в Европу.

— Считал ли Мануэль себя социалистом и видел ли он какие-либо перспективы народнического социализма?

— В том, что касается политических убеждений Саркисянца, его очень сложно вписать в какую либо существующую схему. Он однозначно был анти-большевиком. С другой стороны, он очень симпатизировал Кубе. Ему нравился Чавес и левые националистические движения в Южной Америке и такие политики, как Эво Моралес в Боливии и Рафаэль Корреа из Эквадора. Профессор Саркисянц также читал лекцию по Чавесу в Перу.

Несмотря на то, что прошло столько времени, он до последних дней переживал из-за провала Народного фронта в Испании в 1939 г. Одной из причин, по которой он поселился в Мексике, был тот факт, что Мексика поддерживала Народный фронт на протяжении всей испанской гражданской войны, а впоследствии дала убежище многим испанским политикам и тысячам беженцев.

Он говорил мне, что его последняя книга «Земля и свобода» должна восприниматься как политическая декларация. Книга посвящена сравнению мексиканских крестьянских революций и революции большевиков, причем большое внимание уделяется «зеленым» партиям и российскому крестьянству. Он очень расстраивался, что ни одно из российских издательств или институтов не проявило интереса к тому, чтобы перевести его наследие на русский язык для издания в России.

Саркисянц придерживался левых идей, но он был антикоммунистом. Он поддерживал «зеленых» (его дом в Германии был выкрашен в зеленый цвет), для него большое значение имели проблемы защиты животных (в 14 лет он написал свою первую книгу о немецких овчарках), он симпатизировал буддизму, поскольку уважал природу и жизнь на всех ее уровнях. Он обожал антидарвинистскую книгу Петра Кропоткина «Взаимная помощь среди людей и животных как двигатель прогресса». Да, Саркисянц был антидарвинистом! Более того, он весьма спокойно относился к национализму и патриотизму. Чтобы лучше понять его политические взгляды, необходимо прочитать его книгу «Земля и свобода». Было бы неплохо, если бы ее перевели на русский!

САРКИСЯНЦ БЫЛ АНТИДАРВИНИСТОМ! БОЛЕЕ ТОГО, ОН ВЕСЬМА СПОКОЙНО ОТНОСИЛСЯ К НАЦИОНАЛИЗМУ И ПАТРИОТИЗМУ

— Что будет с его архивами и библиотекой?

— Саркисянц завещал мне свою огромную библиотеку — около 30 тысяч книг, которая хранится в специальном бунгало на территории его дома в Мериде в Мексике. Я в полном отчаянии, так как не знаю, что с ней делать. Я обратился в Гейдельбергский университет, однако у них нет средств, чтобы купить отдельную площадь, на которой можно было бы разместить эти книги. Я обратился также в Национальный автономный университет Мексики, но так и не получил ответа. В библиотеке — тома на русском, немецком, английском и испанских языках, и они отражают весь обширный кругозор Мануэля Саркисянца. Я боюсь, что книги скоро начнут портиться в связи с влажным климатом. Если в России найдется кто-нибудь, кто сможет перевезти книги или как-то помочь, это было бы просто замечательно.

Беседовала Юлия Нетесова

«ПЫЛИНКА ДАЛЬНИХ СТРАН»: АЛЕКСАНДР БЛОК И ГРЕЗЫ О ВОСТОКЕ[1]

БОРИС МЕЖУЕВ

Кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета проекта «Русская Idea», главный редактор альманаха «Самопознание»

До сих пор среди историков бытует мнение, что дальневосточная политика царизма 1890–1907 гг. не встречала сочувствия и понимания в русском обществе, что инициативы министра финансов Сергея Витте по мирному проникновению в Китай воспринимались в России с равнодушием, если не откровенным неприятием. Дело в том, что о надеждах, не только геополитических или экономических, но и культурных, связанных с активностью России в[1] Азии, отечественные мыслители и политики впоследствии действительно не любили вспоминать. Даже евразийцы, которые как будто должны были с интересом относиться к геополитическим экспериментам Николая II и его министров, с каким-то смущением отворачивались от идей и достижений той эпохи, предпочитая возводить свою родословную к славянофилам, а не тех, кого в позднейшей историографии стало принято именовать «восточниками»[2].

Это странное забвение целой эпохи русской геополитики и геокультуры, отмеченной стремлением нашего Отечества утвердить себя в качестве одной из ведущих азиатских держав (и более того, покровительницы или же владычицы всего азиатского континента), объясняется, видимо, глубокой внутренней травмой, вызванной крахом, по выражению историка последнего царствования — С. С. Ольденбурга — «великой азиатской политики»[3].

ОЖИДАНИЕ «ПРИБЫТИЯ КОРАБЛЕЙ» – ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО УДЕРЖИВАЕТ ЛЮДЕЙ ОТ БУНТА И НЕ ДАЕТ УГАСНУТЬ ВЕРЕ В СВЯЩЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Цусимская катастрофа мая 1905 г. явилась, возможно, даже более значительным фактором в делегитимации самодержавия, чем 9-е января. Бывший революционер-народоволец и крупнейший идеолог самодержавия Лев Тихомиров оставил в своих дневниках признание, что с победой Японии и подписанием Портсмутского мира Россия погибла (я благодарен Г. Б. Кремневу за эти сведения). Погибла в том смысле, что ее существование как империи утратило исторический смысл, заключавшийся в миссии распространения христианской веры среди народов Востока. Дмитрий Менделеев, который еще и в 1905 г., даже после Портсмута, продолжал надеяться на союз с Китаем, по

1Этот текст написан в живом диалоге с исследователем жизни и творчества Сергея Николаевича Сыромятникова, его внучатым племянником Борисом Дмитриевичем, которому хочу выразить большую признательность за материалы, любезно предоставленные для публикации в данной статье.

2 См. Межуев Б. В. Моделирование понятия «национальный интерес»: На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века // «Русский Архипелаг», 1999; http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/east/modelling

3 См.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939.

***Сергей Ольденбург (1888-1940)** – сын известного востоковеда С.Ф. Ольденбурга, историк и публицист, журналист, профессор истории, белый эмигрант. Автор фундаментального исследования "Царствование Императора Николая II», написанного с право-консервативных позиций Ольденбург критически относится к Витте и весь замысел «великой азиатской политики» приписывает самому императору.*

«<...> я была у отца в мае месяце, и в это время произошла гибель эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе. Я была на Невском часа в три дня, когда эта весть разнеслась по городу и всюду продавались экстренно выпущенные телеграммы. Город сразу затих и умолк, ведь там, далеко на Востоке, были отцы, мужья, сыновья, женихи. Я сейчас же вернулась к отцу, чтобы никто иной не успел ему сказать об этом ужасе. Я вошла к нему в кабинет. Он по обыкновению был один, окруженный бумагами. Услышав мои шаги, Дм. Ив. снял очки и ждал меня, отложив бумаги в сторону. Когда я, насколько возможно осторожно, сообщила ему о случившемся, он откинулся назад в кресле, закрыл глаза, и из них тихо побежали слезы, затем, махнув рукой, проговорил: «Теперь все кончено». Потом привстал, весь вдруг осунулся, сгорбился и никого не велел принимать».

воспоминаниям его дочери Ольги Дмитриевны, был потрясен известием о гибели русской эскадры под Цусимой. «Теперь все кончено»,— сказал он[4], и эти слова, полагаю, вместе с великим ученым мог бы произнести и его молодой зять, поэт Александр Блок.

В одном из наиболее загадочных своих произведений, драме «Король на площади» (1906), которую сам Блок в беседе с молодой поэтессой Надеждой Павлович называл «петербургской мистикой», поэт, мне кажется, попытался передать в фантастических образах настроения петербуржцев весны 1905 г. В начале драмы городская толпа, уже плененная речами вождей бунтовщиков, не решается полностью отдаться во власть революционной стихии, ожидая скорого свершения некоего чудесного события. Это грядущее чудо связывается в пьесе с надеждой на прибытие из далеких стран кораблей — сюжет, восходящий к созданной Блоком двумя годами ранее «Короля на площади» поэме «Ее прибытие».

Ожидание «прибытия кораблей» — последнее, что удерживает людей от бунта, последнее, что по какой-то непонятной причине не дает угаснуть вере в священный характер царской власти, олицетворяемой стоящим на центральной площади города изваянием Короля. Согласно некоей таинственной «сказке», «сказке о жизни вечерней», о которой упоминает Дочь Зодчего, Король должен освободиться от своего сна, как только «на смертное ложе царя взойдет прекрасная дева» и вдохнет в него жизнь. Это предание имеет библейский прообраз и отсылает нас к Третьей Книге Царств, где говорится об истории царя Давида, которому на смертном ложе продлевает жизнь дыхание молодой девушки. Однако здесь эта история имеет явно символический смысл, и он непосредственно связан с центральным символом всей драмы — таинственными кораблями, которые отправились по приказу Короля в неизвестные страны и от возвращения которых зависит судьба всего королевства.

Но корабли не приходят, недовольство людей растет, и роль Королевны отваживается исполнить Дочь Зодчего, некогда сотворившего изваяние и, возможно, придумавшего всю легенду о «воскрешении» Короля. Дочери Зодчего не удается оживить Короля, и даже радостный возглас влюбленного в нее Поэта не изменяет ситуации: толпа набрасывается на постамент, свергает статую и погребает под ее обломками двух героев.

Что же это за корабли? И что это за таинственная «сказка», которая так часто встречается в поэзии Блока 1904–1906 гг. «Но, как в сказке, люди в море: / Тяжкой ношей каждый горд, / И, туманным песням вторя, / Грохотал угрюмый порт». Это как раз из незаконченной поэмы «Ее прибытие». «Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной за древнюю сказку мертвым лечь...» — это из датированного 18 октября 1905 г. стихотворения «Еще прекрасно серое небо». Публикуя в 1912 г. «Ее прибытие» во втором томе своего Собрания стихотворений, Блок писал в предисловии, что он решается «поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным "несбывшимся надеждам" (по моему тогдашнему замыслу). <...> Развитие той же темы — в лирической драме "Король на площади"». З. Г. Минц, которая посвятила поэме отдельную статью, рассматривала «несбывшиеся надежды» в контексте увлечения юного Блока философией Вл. Соловьева

4 См.: Менделеева-Трирогова О. Д. Менделеев и его семья. [М.:] Изд. АН СССР, 1947. С. 89. См. вынос.

и его собственных романтически-христианских исканий[5]. Однако знаменитому исследователю поэтики русского символизма явно не удается нащупать обозначенную самим заглавием ее статьи связь между мистикой «Ее прибытия» и «Короля на площади» с революционными переживаниями Блока.

Дело в том, что Блок в это время был довольно неустойчив в своих революционных умонастроениях. «Король на площади» — произведение, в котором отразилось явное колебание самого поэта, как и его лирического героя, между сочувствием голодной толпе и верностью монархическим устоям. Но выбор в конце пьесы герой делает все-таки в пользу Короля, а окончательный вердикт произносит Зодчий, бросающий в финале революционной толпе осуждающие слова: «Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым». В ранней версии «Ее прибытия», в стихотворении «Рассвет», опубликованном в журнале «Образование» в № 11 за 1907 г., есть такие строки, позднее исключенные автором при переделке поэмы в 1911 г.: «Миг — и, сверкая безмерною славой! / Жертвенной кровью вскипели моря. / И, возлетая на гребень кровавый, / Мы увидали над морем — Царя». Там же в этой ранней редакции поэмы опять появляется тема некоей «сказки»: «Там, вдалеке — в очертаньи неясном / Сказка далеких морей расцвела».

5 См.: Минц З. Г. Поэма А. А. Блока «Ее прибытие» и революция 1905 года // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избранные труды в трех книгах. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 429–443.

Можно вспомнить еще два стихотворения Блока, где возникает образ «кораблей». Это, во-первых, знаменитая «Девушка пела в церковном хоре». По поводу появления образа «кораблей, ушедших в море» в этом стихотворении Роман Якобсон писал в своей известной статье «Стихотворные прорицания Александра Блока»: «Трагическая тема обманутой надежды на возвращение кораблей, быть может, наново захватила поэта в связи с недавним ужасом Цусимы (май 1905 г.), и впоследствии он напомнит: «Раскинулась необозримо / Уже кровавая заря, / Грозя Артуром и Цусимой»[6]. Это очень проницательное замечание знаменитого лингвиста и литературоведа позволило блоковедам видеть в образе «кораблей» данного стихотворения судьбу погибшей в Цусимском бою Второй Тихоокеанской эскадры. Странно, однако, что исследователи до сих пор не попытались при анализе этой аллюзии в творчестве поэта обратиться и к другим его текстам того же времени.

Корабли эскадры покинули балтийский порт Либава 2 октября 1904 года, а чуть ранее, 17 сентября, из Кронштадта вышел броненосец «Орел». В поэме «Ее прибытие», таким образом, вполне можно было увидеть символическое отражение этой военной экспедиции и сделать вывод, что те самые «несбывшиеся надежды», о которых писал Блок в предисловии ко второму тому своих стихотворений, относились прежде всего к тем задачам, которая ставила перед собой эскадра — а именно к победе над Японией и удачному для России завершению войны. Вероятно, не случайна и авторская датировка поэмы — 16 декабря 1904 года — примерно в эти дни стало известно о гибели под Порт-Артуром Первой Тихоокеанской эскадры, которая была окончательно затоплена 20 декабря, накануне падения города. Если наше предположение справедливо, можно сделать вывод, что романтические мечтания Блока того времени были глубинным образом связаны с проектами дальневосточной политики царской власти, с представлением о том, что победоносные итоги «восточнического» курса приведут к обновлению монархии, вдохнут новые силы в, казалось бы, уже одряхлевший строй и оправдают неизбежные страдания городской бедноты, которым всегда так сочувствовал поэт.

Вспомним и другое, гораздо более позднее стихотворение Блока: «Ты помнишь? В нашей бухте сонной», написанное в 1911 г. во французском порту Аберврак. Неожиданное посещение порта колонной военных кораблей навевает на поэта целую серию странных и малообъяснимых

6 См.: Якобсон Р. О. Стихотворные прорицания Александра Блока // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 259.

самих по себе поэтических ассоциаций, причем как будто имеющих какое-то положительное содержание и не сводящихся лишь к предчувствию близкой войны: «Мир стал заманчивей и шире». Поэт в заключительной строфе объясняет причину своих переживаний, впечатление от прихода этих кораблей вызывает в его памяти давние иллюзии и надежды: «Случайно, на ноже карманном / Найти пылинку дальних стран — / И мир опять предстанет странным, / Закутанным в цветной туман». Можно предположить, что поэт вспоминает, среди бытовой прозы и скуки, те давние мечты и «несбывшиеся надежды», которые были так тесно связаны в его восприятии с образом военных кораблей, отправившихся в «дальние страны».

Итак, если принять нашу гипотезу, мифопоэтика Блока эпохи «первых зорь» 1903–1905 годов связана с мечтами о «восточной политике» России, которая будет призвана вдохнуть новые жизненные силы в умирающую или, точнее, стагнирующую русскую государственность и тем самым предотвратить неизбежную революцию. Поэтому многие отечественные исследователи раннего творчества Блока так часто оказывались в тупике: они упрямо искали во всех мистических видениях и предчувствиях поэта периода 1904–1906 гг. либо что-то соловьевское, либо что-то революционное, социал-демократическое. Действительно, в мировоззрении поэта был и тот и другой компонент: он называл себя в это же время и «соловьевцем», и «социал-демократом»[7]. Но, похоже, этими двумя аспектами мировоззрение — в том числе и политическое — Блока не исчерпывалось. Думаю, был еще в его взглядах еще один аспект, в котором он расходился и с «соловьевством», и с «социал-демократией». Мы говорим о русском «восточничестве» — в надежде на успех восточной политики императора. Понятно, что социал-демократия воспринималась Блоком как что-то противоположное консервативному и монархическому «восточничеству», но и Вл. Соловьев даже со всеми своими страхами перед грядущей «желтой опасностью» не мог быть источником подобных переживаний.

Вл. Соловьев одобрял направленность на Дальний Восток российской внешней политики двух последних русских императоров, но для автора «Панмонголизма» была недопустима мысль о России — как азиатской, а не европейской стране. В Азии он не видел никакого залога возрождения империи, но, скорее, возможность для России реализовать свою миссию европейской и христианской державы.

В мемориальном очерке, посвященном смерти философа, кн. С. Н. Трубецкой сообщал, что накануне кончины Соловьев рассуждал об «убожестве европейской дипломатии», оказавшейся неспособной осознать великую опасность Китая и решить «китайскую проблему» колониальным разделом империи. Соловьев и Трубецкой сокрушались по поводу того, что в России находятся люди, мечтающие «о союзе с Китаем против англичан, а в Англии – о союзе с японцами против нас».

Трубецкой С. Н. Смерть В. С. Соловьева 31 июля 1900 г. // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 294.

«Восточнические» надежды Блока, если они и в самом деле существовали, шли не от Вл. Соловьева. Они могли идти из двух источников.

Прежде всего, от его тестя Дмитрия Ивановича Менделеева, наиболее вероятного прообраза Зодчего из драмы «Король на площади». Давнее предположение Д. Е. Максимова, что в Зодчем символически запечатлен тесть поэта, находит косвенное подтверждение в приводимой в комментариях к драме в VI томе последнего собрания сочинений дневниковой записи друга Блока Е. П. Иванова от 18–20 июня 1908 г.: «... люблю очень “Короля на площади” и такого, как он есть, предпочитаю “Песне Судьбы”, такой, как она есть теперь, потому что на площади Университетской истукан Менделеева вооружают»[8]. В статуе Короля, как мы знаем из авторского предуведомления к пьесе, отразились черты самого Зодчего, так что соотнесение этих двух образов драмы вполне законно. Д. Е. Максимов, высказывая свою гипотезу о Зодчем-Менделееве, указывал на такие качества великого ученого, как его «сверхъественное ведение», «близость к народу» и неприятие «интеллигентской позиции»[9]. Но можно вспомнить, что Менделеев был тесным сотрудником Витте и приверженцем его дальневосточной политики. Его старший сын, морской офицер Владимир Дмитриевич, единокровный брат Любови Дмитриевны, путешествовал вместе с цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 г. на фрегате «Память Азова» в его знаменитом кругосветном путешествии по Востоку. Любимый друг и слуга Менделеева, «его няня» Михаил Тропников, который постоянно сопровождал ученого, тоже

7 См. известное письмо к А. В. Гиппиус от 9 ноября 1905 г., в котором Блок прямо называет себя «социал-демократом»: Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8: Письма. М.; Л., 1963. С. 141.

8 См.: ИРЛИ. Ф. 411, е.х. 45, л. 41; цит. по: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 томах. Т. 6. М.: Наука, 2014. С. 478.

9 См.: Максимов Д. Е. Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л., 1956. С. 270–271.

участвовал в этой экспедиции в качестве вестового. Так что, «восточнический» ореол как бы окружал фигуру Дмитрия Ивановича.

Вторым возможным источником «восточнических» переживаний поэта могли явиться статьи в газете «Новое время», которую, как сообщает в своих мемуарах тетка поэта Мария Андреевна Бекетова, Александр Блок регулярно читал вместе со своей матерью Александрой Андреевной Бекетовой до 1905 г. Известно, что поэт впоследствии ненавидел «Новое время» и, приветствуя ее закрытие Временным правительством, называл этот орган печати «местом, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль»[10]. Но отрицательное отношение к «Новому времени», скорее всего, выработалось у Блока только в финале русско-японской войны и начале первой русской революции. Александра Андреевна до 1905 г. «выписывала <...> "Новое время", причем читала только фельетоны да отчеты о пьесах и книгах. Тут узнала она, между прочим, и Розанова. Когда наступила японская война, Ал. Андр. стала пристальнее читать газеты <...> Ее сильно волновали наши неудачи, падение Порт-Артура, Цусима, но еще безусловно верила "Новому времени" и до последней минуты думала, что мы победим <...> После 9-го января Ал. Андр. Резко переменила свое отношение к царю и к старому режиму <...> Открытие Государственной Думы в 1906 г. тоже было встречено радостно <...> Деловая сторона заседаний ее не интересовала, она следила только за оппозиционным элементом, ища в нем революционное начало, стала выписывать "Речь", возненавидела "Новое Время"»[11].

В «Новом времени» часто публиковались статьи на тему Дальнего Востока и восточной политики. Наиболее заметным автором, уделявшим внимание этим «восточническим» сюжетам, был Сергей Николаевич Сыромятников, публиковавшийся здесь в 1893–1904 гг. под псевдонимом «Сигма»[12].

Свои соображения о китайских и корейских перспективах для России, о ее интересах на Дальнем Востоке Сыромятников постоянно высказывал на страницах «Нового времени». Блок мог слышать о Сыромятникове от Дмитрия Менделеева, с которым журналист был хорошо знаком и котором оставил мемуарный очерк.

Сыромятников был не чужд восприятию и описанию дела России на Востоке в романтически-поэтических и даже в определенной степени мессианских категориях. В своей, наверное, основной политико-философской работе — в изданных в 1901 г. «Опытах русской мысли» — журналист писал о миссии России на Востоке в таких выражениях: ««Против вашего мозга будем бороться мы, последние богоносцы. Будем бороться за деревню, за лес, за чистое небо, за чистую душу, за чистую совесть, за зверя, за птиц и за рыб, за всех наших братий в мироздании. Мы будем бороться за жизнь против машины, за свободу против социального цухтхауза, за бедность против богатства. <...> Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом»[13].

Несколько лет назад автор этих строк в одной, уже устаревшей на настоящий момент работе[14] указал на возможную перекличку строк из «Опытов русской мысли» (все главы которой публиковались в качестве воскресных фельетонов в «Новом времени») и образного ряда блоковских «Скифов». Так, Сыромятников говорил, описывая свой диалог с неким немецким археологом (состоявшийся в 1900 г. в районе Персидского залива, где Сигма был с очередным разведывательно-торговым заданием): «Мы сделаемся предводителями бедных материальными благами и богатых духом... Отныне не будем мы защищать грудью Европу от Азии, как защищали ее от натиска татар. Мы пойдем заодно с этой Азией, ибо мы нашли себя и обдумали себя и увидели, что вы идете не на дело жизни и обоготворения, а на дело смуты и служения дьяволу»[15]. Угроза перестать быть «щитом» между Европой и Азией ясно содержится и в «Скифах», хотя Блок и не доходит до предложения присоединиться к азиатским ордам, «пойти с ними заодно», выбирая вариант, рассыпавшись «по дебрям и лесам», очистить место бою «стальных машин, где дышит интеграл с монгольской дикою ордою». Таким образом, в «Скифах» Блок фактически как бы

МИФОПОЭТИКА БЛОКА ЭПОХИ «ПЕРВЫХ ЗОРЬ» 1903–1905 ГОДОВ СВЯЗАНА С МЕЧТАМИ О «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ» РОССИИ

10 Запись от 29 августа 1917 г. // Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. С. 307.

11 Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 315, 317.

12 О нем см. в первую очередь: Сыромятников Б. Д. «Странные» путешествия и командировки «Сигмы» (1897... 1916 гг.). СПб., 2004.

13 Сигма. Опыты русской мысли // «Новое время», 1900, 29 октября.

14 См.: Межуев Б. В. Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» А. Блока // «Соловьевские исследования», 2002, № 5. С. 187–210.

15 Сыромятников С. Н. Опыты русской мысли. Книга первая. СПб., 1901. С. 30.

возвращается к «восточничеству» своих молодых лет, парадоксальным образом извлекая из этого сложного идейного комплекса содержавшиеся в нем подспудно квази-революционные и даже квази-анархические компоненты. В целом, мы полагаем, что переосмысление всего творчества Блока с учетом этого возможного «восточнического» влияния позволит нам увидеть многие его как будто совершенно оторванные от земной действительности пророчества в более реальном свете. Блок предстанет более сложной, более объемной фигурой, чем это представлялось литературоведению советских лет.

Однако Сыромятников и Блок стоят в совершенно разных регистрах культуры, и хотя они краткое время в 1905–1906 гг. сотрудничали одновременно в газете «Слово», издаваемой братьями Перцовыми, далее они двинулись в совершенно противоположных направлениях, и, казалось бы, им никогда не суждено было встретиться лицом к лицу. Однако события революции 1917 года и то, что последовало за ней, сделало возможными самые неожиданные человеческие сближения. В архиве Санкт-Петербургского отделения Архива РАН Б. Д. Сыромятников обнаружил интересное эпистолярное свидетельство, в котором Сергей Сыромятников в письме к академику В. М. Алексееву от 22 августа 1922 г. рассказывал об обстоятельствах своего личного знакомства с поэтом и также о своем отношении к его поздним произведениям: «Второй вопрос, это Александр Блок. В № 15 “Былого” я прочел его сериозную и правдивую статью о революции[16]. Как, однако, согласить ее с “Двенадцатью” и “Скифами” и как согласить их с “Прекрасною Дамою”? Как мог внук Гдовского предводителя дворянства и внук <...> Бекетова написать эти две гнусные вещи и как мог он после них писать стихи? Я познакомился с ним в редакции Всемирной литературы в мае 1919 и Блок показался мне человеком надтреснутым. Вы должны были знать его хорошо. Что это был за характер или трость, колеблемая ветром? У нас в Бологом решили учинить вечер в его память. Пригласили меня. Я отказался: de morturi nil nihi bene [О мертвых либо ничего, либо хорошо. — Ред.], а “12” и “Скифы” точно клопы в блюде поэтической кухни Блока. Я до сих пор не могу забыть их, как многие не забыли формулы “грабь награбленное” или совета Маслова и Виктора Чернова выкуривать помещиков из их гнезд. Люди под старость теряют эластичность чувств и я не исключение из этого правила»[17].

Сергей Сыромятников (1864-1933) *был писателем, этнографом, путешественником и, по-видимому, разведчиком, принявшим участие сразу в двух экспедициях на Дальний Восток – в 1897 г. он отправился в Китай вместе с посольством князя Э. Э. Ухтомского, вслед за чем совершил поездку по Корее; в 1898 г. он был руководителем одной из партий известной корейской экспедиции А. Звегинцева и Н. Корфа, с которой началось знаменитое предприятие на Ялу (точнее Ялусская концессия служила прикрытием разведывательной и впоследствии военной миссии).*

Обнаруженное Б. Д. Сыромятниковым свидетельство об отношении консервативного по своим взглядам литератора к революционному поэту любопытно, в частности, сообщением, что Сыромятников не видит в тех же «Скифах» отзвука в том числе и своих собственных, старых «восточнических» мечтаний. Разумеется, Сыромятников никогда не пытался превратить свою реплику в какую-то цельную экспансионистскую идеологию в духе идеи бунта «мировой деревни» против «мирового города». Но, оказывается, что слова имеют свою жизнь — они способны заражать воображение поэта, как та самая «пылинка дальних стран». И порождаемый этой «пылинкой» поэтический туман тесно сплетается с реальностью, особенно в том случае, когда рождающиеся в тумане стихи становятся классикой и тем самым — неотменяемым компонентом русского национального самопознания.

16 Речь идет о статье Блока «Последние дни старого режима», опубликованной в журнале «Былое», 1919, № 15.

17 СПб. отделение Архива РАН, Ф. 820, оп. 3. № 759.

РУССКИЕ ДУМЫ О ВОСТОКЕ

«КИТАЙ – НАСТАВНИК КОНСЕРВАТИЗМА». АФОРИЗМЫ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА ИВАНОВА

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

Профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, ответственный редактор альманаха «Самопознание», заместитель главного редактора сайта «Русская idea»

После революции большая часть не принявших новую власть устремилась в Европу — и Берлин, Париж, Прага, Белград, Рига, София стали центрами русского зарубежья. Но был такой же исход и на Восток, в край «желтой опасности», так пугавший софиолога Вл. Соловьева, неоднократно предупреждавшего современников, в том числе и в последней работе «Три разговора» (1900), где в «Краткой повести об антихристе» много говорится и о панмонголизме, азиатском нашествии на Европу[1]. Но на фоне «красного террора» край «желтой опасности» был уже местом спасения, будь то Китай или Япония, с которой Россия не так давно воевала.

Среди оттесняемых на Восток был, к примеру, Николай Васильевич Устрялов, прежде бежавший из Калуги в Москву, затем в Пермь, откуда с войсками Колчака переехал в Омск. Здесь же оказался Всеволод Никанорович Иванов, устроившийся на кафедре философии права Пермского отделения Петербургского университета и в Русском бюро печати в должности вице-директора. Устрялов вскоре отправится в Иркутск, откуда, после захвата города красными, уедет с японским эшелоном в Харбин, куда по его рекомендации прибудет и Иванов.

Работая на Юридическом факультете, профессор Устрялов выпустил сборник статей «В борьбе за Россию»[2], ну а Иванов с марта 1920 по май 1921 г. сотрудничал с местными газетами, затем издавал и редактировал «Вечернюю газету» во Владивостоке и был близок к кругам Приамурского правительства. После падения «врангелевского» Крыма и ликвидации фронтов на европейской части России сопротивление советской власти продолжалось в виде разрозненных «контрреволюционных» мятежей, однако на другом краю распавшейся империи, во Владивостоке был свергнут большевистский режим и сформировано временное Приамурское правительство, которое даже успело (в 1922 г.) созвать Земский Собор.

> НЕОБХОДИМО ЧЕТКО ОПРЕДЕЛИТЬСЯ СО СВОИМ ОТНОШЕНИЕМ К ЗАПАДУ И ВОСТОКУ ПО ТЕМ ВОПРОСАМ, КОТОРЫЕ УЖЕ НАЧАЛИ ИССЛЕДОВАТЬ ЕВРАЗИЙЦЫ

В это же время состоялась поездка Иванова в столицу Китая, куда его «привела ... древняя мудрость Пекина»[3]. В 1922 г. он эмигрирует, подведя

1 И даже умирая в имении Узкое, Соловьев успел поговорить с кн. С. Н. Трубецким об убожестве европейской дипломатии, проглядевшей угрозу с Востока, о вреде мечтаний о союзе с Китаем против англичан, после чего, уже в бреду, разглядел на спинке дивана надвигающиеся несметные полчища и желтые гримасничающие лица.

2 Подготовлен после падения правительства Колчака, которое он «поддерживал, как мог, до последней минуты его существования», за что противники слева называли его «теоретическим столпом омского разбоя».

3 Иванов Вс. Н. Исход. Воспоминания. Хабаровск: «Посредник», 2008. С. 346. Свой очерк «Пекин» он напишет и опубликует позднее, в 1931 г., в журнале «Багульник» (Харбин).

итог этому периоду своей жизни в документальном очерке «Крах белого Приморья». 22 октября Иванов сел на пароход «Хузан Мару», который взял курс к берегам Кореи. Перед отплытием он успел подписать для армии листовку, веря в то, что «кончится братоубийственная война и не будет ни красных, ни белых, а единый, свободный, великий русский народ». Однако, не найдя себе места ни в Корее, ни в Японии, Иванов направился в Шанхай, а оттуда снова в Харбин, который был самым крупным центром российской эмиграции на Дальнем Востоке, где функционировали русский суд, почта, полиция, городское самоуправление, поселилось множество политических деятелей всех толков, профессуры, педагогов, духовенства, докторов, представителей чуть ли не всех казачьих войск в лице их атаманов.

Среди наиболее влиятельных общественно-политических течений в Харбине были монархисты, «сменовеховцы» и евразийцы, игравшие заметную роль и в Европе. Там в начале августа 1921 г. в Софии появился сборник статей четырех авторов «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский). Тем временем в Харбине в 1926 г. в издательстве «Бамбуковая роща» появляется сочинение Всеволода Никаноровича Иванова «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности»[4].

Стоит отметить также, что шестью годами ранее Евгений Замятин написал антиутопию «Мы», в которой пытался в завуалированном виде представить контуры возможного будущего, создаваемого новой властью. Впрочем, советская цензура — хотя действие разворачивается приблизительно в 32 веке — сразу же усмотрела в романе издевку над коммунистическим строем (люди названы «нумерами», гладко бреют голову и носят «юнифу», т.е. одинаковую одежду, и лишь гласная или согласная буква в начале «нумера» указывает на принадлежность к женскому или мужскому полу) и запретила публикацию, так что сочинение появилось на английском языке в Нью-Йорке в 1924 г. Но «Мы» Иванова имеет совершенно иную направленность, и в поисках идентичности он предпринял ретроспективный анализ, определив коллективное «я» в историческом экскурсе.

В предисловии к книге автор признается в симпатиях к движению евразийцев, которое «должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми», поскольку из их исследований «веет душистостью степей и пряными запахами Востока», они вносят правильную «поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Константину Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы», и что только пересмотром истории Востока «найдем мы самих себя»[5]. Однако евразийцы, как

4 В России переиздан под названием «Мы на Западе и на Востоке: Культурно-исторические основы русской государственности» (СПб., 2005).

5 Иванов Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926. С. 15.

полагал Всеволод Никанорович, «не рисуют тех огромных перспектив, которые возникают перед нашим народом, как только мы подходим к делу со стороны Азии; вот где возможны разработки идеологии, вот где такие всенародные пути, из которых один следует за другим в своей очевидной ясности и справедливости и которые, может быть, снимут противоречия, поставленные нашей революцией». Только в отличие от евразийцев, осмысливающих исторический путь России из Европы, Иванов делал это с Дальнего Востока.

* * *

Главным условием дальнейшего развития России, с его точки зрения, является осознание соотечественниками «нашей русской культуры именно в форме свойств нашей государственности, каковая является наисовершеннейшим плодом этой реальной культуры». Для этого необходимо четко определиться со своим отношением к Западу и Востоку по тем вопросам, которые уже начали исследовать евразийцы. Поскольку Запад и Восток, как типы культур, находятся в антагонизме, то нам не остается ничего другого, как присоединиться к одной из этих сторон, а не искать «средней линии».

И отвечая на вопрос, к какому же из двух мировых очагов культуры мы чувствуем «живое тяготение», Иванов отмечает, что исключительно к «азийскому», поскольку только там, «в огромных пространствах пустынь, степей, алмазных гор, чудесных городов, условного размеренного быта, практической любвеобильной мудрости, там, где напряженность духа в буддийских, в даосских взлетах разрешается и гармонически сочетается с практицизмом конфуцианства, только там на нас дышит то, что всегда прельщало нас — естественное огромное богатство самой жизни. Запад творит, работает над своим самодельным богатством, но марка Made in West не сможет конкурировать с тем, на чем лежит отпечаток божественного происхождения или даже эпигонства бесконечно далеких колоссальных ранних культур».

Положительно оценивая деятельность адептов «Исхода к Востоку», обосновавшихся в городах Европы, Иванов недоумевал, почему движение должно быть «евразийским, а не просто азийским». Ведь именно в Азии мы «дома», и это нужно понять, поскольку «возникают перспективы для нашего обращения лицом к Тихому океану, что произойдет в течение ближайшего столетия». И, соответственно этой новой геополитической ориентации, в ближайшем будущем необходим пересмотр основных положений нашей истории, которым и должно быть теми или иными путями исполнено наше общество, и в этом пересмотре особо важным является анализ «основных культурно-исторических черт нашего прошлого как регулирующего маховика в настоящем».

Отрицая норманнскую теорию происхождения русской государственности, Иванов выдвигает идею о позитивной роли татаро-монгольского ига в становлении Московского государства, соединившего народы в границах империи Чингисхана. Такие же формы государственности на территории Руси, как империя Святослава, Киевская Русь, попытки объединения северо-восточных земель Андреем Боголюбским, рассматриваются им как подготовительные и не имеющие решающего значения для возникновения Российской империи. В противостоянии Москвы и Киева, по убеждению Иванова, перевес всецело на стороне Москвы, которая опиралась на восточное начало, что и сделало ее земли величайшей империей, в то время как киевское государственное образование смогло стать лишь сочетанием западных и славянских черт, своеобразным, но не значительным.

ИВАНОВ ВЫДВИГАЕТ ИДЕЮ О ПОЗИТИВНОЙ РОЛИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА В СТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Итак, ключ к России, как государству московскому, найден был нашими предками среди бесконечных равнин к востоку от Москвы. При Иване Грозном Московское царство «прочно сидит на хребте царства Монгольского, найдя в хребте этом замену шаткому и неопределенному содержанию понятия славянства». Как и авторы «Исхода к Востоку», Иванов признает одним из существенных источников становления русской государственности монгольскую составляющую, но корни последней он усматривает в государственности китайской, поскольку, с его точки зрения, школа административной культуры, финансовая система, налаживание почтовых отношений и путей сообщения в государственном масштабе, организация военного дела, перенятая нами у монголов, имеют свое начало в Китае.

Две главы книги «Мы» посвящены движению русского государства на Восток и на Запад, изображению того, «как сам народ русский собирает свою землю». «Если мы поставим вопрос в упор: какая часть России является подлинно целостной по духу, по типу, по говору, по великороссийским идеалам, которыми жило наше Отечество, то это, конечно, будет Восточная Россия, подлинно

“новая Россия”...». Восток стал «огромным монолитом» — «носителем спокойной русской государственности», гарантом ее несокрушимости. Относительно взаимоотношений России с Западом Иванов солидарен с евразийцами: «Сильная Россия Европе была не нужна — эту формулу мы можем считать ныне установленной с большой точностью».

Но заявляя о своей близости к евразийцам, Иванов вступает с ними в полемику, когда размышляет о роли и месте Петра I в истории России. Петр I представлен как европеец, свободным, творческим духом дышащий продолжатель дела Чингисхана и его московских наследников. Петр I, пишет он, «сам оказался новым человеком в европейском смысле и сумел предупредить для нас возможную опасность быть загнанными за Урал, в Азию, сумел сохранить азиатские навыки наши, создавшие Россию в том виде, в каком мы ее знаем»; в Петре Великом «самодержавное наше государство, следуя необходимой обстановке, развернулось с колоссальной силой в сторону исключительно государственных интересов, впитав в себя в лице своего гениального повелителя упругий дух европейского рационалистического метода».

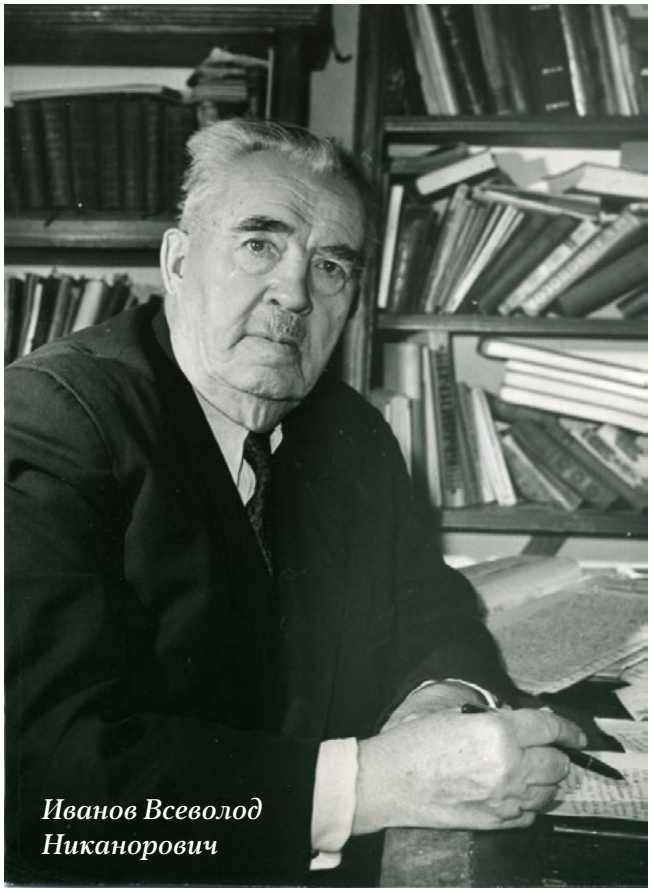
Поскольку русская государственность и русская великодержавность связаны генетически с государственностью и великодержавностью монгольскими, и после распада Монгольской империи Московская Русь сделалась ее наследницей, то последующая русская экспансия была уже движением, ответным на монгольское, шла в обратном направлении, но по тем же путям, так что теперь мы наблюдаем создание великой «азиатской», или «евразийской», империи. «Вполне возможно,— заявляет Иванов,— что мы ныне присутствуем при зарождении новой эры мировой истории — эры тихоокеанской, или азийской, после эры европейской»[6].

Таким образом, «Мы» Иванова существенно дополняет и развивает — применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону — концепцию евразийцев, смотревших на Россию «с Запада»: из Софии, Праги, Берлина, Парижа. Однако подобное смещение точки зрения не могло не вызвать попытки коррекции, что и произошло, в частности, в рецензии В.П. Никитина, выступавшего от имени евразийцев. Критикуя Иванова за идеализацию Азии и доказывая правомерность термина «евразийство», Никитин сближал Россию и Персию, отстаивая тезис евразийства о значении не только монгольских, но и арийских истоков русской культуры. В ответ на эти замечания Иванов призывал евразийцев увидеть Азию своими глазами, «а не конструировать, подчас весьма талантливо, азиатские просторы из противоположения асфальтовому запаху парижских и берлинских улиц»[7].

---

6 Там же. С. 367.

7 Никитин В.П. Переписка с «азиатом» В. Ивановым (автором «Мы») // «Евразийская хроника». Вып. 6. Париж, 1926. С. 6.



Иванов Всеволод Никанорович

В ходе развернувшейся дискуссии были затронуты такие проблемы, как «европеизация Азии», «американизация Японии» и «паназиатизм». В частности, в одном из писем В. П. Никитину из Цинанфу в Париж Иванов отметил, что он наблюдает «не «движение Азии на Запад», а своеобразный процесс усиления и одухотворения западной культуры известными элементами вечной Азии, никуда не идя»[8]. Также он выступил против узкого понимания паназиатизма, отмечая, что «современный паназиатизм — это обратная волна той культуры, которая, прихлынувши к Атлантике в начале нашей примерно эры, летит теперь обратно, завершая культурный круг, создавая государства, как быть надлежит, <...> которые будут правдивее, чище, крепче современных европейских образований, подобно тому, какой была Россия, одухотворяя Тихий Океан...»[9].

В 1931 г. Всеволод Никанорович официально поступил на работу в советскую газету «Шанхай Геральд», выходившую на английском и русском языках, и получил советский паспорт. К этому времени он составил для посольства СССР обозрение по литературе Китая, по всем его 23 провинциям. Одна за другой вышли его философские работы — «Философия Владимира Соловьева» (Харбин, 1931) и «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933).

В последнем труде, посвященном «почитаемым учителям Вильгельму Виндельбанду и Генриху Риккерту», Иванов подбирает неокантианский ключ к культуре, выделяя законы конститутивные (мир природы) и инвентивные (мир культуры), выявляя их диалектические связи. Также в это время появляется книга статей и очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932), составленная автором из прежних публикаций в газетах и журналах Владивостока и Харбина, представляющая «как бы лабораторный журнал этого опыта, который велся мною по долгу журналиста и наблюдателя».

«Знаю,— пишет он в «Огнях в тумане»,— много в ней разрозненных заметок, неполных наблюдений, догадок, которым не суждено найти подтверждения, но, может быть, кое-что подсмотрено и отмечено из природы души русского государства. Больше же всего верю, что только соединенными силами русской, свободной от партийной и традиционных шор мысли, наконец, удастся найти и осмыслить разгадку того огромного исторического явления, которое носит имя — Россия, чтобы сознательно идти по путям ее из того тумана, который окутал нас, русских, на первой четверти двадцатого века...»

В феврале 1945 г. Всеволод Никанорович вернулся на Родину, поселился в Хабаровске, где вскоре подготовил рукопись книги «Китай и его 24-я революция», после чего повез ее в Москву. Несмотря на восемь хвалебных рецензий, публиковать ее не стали, посчитав написанной «с неверных позиций», посоветовав автору «накупить книг по марксистско-ленинской философии и как следует проштудировать их». Затем в Хабаровске написаны были «Тайфун над Янцзы», «Шаньдунь», «Путь к алмазной горе», «Великий поход», «Дочь маршала» и др., где Иванов верно осветил трудный и сложный период освободительной борьбы китайского народа, за что и был отмечен правительственными наградами.

9 декабря 1971 г., на 84-м году жизни Всеволод Никанорович скончался, оставив большое литературное наследие, в том числе пять томов «Воспоминаний». В его бумагах имеется и множество афоризмов, частью написанных на конфуцианский манер. Вот некоторые из них:

«Лестницу метут сверху, воду кипятят снизу. Народом управляют сверху, а талант все же произрастает снизу».

«В тумане нужно стоять!»

«Если ты ничего не сделал, кроме хороших детей, все равно ты — мастер».

---

8 Иванов Вс. Н. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933, с. 79.

9 Там же. С. 79–80.

«Партия в улей дает рамку и воск; делают соты и заполняют их медом самостоятельные пчелы».

«У нас побеждают не политические идеи, а предрассудки: самый вредный из всех — это верить, что единообразие это порядок, безмолвие — согласие и что истина не выигрывает при обсуждении мнений».

«Время, в котором настоящее и будущее идут, позоря прошлое,— смута!»

«Почему так спокойно и неэнергично работают русские? И так много пьют? Они отдыхают от революций и войн?!»

«При огромном населении Китая опасность голода у него чудовищна. На решительные эксперименты он не пойдет».

«Культура наша произрастает под прямыми лучами жаркого солнца государства».

«Кто выигрывает войну? Тот, кто обороняется,— за ним прошлое, за ним богатство (в нищую страну не полезут), за ним национализм, за ним силы народа, оскорбленная правда. Кто проигрывает? Тот, кто нападает. У него план, замысел рассчитанный не на 100%, а на удачу, у него сила воли против силы правды. На нас нападали: поляки, шведы, турки, французы, японцы, немцы, опять немцы, опять японцы, а верх взяли мы!»

«Семья — мера государства».

«Молодежь видит перемены, старики видят сохраняющееся в переменах».

«Когда говорят пошлости, то все слушают охотно. А доброе слушают неохотно — ведь слушая доброе, люди принимают некие обязательства».

«Как можно хулить Бога? Нельзя! — Если Его нет, это ни к чему! — Если есть — опасно, страшно! Добром не кончится».

«Мы как ленивые нерадивые ученики списываем то, что попадется у своих соседей к себе в тетрадки»...

«Я вам скажу,— гласит один из его афоризмов,— всю правду: книга — это спичка для разжигания костра ума». Такой «спичкой» являются многие его сочинения и прежде всего книга «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности».

В сентябре 2012 г. во Владивостоке, на уровне глав государств и правительств прошел очередной форум АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), и в первом номере журнала «ТАСС-форум», посвященного саммиту, позиция России была обозначена как «Ставка на Восток». Это событие дало «информационный повод» вспомнить предсказанное Вс. Н. Ивановым наступление Азиатско-Тихоокеанской эры, в которой России по объективным географическим причинам отведена существенная роль. Теперь же разногласия с Евросоюзом вновь направляют наши взоры в ту сторону, побуждая обратиться к творческому наследию Всеволода Никаноровича.

Урок, который он нам дает,— Европе Россия являет Восток, а Востоку — Европу. Наш очередной поворот к Востоку не должен привести к разрыву с Европой. Поворот к Китаю нужен и необходим прежде всего для собственного укрепления, усиления. Это не «натиск на Восток», не реализация экспансионистской концепции колонизации земель, не расширение «жизненного пространства» в конкурентной борьбе с другими народами. Оставаясь в собственных границах, мы должны максимально присутствовать и на Востоке. Почему именно там, это и объясняет Всеволод Никанорович Иванов в своих сочинениях. Но самое важное наставление он излагает в одном афоризме, претендующем на политическую формулу: «Китай — наставник консерватизма на весь мир. Он его мастер и специалист по нему». Так что, это тот «сосед», геополитический союзник, от которого нам не следует ожидать в обозримом будущем экспорта «цветных революций».

«МЕСТОРАЗВИТИЕМ БУДЕТ ВЕСЬ ЗЕМНОЙ ШАР...»

ИЗ НАСЛЕДИЯ КОНСТАНТИНА ЧХЕИДЗЕ[1]

Имя Константина Александровича Чхеидзе[1] (1897–1967), писателя, мыслителя, публициста — в последние годы все чаще появляется на страницах книг, статей, публикаций, посвященных истории евразийского движения[2]. Долгое время в нем видели лишь соратника П. Н. Савицкого, фигуру второго, а то и третьего ряда. Однако чем глубже погружаемся мы в историю евразийства конца 1920-х — 1930-х гг., чем пристальнее вглядываемся в его пост-кламарский этап, тем отчетливее укрупняется масштаб личности Чхеидзе. Разработка московских и пражских архивов демонстрирует широту идейных и творческих контактов писателя с лидерами и рядовыми участниками евразийского движения, представителями других пореволюционных течений (новоградцами, утвержденцами, народниками-мессианистами и др.), деятелями философской эмиграции. Становится явственным внимание Чхеидзе не только к организационной стороне евразийства, но прежде всего к его идейной платформе, к расширению духовных и мировоззренческих горизонтов.

КАЖДАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ИМЕЕТ ОПРЕДЕЛЕННО ВЫРАЖЕННУЮ ТЕНДЕНЦИЮ К ЭКСПАНСИИ

Выходец с Кавказа, Чхеидзе активно занимался национальной проблемой, размышлял о принципах и перспективах взаимодействия больших и малых народов на пространстве России-Евразии. Вел активную переписку с лимитрофами, поддерживая евразийские группы в Латвии, Литве и Эстонии: посылал книги и материалы, побуждал молодых евразийцев к активному содуманию и сотворчеству, к выступлениям в печати и на публичных площадках.

В Праге К. А. Чхеидзе, потомок грузинского княжеского рода, оказался осенью 1923 г. До эмиграции был кадровым офицером, служил в Кабардинском конном полку (Дикая дивизия), в годы Гражданской войны являлся личным адъютантом начальника Кабардинских частей генерала Заур-Бека Даутокова-Серебрякова. Пережил исход из Крыма, эвакуацию на о. Лемнос, два года был чернорабочим в Болгарии, сменив почти 14 профессий (дровосек, кочегар, каменщик, грузчик, землекоп и т.д.). Чехословакия открыла бывшему корнету возможность учиться и стать писателем. Чхеидзе активно участвовал в культурной жизни русской Праги, являлся членом Пражского Фило-

1 © К. А. Чхеидзе, наследники. Публикация. © А. Г. Гачева. Вступительная статья, подготовка текста, примечания.

2 См.: Hagemeister M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. Muncben, 1989. S. 430–435, рус. пер.: Европейская эмиграция // Начала: Религиозно-философский журнал. 1993. № 1. С. 120–142; Гачева А. Г. Неизвестные страницы евразийства: К. А. Чхеидзе и его концепция «совершенной идеократии» // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 147–167; Макаров В. Г. Евразийство; К. А. Чхеидзе // Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 142–149; 613–616.

софского общества, литературного кружка «Далиборка», Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, был одним из создателей и руководителей Кружка по изучению современной русской литературы при Русском народном университете в Праге. Сотрудничал в русских и чешских периодических изданиях, налаживая культурные связи эмиграции с чешской интеллигенцией, писал романы, рассказы, статьи.

В евразийское движение Чхеидзе вступил в 1924 г. Студент второго курса Русского юридического факультета стал для профессоров Г.В. Вернадского, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого не только учеником, но и соратником. С конца 1920-х он — член ЦК евразийской организации, один из наиболее активных и авторитетных деятелей Пражской группы, входит в редколлегии основных евразийских изданий, активно выступает как публицист. В евразийстве Чхеидзе, русский по матери, грузин по отцу, выросший в многонациональном Моздоке, стремился, по его собственному признанию, найти «синтез Востока и Запада»[3], обрести цельность мысли и действия. При этом он не считал плодотворным для движения обособленность и закрытость, настаивая на «соборе сил эмиграции». Вопрос о «подлинном содержании» евразийской идеократии, о сущности пореволюционной идеи был для него вопросом о целостной неущербной идеологии, о построении «конечного идеала».

Выражение «конечный идеал» Чхеидзе взял у философа Н.А. Сетницкого, продолжателя идей Н.Ф. Федорова, с 1925 по 1935 г. работавшего в Харбине в Экономическом бюро КВЖД. Переписка с ним завязалась в 1929 г. и длилась до отъезда Сетницкого в СССР. Эпистолярное общение, чтение текстов Федорова, Сетницкого и его московских друзей-философов А.К. Горского и В.Н. Муравьева сделало Чхеидзе убежденным сторонником «Философии общего дела». С начала 1930-х гг. он активно продвигает ее в русской эмиграции и особенно в евразийской среде, стремясь на новом витке, уже после Кламара, соединить евразийство, одушевленное пафосом исторического делания, с активным христианством Федорова, дающим этому деланию высшую религиозную цель, примирить идею самобытности России-Евразии с идеей всечеловечности, которую вбросили в духовную почву России Достоевский, Федоров, Соловьев.

Во время Второй мировой войны Чхеидзе участвовал в движении Сопротивления, в 1945 г. был арестован органами «СМЕРШ» и несколько лет провел в советских лагерях, после чего вернулся в Прагу. В последние годы жизни писатель работал над обширными воспоминаниями, во второй части

3 Чхеидзе К.А. «Моя тема — Кавказ» //Чхеидзе К.А. Страна Прометея. Нальчик, 2004. С. 215.

***Николай Сетницкий (1888–1937)** – экономист, статистик, философ и эстетик, последователь учения Н.Ф. Федорова. С 1918 вместе с А.К. Горским в занимался развитием и пропагандой идей Федорова.*

***Николай Устрялов (1890–1937)** – правовед, публицист, политический мыслитель, один из родоначальников сменовеховства, называл свое учение «национал-большевизмом».*

которых писал о трудах и днях пражской эмиграции 1920–1930-х гг., уделив особое внимание евразийству[4]. Здесь же он рассказал о проекте, благодаря которому многие материалы, запечатлевшие историю исканий «нового синтеза», были сохранены.

Именно по инициативе Чхеидзе в апреле 1933 г. в Национальном музее в Праге было основано отделение «Fedoroviana Pragensia». Главной его задачей был декларирован «сбор и хранение материалов, относящихся к автору “Философии общего дела”»[5], но фактически с самых первых шагов тематический горизонт архивной коллекции был сознательно расширен Чхеидзе, и спустя 82 года со дня создания Пражской Федоровианы в ней отложились документы, проливающие свет и на историю организованного евразийства, и на динамику взаимодействия пореволюционных течений, и на судьбы их деятелей[6], и на споры о путях России и мира, которые они вели, памятуя о том, что находятся «не в изгнании», но «в послании».

По материалам Fedoroviana Pragensia, а также личного фонда К.А. Чхеидзе в ГАРФ и подготовлена настоящая публикация. Она включает в себя статью Чхеидзе «К проблеме идеократии» и фрагменты его переписки с Н.В. Устряловым.

Статья «К проблеме идеократии» была написана в 1933 г. для второго выпуска сборника «Вселенское Дело», посвященного памяти Н.Ф. Федорова, который составлял и готовил к печати Сетницкий. Сборник задумывался как опыт взгляда на современность сквозь призму федоровского проекта,

4 Публикацию главы воспоминаний о русской Праге, подготовленную М. Магидовой, см.: Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Praha, 2011. С. 29–215.

5 Проект официального обращения Чешско-словенского национального музея об открытии фонда Fedoroviana Pragensia // Литературный архив Музея национальной литературы. Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. I.3.37. В дальнейшем ссылки на эту коллекцию даются в скобках после цитаты: после аббревиатуры FP ставится номер архивной коробки.

6 См.: Из истории Fedoroviana Pragensia // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 2008. С. 836–848; Гачева А.Г. Fedoroviana Pragensia. Вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение // Slavia: časopis po slovanskou filologii. Roč. 80. 2011. № 2–3. S. 233–248.

как попытка предложить и Советской России, и эмиграции «идею преобразования и преображения мира, мысль о всеобщем труде, о путях этого труда и цели его — всеобщего воскрешения и "восстановления всяческих"» как основу целостного социального действия, как образ той «Русской Идеи», которую должна принести миру Россия[7]. Статья Чхеидзе подводила к проекту Федорова через концепцию идеократии: испытуя идеократические системы прошлого и современности, писатель и публицист шел к идее «совершенной идеократии», построенной на «конечном идеале».

При подготовке статьи к печати Сетницкий сделал в ней мелкую правку, немного трансформировал заглавие (у Чхеидзе: «К проблеме идеократии», в редакции Сетницкого: «Проблема идеократии») и сократил текст, выпустив фрагмент, где с опорой на идеи П. А. Флоренского Чхеидзе писал о гносеологических основаниях проблемы идеократии. Причины сокращений он объяснял не несогласием с позицией автора, а слишком большой плотностью и «перегруженностью» статьи[8]. В ответном письме (29 марта 1934 г.) Чхеидзе выражал сожаление, что статья сокращена, подчеркивая, что «в выпущенных страничках содержится наиболее (если не интересная, то) значительная часть», и советуя последователям Н. Ф. Федорова «обратить внимание на гносеологию»[9]. Также Сетницкий в финале статьи прямо раскрыл намек Чхеидзе на философию Н. Ф. Федорова как источник для построения целостного идеала, совершенной идеократии. В таком виде статья и была напечатана в сборнике «Вселенское Дело»[10].

НАРОЖДАЕТСЯ ПАФОС НЕ-СВОБОДЫ, И ОН ГРОЗИТ ПРИОБРЕСТИ ХАРАКТЕР НОВОГО ИДОЛА

В настоящей подборке статья печатается по авторской машинописи, сохранившейся в собрании Fedoroviana Pragensia (FP. I.3.37),— в том варианте, в каком она вышла из рук Чхеидзе.

Переписка К. А. Чхеидзе с философом и публицистом, главным идеологом сменовеховства Николаем Васильевичем Устряловым (1890–1937) началась в 1930 г. и длилась до момента отъезда Устрялова из Харбина в Россию в мае 1935 г. Переписка, охватывающая период 1930–1933 гг. (44 письма Устрялова и 27 писем Чхеидзе), хранится в собрании Fedoroviana Pragensia в Литературном архиве Музея национального литературы в Праге (ф. 142), переписка 1934–1935 гг. — в Государственном архиве РФ в составе личного фонда К. А. Чхеидзе (22 письма Устрялова и машинописные копии двух писем Чхеидзе).

Из многотемной и содержательной переписки, представляющей ценный материал к истории идейных и творческих контактов евразийцев с главным идеологом сменовеховства, мы вычленили для публикации два сюжета: идейный и исторический.

Первый связан с вопросом искания новой синтетической идеологии, занимавшим в начале 1930-х гг. и Устрялова, написавшего на эту тему статью «Пути синтеза», и К. А. Чхеидзе, стремившегося к расширению евразийской платформы на основе идей Н. Ф. Федорова и к построению «совершенной идеократии».

Второй сюжет касается дальневосточных событий — вторжения Японии в Манчжурию, создания марионеточного государства Маньчжоу-го, конфликта интересов России и Японии на Дальнем Востоке. Письма Н. В. Устрялова и вырезки из харбинских газет, которые он регулярно посылал К. А. Чхеидзе, стали для евразийцев значимым материалом к трактовке «дальневосточной проблемы». Стремясь содействовать более точному ознакомлению европейской культурной среды с ситуацией на Дальнем Востоке, трансляции тех оценок, которые давал китайско-японскому конфликту Устрялов, в марте 1932 г. Чхеидзе привлек последнего в качестве дальневосточного корреспондента к сотрудничеству в чешском информационном агентстве «Центральная европейская пресса», и оно длилось до лета 1932 г.

В переписке К. А. Чхеидзе и другого его эпистолярного собеседника — Н. А. Сетницкого — обе темы (построение целостной идеологии и «Россия и Дальний Восток») также поднимались неоднократно, образуя поле творческого напряжения между тремя участниками параллельного диалога. Обширный фрагмент этой переписки опубликован[11], и мы отсылаем к нему читателя. Здесь же приведем лишь несколько фактов, касающихся дальневосточной проблемы.

Если в переписке Устрялова и Чхеидзе центр тяжести смещен на японско-китайские дела, а через них и на русско-японские, то в письмах Сетницкого в центре стоит прежде всего Китай. Сетниц-

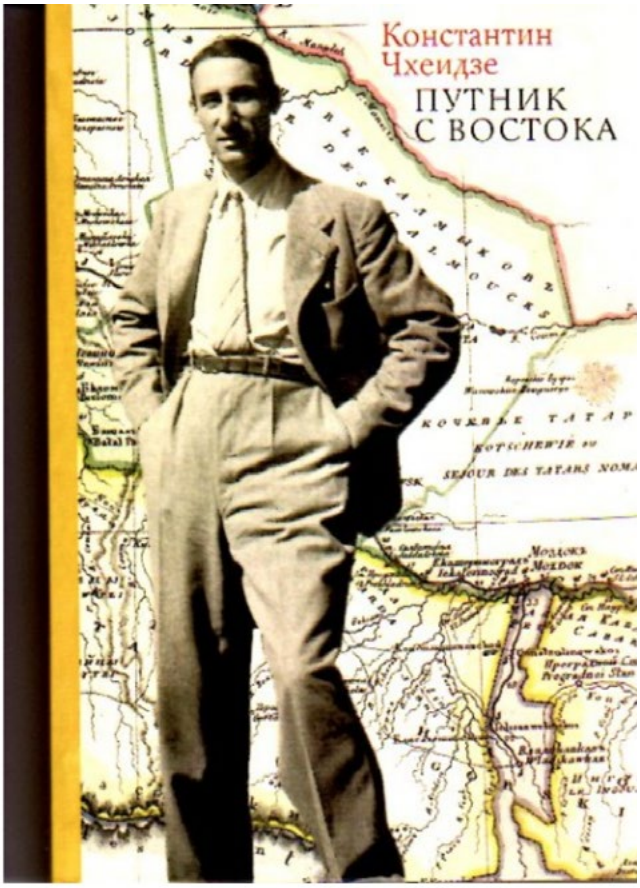
7 От редакции [Н. А. Сетницкий] // Вселенское Дело. Вып. 2. Рига [Харбин], 1934. С. III, IV.

8 См. письмо Н. А. Сетницкого К. А. Чхеидзе от 23 января 1934 // FP. I.3.37.

9 Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1: Н. А. Сетницкий. М., 2003. С. 434.

10 Чхеидзе К. А. Проблема идеократии // Вып. 2. Рига [Харбин], 1934. С. 44–60.

11 Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. Вып. 1: Н. А. Сетницкий. С. 382–450.



кий в качестве сотрудника Экономического бюро КВЖД занимался проблемами экономики Китая и Манчжурии, являлся автором специальных статей, принимал участие в коллективных трудах. В 1931–1933 гг. он периодически сообщал Чхеидзе о новых харбинских и шанхайских изданиях по истории и экономике Китая и даже посылал некоторые издания. Делая это, Сетницкий имел в виду не только Чхеидзе, но и П. Н. Савицкого, который в 1932 г. выпустил книгу «Месторазвитие русской промышленности», а в 1933 г., продолжая разработку вопроса об экономическом пространстве Евразии, затрагивал и проблемы экономики ее дальневосточных соседей. Благодаря Чхеидзе за присылку указанной книги, Сетницкий подчеркивал, что Савицкому «следовало бы просмотреть издания КВЖД: они дали бы ему очень много материала для его всегда интересных построений»[12]. А когда Чхеидзе передал своему корреспонденту просьбу Савицкого выслать ему харбинские экономические издания, сообщив, что тому «заказана одним солидным местным социологическим журналом большая статья — в печатный лист — о экономике Д<альнего> Востока, точнее — о работах русской харбинской школы в области экономики ДВ»[13], Сетницкий незамедлительно прислал книги, в том числе издания из своей личной библиотеки. Что касается Чхеидзе, то он способствовал распространению в эмигрантской, в том числе евразийской, среде брошюры Сетницкого «СССР, Китай и Япония: начальные пути регуляции» (Харбин, 1933), а П. Н. Савицкий посвятил этой работе одно из выступлений на заседании Пражской евразийской группы.

При подготовке текстов к печати максимально сохранены особенности орфографии и пунктуации подлинника. Письма приводятся с сокращениями и во фрагментах, чтобы выпуклее предстала основная смысловая линия публикации. Конъектуры публикатора помещены в квадратных скобках, расшифровки сокращенных слов — в угловых.

Вступительная статья,
публикация и комментарии А. Г. Гачевой

12 Н. А. Сетницкий – К. А. Чхеидзе. 28 января 1933 (FP.I.3.37).

13 К. А. Чхеидзе – Н. А. Сетницкому. 13 января 1933 (FP. I.3.27).

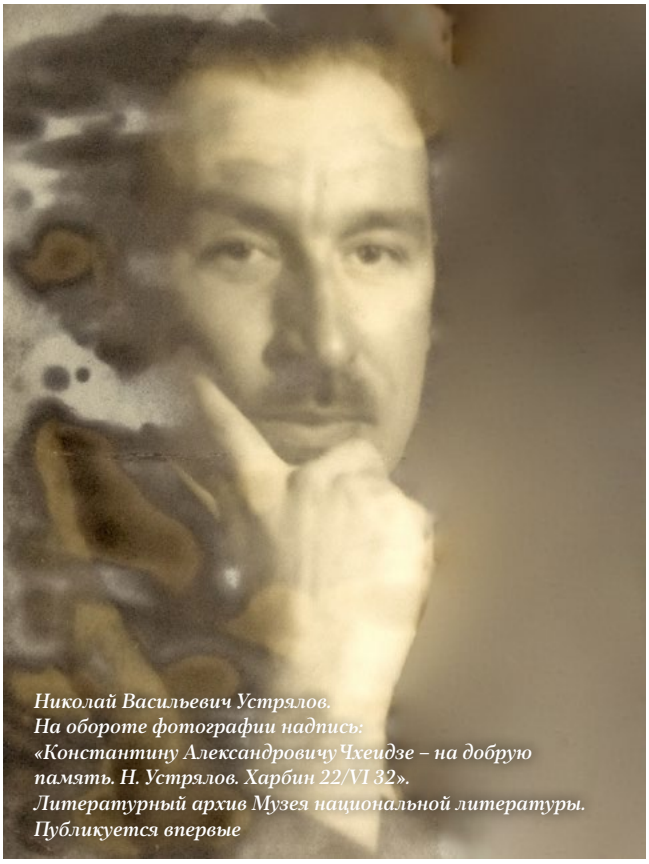
К. А. Чхеидзе
К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОКРАТИИ

Со стороны формальной — монархия есть правление одного, аристократия — правление немногих, демократия — правление многих, в идеале правление, если не всех, то от имени всех и во имя всех. В течение веков эволюция образов правления состояла в расширении понятия носителей суверенитета. «Государство — это я» (королевский абсолютизм) сменяется «буржуазной эпохой», в течение которой знаменитая фраза аббата Сийэса («Чем было третье сословие? — ничем; чем оно должно стать? — всем!»)[14] отнюдь не была «пустым звуком»; в дальнейшем в управление государством вовлекаются все новые и новые массы (пролетариат, женщины, натурализованные иностранцы и т.д.).

Со стороны внутренней: принцип монархии — династия, аристократии — происхождение, демократии — воля большинства, в которой видят общую волю населения данного суверенного государства.

Каждая форма государственного устройства имеет определенно выраженную тенденцию к экспансии. Закон творения по своему образу и подобию действителен и в области режимов. Французские республиканцы клялись превратить весь мир в республику. Императорские орлы Наполеона всюду, где они побеждали, содействовали возникновению «узурпаторских» монархий. В конце концов восторжествовали «законные» государи, образовавшие Священный союз. Священный союз опять-таки задавался целью повсеместного насаждения и укрепления законного образа правления, т.е. династического принципа... Однако великая война и пронесшиеся вслед за ней революции (в России, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Испании и др. странах) принесли лавры демократии. Кульминационным пунктом демократии явились: Версальский мир и учреждение Лиги Наций. Поистине можно сказать, что торжественное признание демократического образа правления за истинный, справедливый и идеальный носило тогда характер такого события, которое определяет ход всемирной истории.

И вот в годы величайшей славы вдруг раздаются сначала тревожные и полные недоумения (даже страха), а потом все более уверенные голоса о кризисе демократии. К концу двадцатых годов XX столетия сознание кризиса становится всеобщим: самые ярые защитники демократии как принципа и как нынешней парламентарной формы его выражения — не отрицают наличия кризиса; в некоторых странах устраиваются даже анкеты с запросом: где и в чем выход из кризиса.



Николай Васильевич Устрялов.
На обороте фотографии надпись:
«Константину Александровичу Чхеидзе – на добрую память. Н. Устрялов. Харбин 22/VI 32».
Литературный архив Музея национальной литературы.
Публикуется впервые

Но правильнее спросить — в чем существо кризиса демократии?

История современного светского государства начинается там, где кончается история средневековой теократии. Правы те, кто утверждает, что только сейчас окончательно отмирают отдельные элементы средневековых воззрений и связанные с ними условности государственной жизни и житейского обихода. Первая серьезная брешь в броне целостного идеала средневекового государства была пробита, когда раздалось волшебное слово свобода. В те времена это относилось к вероисповеданию, но впоследствии взрывчатая сила свободы распространилась и на другие области жизни. Весь новейший период, начинаемый обычно с гуманизма, идет процесс расширения понятия свободы, причем в понятие это вкладывается отрицательное содержание. Мы видим, как стремление освободиться от «деспотизма в делах веры» дополняется и углубляются стремлением освободиться «от абсолютизма верховной власти»; далее обнаруживается воля к эмансипации «от экономического гнета», «от семейных и родственных уз», «от норм общественной нравственности», «от всякого рода условностей и предрассудков», в число которых каждый включает то или иное правило поведения соответственно своим воззрениям, вкусам и общему культурному уровню. В момент, когда отрицательная свобода достигла умопомрачитель-

14 Выражение Эммануэля Жозефа Сийеса (1748–1836), аббата, деятеля Великой французской революции, автора брошюры «Что такое третье сословие?» (1789; рус. пер. – 1906), в которой была дана критика феодального абсолютизма, а в качестве основной политической силы выдвигалась буржуазия.

ных пределов (напр<имер>, сексуальная свобода, конкретизировавшаяся в легализации педерастии; экономическая свобода, при которой оказалось возможным сжигать миллионы тонн зерна; свобода нравов, выразившаяся в публичном нюдизме и т.д.),— раздаются призывы к пересмотру всего строя современной жизни; пропагандируется переоценка всех ценностей, при которой начисто отрицается всякая свобода; наконец, из разных стран и по разным поводам высказывается мысль о необходимости возврата к средневековью или о самочинной тяге разных сторон нынешней жизни к установлению «нового средневековья» (Н. А. Бердяев, ср. О. Шпенглер, проф. Виппер и мн<огие> др<угие>)[15].

Еще не остыл пафос превознесения свободы — и уже возникает сомнение в ее разумности и пользе. Нарождается пафос не-свободы, и он грозит приобрести характер нового идола. Этот пункт требует тщательного рассмотрения.

Все ли заслуживает осуждения в той (отрицательной) свободе, о которой говорилось выше? Возможно ли было [без нее] раскрепощение мысли, принесшее необыкновенный расцвет науки — этой гордости человечества? Отрицательная свобода, и только она, обусловила грандиозный рост положительных знаний и связанного с ним технического прогресса. Это же оружие сразило феодализм, крепостное право, закабаление женщины. Есть взгляд, что только отрицание средневековой оценки человека как вечного раба Божия открыло путь к осознанию человеком своего богосыновства. Великие фигуры дерзателей и пророков типа Ницше, Вагнера, Эдисона, Достоевского, от которых начинается отрицание отрицания,— законный плод предыдущей эпохи. Век отрицания, тесно связанный с явлением индивидуализма, дал бесконечную галерею героев в самом подлинном и глубоком смысле этого слова; но яркой и роковой чертой их является крайнее одиночество. Весь байронизм с его привлекательными и отталкивающими чертами вышел из недр отрицательного мироощущения.

Уже это (далеко неполное) перечисление завоеваний человечества, основанных на отрицательной свободе, показывает, что и в этот период действовал «разум истории». И тем не менее надо признать, что другой своей стороной отрицательная свобода принесла людям великий, болезненно переживаемый ущерб. Век гуманизма, когда отдельный человек признавался «мерою всех вещей», отучил этого самого человека мыслить общими представлениями. По мере возрастания научных сведений происходила крайняя дифференциация отдельных областей знания и уродливая специализация в каждой данной области. Параллельно увеличению материального благосостояния общества наблюдалось т<ак> наз<ываемое> разделение труда, ведшее за собою (в силу социальных условий) сужение духовных запросов людей и их внутреннее разделение. В Средние века между королем и крестьянином было больше точек взаимного понимания и общих интересов, чем в Новое время между двумя обитателями небоскреба, из которых один занимает весь этаж, имеет автомобили, яхту, высшее образование, гарем в нескольких мировых столицах и т.д., а другой занимает половину комнаты на 101 этаже, питается горохом и «газетой-копейкой», работает 12 часов в день и ждет счастья от лотерейного билета. Но взаимное непонимание этих двух людей в области жизненных удобств и удовольствий — вещь ничтожная сравнительно с тем хаосом полумыслей и смутным зародышем понятий, когда дело касается высших предметов. Нет никаких «религио» (связей) между массами современников, как только оказываются они перед вопрошающим и грозным лицом вечных проблем. Фр. Ницше предсказывал, что будущие окончательно эмансипированные люди «будут мигать»[16]. Он упустил из виду другую возможность — они смогут взрывать, травить и уничтожать, упиваясь стихией разрушения.

Нужно признать, что главный порок отрицательной свободы состоит в том, что она привела современное цивилизованное человечество к утрате

ГЛАВНЫЙ ПОРОК ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СВОБОДЫ В ТОМ, ЧТО ОНА ПРИВЕЛА СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К УТРАТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ПОНЯТИЙ

15 «Новое средневековье» – выражение Н. А. Бердяева из книги «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (Берлин, 1924), в которой выражалась мысль об изживании духовных начал Новой истории, о современной эпохе как об эпохе кардинальной смены оснований сознания и культуры, подобной времени перехода от Античного мира к Средним векам. Идея «нового средневековья» возникла у Н. А. Бердяева под влиянием осмысления книги О. Шпенглера «Закат Европы», в которой тот отказался от привычной концепции последовательной смены эпох: «Древний мир — Средневековье – Новое время», выдвинув на передний план идею противоборства цивилизации и культуры. Тезис о «возврате к средневековью», трактуемом как процесс «восстановления», «возрождения культуры», высказывал и Р. Виппер (Виппер Р. Круговорот истории. М.; Берлин, 1923. С. 8).

16 Имеется в виду пассаж из первой речи Заратустры, героя книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1892), в котором он рисует будущее «мещанское» человечество, заклинившееся в своей ограниченной природе, не стремящееся восходить: «“Счастье найдено нами”,— говорят последние люди, и моргают» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. СПб., 1911. С. 10).

культуры общих представлений и понятий. Множеству, во всяком случае, обилию гениев-одиночек ни в какой степени не соответствует воля к гениальности у народов, вообще у больших коллективов. Скажем заранее и намного предваряя изложение: секрет пусть временного, пусть отвратительного (для сознания тех или иных людей), однако бесспорного успеха коммунизма, фашизма и национал-социализма именно в том и состоит, что эти массовые движения будят у больших коллективов волю к гениальности. Чтобы конкретизировать эту мысль примером, вспомним несравненные памятники Средних веков — они высятся, подобно мощному порыву бесчисленных воль, окаменевших в момент величайшего молитвенного восторга на площадях городов. Есть ли в недавней действительности что-либо соответствующее этим великанам?[17] Потеря сознания, формулированного в тезисе средневековых реалистов: «universalia sunt realia[18]», жестоко мстит за себя. Самое убедительное свидетельство нашего коллективного миросозерцательного бессилия заключается в чреватой потрясающими последствиями дисгармонии между непомерно и безгранично развившимся научно-техническим прогрессом и поразительно жалким, уродливо слабым духовно-моральным уровнем. Необыкновенно грустное чувство овладевает читателем, не совсем отказавшимся от человеколюбия, при знакомстве с достижениями в деле выработки газов и динамитов. С точки зрения культуры общих представлений, современные народы напоминают детей или недорослей, в руки которых попали револьверы и адские машины. Директор парижской школы химии и физики проф. Ланжевен[19] заявил, что материального спасения от газов и динамитов — нет. Есть надежда, что пропаганда мира спасет народы от взаимного истребления. Это обращение к слову, к власти духа над материей — ведь «в начале было Слово!»[20],— чрезвычайно характерно для отмеченной здесь дисгармонии... Есть ученые, утверждающие, что мир идет к гибели через саморазрушение! Такого рода заявления констатируют бессилие аналитически воспитанной научной мысли овладеть ею же разбуженными стихиями природы. Но когда отступает анализ — синтез вступает в свои права. Он прежде всего стремится установить причинно-следственную связь, найти «концы и начала».

Аналитическое мышление развилось на почве отрицательной свободы и внутренне связанного с ней индуктивного метода. (Не забудем, что в споре реалистов с номиналистами победили последние; из номинализма исходило все протестантство; между индуктивным методом Бэкона[21] и номинализмом — совершенно очевидное сродство. Опять-таки забегая вперед, обратим внимание на замечательное совпадение: фашизм и национал-социализм, едва преодолев индивидуалистическую стихию, спешат заключить конкордат с Римской Церковью — живой носительницей реалистической концепции — в философском смысле этого слова.) Отрицание и анализ были двумя ногами кумира-прогресса — истинного божка недавнего времени. Нельзя отрицать, что в области естественных и технических наук эти «ноги» способны были делать семимильные шаги. Человечество мчалось. — Куда? — «вперед». — Что такое «вперед»? Но чтобы основательно задуматься над этим вопросом, переключающим мышление в «ненаучные» проблемы, понадобился 1914 год и все последующие.

Преобладание аналитического подхода предопределяло установки сознания в области общественных отношений. Вопреки материалистам, не «бытие определяет сознание», но наши представления о форме и содержании социальной жизни являются проекциями сознания на живые процессы социального развития. Говоря шире — сознание, повинуясь логике мировоззрительных установок, как бы отбирает из явлений социальной жизни то, что с ним наиболее согласуется. И так как аналитическая установка требовала расчлененного, разделительного представления об общественном строе, то неудивителен успех классовой теории, которая, как на это показывает само название, «классифицировала» людей, подобно тому как энтомолог классифицирует жучков. Но энтомолог в своей работе руководствуется положительными и для всех очевидными признаками; тогда как и сам основатель классовой теории К. Маркс не мог дать точного определения «класса». Замечателен закономерный параллелизм явлений расчленения и распадения, который присущ разным областям общественной жизни того периода. Сознание, приученное сосредоточиваться по разделительным моментам и не замечать объединительных, затрагивает семью, общество, нацию, государство, всюду действуя подобно скальпелю хирурга. Прикоснувшись к супружескому союзу («Да будут двое в плоть едину»[22]), он подчеркнул женскость женщины и мужескость мужчины; природное поделение

17 Редактируя статью для сборника «Вселенское Дело», Н. А. Сетницкий делает здесь следующую вставку: «Разве что гигантские "братские могилы" 1914–1918 годов могут сравняться с ними по "количеству затраченной энергии"» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 48).

18 Universalia sunt realia — формула средневекового реализма, согласно которому универсалии существуют реально и независимо от сознания.

19 Имеется в виду Поль Ланжевен (1872–1946), французский физик и общественный деятель, с 1925 г. – директор Школы индустриальной физики и химии, преобразованной им годом спустя в высшее учебное заведение.

20 Ин. 1:1.

21 Н. А. Сетницкий после этих слов вставляет следующий пассаж: «от которого ведет свое происхождение современная наука» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 49).

22 Быт. 2:24.

на две половины (русское слово «половой», «пол», происходящее от половины, т.е. как бы нечто единое разделили на половины, прекрасно передает картину естественной дисгармонии человеческой природы. Вспомним, что первые слова Библии говорят о создании человека, а не мужа или жены. Так же французское секс, отсеченный — новая иллюстрация той же мысли о поле) — усиливаясь сугубым вниманием в сторону их противоположностей. А это повело к противопоставлению полов, которое сказалось в расшатывании семейных устоев, ссорах, разводах и пр. Литература описываемого времени, от Гюи де Мопассана до Арцыбашева, дает бесчисленное количество ярких образцов влияния аналитического мышления на семью. Вместе с тем это же мышление (вместе с другими факторами, как экономический) содействовало совершенно небывалому обострению «женского вопроса». Никакими «социальными причинами» невозможно объяснить ту нервозность, несправедливую обоюдную злость, невероятные взаимные неправды, которыми сопровождались «эмансипация», «суффражизм» и пр. Все это имеет корни не в «социальном» (вернее, не столько в социальном), сколько в психопатологическом — на почве аналитического раздражения половой иноприродности мужчины и женщины. Отголоски минувших боев отнюдь не являются редкостью и в наши дни. Однако это лишь отголоски.

Общественно-политическая жизнь аналитической эпохи представляет собою непрерывную войну «классов», возобновившуюся и в послевоенную эпоху, чем до крайности осложнен и без того тяжелый кризис демократизма. Можно даже сказать, что общественно-политическая жизнь, как сердцевина государственного целого, является главным полем разыгрывающейся битвы. Соответственно расширению понятия носителей суверенитета увеличивалось число активных социальных сил, вовлекаемых в столкновения и борьбу. Если, говоря символически, раньше боевым полем был королевский или царский трон, а впоследствии «общее собрание представителей правящего сословия», будь то дворяне или буржуазия, то теперь наступили времена, когда все сословия приняли деятельное участие в государственной жизни. Само по себе положительное и нужное явление это, благодаря все тому же аналитическому воззрению, сделалось источником многих бед. В этой борьбе общественных состояний выражается кризис государства во внешней форме. Во главе каждой организованной борющейся силы стоит интеллигенция, воспитанная, собственно говоря, приблизительно одинаково. И это обстоятельство служит новым доказательством тому, нами защищаемому, тезису, что переживаемый «кризис демократии» есть в основе не политический, а миросозерцательный.

Термин и понятие «класс», возникший первоначально в приложении к «рабочим» и капиталистам», впоследствии распространился и на другие слои общества. Появился «земледельческий класс», «класс торговцев», «класс интеллигентных служащих», «класс государственных служащих» и пр. В СССР, где классовая теория признана в качестве непогрешимого догмата, классово-разделительная инерция привела к сложному представлению о земледельцах, к различению в их среде «кулаков», «середняков», «бедняков». Рядом с этими тремя категориями вырастает новая: «батраки»... Соответствует ли это деление (в любой стране, не только в СССР) какой-либо общественной реальности, или это фикция — неблагое последствие аналитического мышления? Позже будет дан подробный ответ на этот вопрос; сейчас добавим, что каждый из очерченных «классов», чем больше обособлялся от целого, к которому принадлежал, тем рьянее разрабатывал свою особую «идеологию», свой особый, по необходимости малый, недостаточный, ущербленный, дробный идеал[23]. Который, однако, заявлял претензию на всеобщность признания, поскольку каждый из «классов» сформировывался в политическую партию и выходил на государственную трибуну с агитацией в свою исключительную пользу. В области идей борьба «классов» выливается в борьбу идеалов — к этому важнейшему гордиеву узлу современности придется еще не раз вернуться.

В национальном отношении в эпоху анализа сказалась тенденция к национальному самоопределению, послужившему, с одной стороны, большому культурному подъему отдельных народов, так что понятие нация заслонило даже в представлении современников понятие государства (почему и главный международный орган называется Лигой Наций, хотя и объединяет государства), а с другой — повела к бесконечным тяжбам, грозящим закончиться далеко не по-добрососедски. Без сомнения, национальное самоопределение как таковое есть высокая ценность. Но эта ценность, реализуемая в условиях анализа и отрицания, значительно обесценена привходящими обстоятельствами. К их числу (как об этом писал В. С. Соловьев[24]) относится чувство национальной обособленности, национального самодовольства и — прибавим — поразительно интенсивное желание ассимилировать другие, находящиеся поблизости народности. Было бы наивно и односторонне

23 Понятие дробного идеала К. А. Чхеидзе заимствует у Н. А. Сетницкого, который ввел его в своей книге «О конечном идеале» (Харбин, 1932), где дробным и ущербным идеалам, несовершенным то по цели, то по средствам своего воплощения, противопоставлялся идеал целостно-религиозный, освящающий творческую активность человека не только в пределах социума, но – в природе и космосе.

24 См. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 279–293 (главка «О народности и народных делах России»).

искать объяснения этим явлениям в «империализме», в мотивах хозяйственной экспансии и т.п. Такие мотивы существуют, но — без связи или без прямой связи с национальной проблемой. Ни о каком империализме или экономизме не может идти речь в спорах, какие велись, например, между грузинами, армянами, абхазцами, осетинами и некоторыми другими народами на Кавказе. Так же трудно найти экономику или империализм в пограничных словако-карпаторусских спорах и им подобных. Заметим, что собственно народы, трудящиеся слои населения, относятся к этим спорам совсем иначе, нежели возглавляющая их интеллигенция, воспитанная в отрицательно-аналитической атмосфере. Эти споры будут вестись, напрасно изнуряя народности, поворачивая их внимание в ненадлежащую: не в должную (объединительную), а в недолжную (разъединительную) сторону, покуда не произойдет некоторый «поворот миросозерцательного винта» (выражение В. Н. Ильина)[25]. Нити[26], двигающие нашими эмоциями и отдельными представлениями (подобно тому, как невидимый дирижер управляет марионетками) сходятся в далеко запрятанном пункте нашего существа — в том, который является нашим центральным и подлинным «я». Это «Я», будучи всегда равным себе, в разные эпохи окрашивается в разные цвета; и в свою очередь видит мир по-разному и — следовательно — по-разному действует в мире и формирует его. Внутреннее «Я» современников отрицательно-аналитической эпохи воспитывалось в интенциях всесторонне развитого эгоцентризма. Некоторые проекции этого извнутри идущего эгоцентризма мы уже рассмотрели. Они касались жизни вне-Я и «не-Я» (фихтевское разделение на Я и не-Я, столь распространенное в недавнее время, само служит одним из показательнейших образцов аналитической эпохи). Что касается жизни самого «Я» — мы наблюдаем внутренне согласованную популярность кантовской идеи автономной морали, штирнеровского «Единственного» с его собственностью (оправдание капиталиста), солипсизма в гносеологии и др<угих> сходных явлений. — Интегральный эгоцентризм, сказали бы мы, если бы понятие интегральности не исключало понятие эгоцентризма. Внутреннее «Я» с полным убеждением в своей правоте полагало, что «всякая вещь есть или А или не-А», т.е. утверждало расчлененность мира, а самое себя (эго — Я) наивно ставило в отдельности от него и в то же время в центре отдельного и отделенного от Целого маленького мира. В этом-то эгоцентризме, в этом неумении и нежелании поставить себя на место другого (выйти из «я» в «не-Я» — тогда бы и не-Я стало Я) открыт основной порок отходящей эпохи; мы назвали его атрофией способности к общим представлениям.

Но уже Огюст Конт говорил о смене эпох критических эпохами органическими. Двадцатые и тридцатые годы текущего столетия навсегда сохранят славу великого перелома — исторического перевала, который одолевает человечество. Возникают вопросы об относительной ценности прошлой или наступающей эпохи; уже слышатся споры о том — какая из них «выше», какая «ниже». В нашем сознании исторический процесс есть непрерывный Акт единого целеустремленного Начала. Он есть видимая нам и могущая быть осмысленной часть великой драмы, суть которой в творческом самораскрытии зиждительной Первосилы Мира — обнаруживаемом, как неисчислимое разнообразие эволюционирующих форм бытия. В области гносеологии мы разделяем мнение, высказанное о. Павлом Флоренским, что «разум причастен бытию, а бытие разуму. Акт познания — не только гносеологический, но и онтологический; не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное выхождение познающего из себя, или — что то же — реальное вхождение познаваемого в познающее — реальное единение познающего и познаваемого»[27]. Следовательно, как каждый возраст человека имеет свой смысл и несет на себе печать единого общего смысла жизни данного лица, так же и отдельные эпохи обладают своим резоном, не всегда ясным, не отражающим единый замысел становящегося исторического процесса. Эпохи органические тем и отличаются, что живущие при них люди, несмотря на разность происхождения, состояния и профессии, объединены некоторым более или менее ясным представлением о цели и смысле как частной, так и общей жизни. Тогда как эпохи критические, отвергая общепризнанную цель, отрицают всякую цель жизни, всякий смысл

ЯВЛЕНИЕ МАТЕРИКОВОГО ПАТРИОТИЗМА (АМЕРИКАНСКОГО, ЕВРОПЕЙСКОГО, «СОВЕТСКОГО», АЗИАТСКОГО) СТАЛО ПОВСЕДНЕВНЫМ СОБЫТИЕМ

25 Источник цитаты, приведенной К. А. Чхеидзе, не установлен, возможно, это было устное высказывание В. Н. Ильина.

26 Фрагмент статьи, начинающийся этими словами и завершающийся фразой: «но и самой подлинной гражданской войны – с страданиями и кровью», был опущен Н. А. Сетницким при подготовке статьи для сборника «Вселенское Дело».

27 Цитата из книги П. А. Флоренского «Столп и утверждение истины» (Флоренский П. А. Сочинения: В 2 т. Т. 1(1). М., 1990. С. 73.

жизни, выходящий за пределы жизни отдельного индивидуума,— и этим самым расчищают место для нового, более истинного представления о цели и смысле; и, разбивая старые формы общественного устройства, создают возможность для установления новых — соответствующих новым идеям.

Средневековье обладало разработанным «общественным идеалом», светом которого освещались отдельные стороны социальной жизни. Поиски «нового средневековья», столь распространенные в наши дни, конечно, не могут считаться показателем возвращения жизни вспять. Реституция средневековья не нужна и невозможна. Поиски нового средневековья обнаруживают созревание воли к осмыслению общей и индивидуальной жизни; стремление к нахождению нового общественного идеала. Но пока он не найден и не принят как принцип жизнеустроения — печать смычки разных эпох, характер двойственности останется неизгладимой чертой всего стиля переживаемого периода — и мы ежедневно наблюдаем пеструю до утомления смену вкусов, мод, лозунгов, политических рецептов, верований, суеверий, популярностей и т.д. Благодаря тому, что еще не найдено большое, мы погружены в игру с мелким. Но и мы не избежим ига, накладываемого историей.

Ряд признаков, идущих по линии преодоления анализа и отрицания, показывает приближение новой синтетической эпохи. Сейчас трудно сказать, что именно и как именно и чем именно будет заменено: формы наступающего исторического периода далеки от стабилизации. Но несомненно надо желать, чтобы та мера сознательного творческого усилия, какою овладело общество в предшествующую эпоху, сохранилась в полном значении; а те условия личного развития, которые были завоеваны долгим боем за права личности, были бы не отменены, но включены в более высшую систему. В тех отдельных тенденциях и проявлениях, о которых будем говорить ниже, нет ничего противоречащего высказанным сейчас мнениям.

Развал старой семьи и битва за «права женщин» привели к проблеме создания новой семьи и определения нового общественного положения женщины. В чем основная разница между «старым» и «новым» в этой области? В том, что по общему правилу старая семья строилась иерархически, во главе ее стоял муж; а новая проявляет тенденцию построиться иерархически, на принципе трудовой равноценности и моральной равнодостойности обеих сторон, т.е. диархически. Если вспомним, что в противоположность Европе, в России уже давно исчезло понятие отцовской власти в семье и заменилось понятием власти родительской; если согласимся, что понятие родительской власти выработано славянским сознанием,— то с чувством удовлетворения можно указать на знаменательное совпадение: в момент возрождения славянских государств — славянский взгляд на семейную жизнь приобретает широкое признание, являясь более совершенным, чем старый, собственно европейский. Допущение женщины к участию в политической жизни, службе в общественных и государственных учреждениях (и здесь Россия и Славянство идут впереди других стран) позволяет утверждать, что постепенно восстанавливается и укрепляется утраченное еще в раннее христианство очеловечение женщины. Но очеловечивание и есть момент, сближающий полы, восстанавливающий целость.

Развившееся до абсурда классовое поделение заставляет мысль работать. В социальной среде, действительно, есть разнообразие жизненных положений, но верно ли, что это разнообразие укладывается в классы? и верно ли, что интересы их непримиримы? что классы только во взаимной борьбе обретут свои права («В борьбе обретешь ты право свое!»[28])? Если в выражении: «земледельческий класс» от разъединительного слова класс обратиться к объединительному земледельческий и разобраться в существе дела, которое за ним стоит, то окажется, что понятие «земледелец» объединяет и крупного владетеля, и богатого крестьянина, и бедного крестьянина, и даже батрака, работающего в сельском хозяйстве. Их общие интересы значительнее и первее частных. Отсюда — по ряду мотивов они все предпочитают объединение — разъединению. Приблизительно аналогичная картина открывается в городском хозяйстве. Тяжелая и легкая индустрия, с жизнью которых связана теория и практика социализма, не только не переродились из «капиталистических» в «социалистические», но пережили совсем иные перемены. Борьба промышленного капитала с финансовым сблизила интересы работника и работодателя; конкуренция многочисленных и все увеличивающихся численно мелких предприятий — о которых классики социализма учили, что они исчезнут, но которые, благодаря легкости перенесения электрической энергии сохранились и даже размножились,— вызвала к жизни совершенно новое чувство общей заинтересованности всех участников больших предприятий, без различия положений внутри их. Обособление и дифференциация отдельных отраслей хозяйственного организма диалектически привела к сознанию взаимной необходимости и согласного функционирования всех отраслей. Вместе с тем как результат противопоставлений аналитической эпохи намечается представление о соразмерном участии целого и части в экономическом сотрудничестве и взаимном регулировании. Появление и популярность учения о государственно-частной

28 Лозунг партии социалистов-революционеров (эсеров).

системе хозяйства, основанной на сочетании частной инициативы и государственного регулирования (посредством государственных предприятий, плановой системы и контроля над частными предприятиями) ставит вехи на пути к синтетическому пониманию экономики.

Положительная роль национального самоопределения не ограничивается поднятием культурного уровня и волей к всестороннему утверждению национального бытия. Только эта воля смогла коренным образом преобразовать внешние международные отношения. Раньше нации делились на цивилизованные, полуцивилизованные и дикие. Вопрос о том — к какой категории относится та или иная нация решался по произволу самочинно объявивших себя цивилизованными нациями. Могучий порыв национального самосознания разбил эту насквозь фальшивую искусственную градацию, открыв таким образом дорогу к более близкому международному знакомству, в пределе — сближению и братству. И это новое ощущение национальности легло в основу концепции наднационального государства на национальной основе, отчасти уже и осуществленной в разных государствах. В парламентарной демократии (как Франция или Чехословакия) представители отдельных народностей вошли в существующие политические партии в качестве равноправных членов или даже национальных секций этих партий. Русская коммунистическая партия с самого начала составилась из национальных секций, имевших большую самостоятельность (что и повело к кризису в обратном направлении). Теоретическая мысль японской партии Да-Тун (Великое Единство)[29] и русского Евразийского движения так же склоняется в пользу национальных отделов единой государственной правящей организации.

29 Да-Тун – «Великое единение», «Великое равенство»; одно из основных понятий конфуцианства. Понятие «Да-Тун» приобрело популярность в социально-философской мысли Китая и Японии, начиная со второй половины XIX в. В 1932–1933 гг. в буферном государстве Маньчжоу-го, созданном Японией в Манчьжурии, у власти находилась партия «Да-тун».

Таким образом, два важнейших центра общественной жизни — экономика и национальная проблема — упираются в одну точку. В зависимости от решения вопроса в этой «точке» — решается судьба хозяйства и нации. Понятно, что речь идет о государстве.

Каким должно быть государство? Что такое оно? Чем должно заниматься? — вот ряд мучительных сомнений и предметов не только яростных дискуссий словом и пером, но и самой подлинной гражданской войны — с страданиями и кровью.

Аналитический склад мышления разделил общество на «классы», расслоил его, а проекция эгоцентризма оформила это расслоение, придав ему организационные формы партий, при этом снабженных малыми — ущербленными — дробными идеалами. Но то, что эти идеалы ущербленные и дробные, знают не те, кто их выращивал и стремился реализовать в жизни, т.е. не люди анализа и отрицания, но те, кто подвергался (и подвергается) воздействию дробных идеалов, т.е. массы населения, весь человеческий массив политического целого. Каждая партия, вопреки своей «классовой природе», обращается ко всему населению с призывом поддержать ее, выбрать ее, довериться ей и — следовательно — признать ее общественный идеал за единственный и всеобщий. Ни одна из партий не прокламирует свою дробность, хотя для нужд агитации и варьирует воззвания применительно к каждой социальной среде. Однако жизнь и современное сознание отвергают систематические покушения «с негодными средствами» и требуют не дробного, а целостного идеала. Постепенно все начинают видеть вредность дробления, будь то социально-политического, будь то идейного. Инстинкт народного самосохранения дает бурный рефлекс, направленный на отрицание отрицания и обнаруживающий волю к утверждению положительных начал государственного строительства, укрепленного сознанием единства целого. С другой стороны, ширится опасное отношение отдельных групп населения к представителям государства и к форме государственной жизни как таковой. Неудовлетворение народных чаяний, исканий,

неясных стремлений (истинная задача политика всегда состояла в том, чтобы оформить неясные стремления народа и реализовать их в соответствии с потребностями времени и представлениями о должном) — сеет недоброжелательное отношение к представителям государства, создает почву для произрастания сомнений в нужности государства как формы общежития, как общего дела. Обманутые в своих ожиданиях люди (иногда чрезвычайно чуткие, искренние люди — революционерам нельзя отказать ни в темпераментности, ни в известной высоте намерений!) приходят к выводу, что государственные деятели — «паразиты» и «дармоеды», а само государство — насилие, ничем не оправдываемое и бессмысленное.

Под давлением этих двух прессов начинается сотрясение государства, вскрываются элементы его перерождения, обнаруживаются силы, реализующиеся в форме фашизма, гитлеризма, коммунизма. С точки зрения многопартийной, парламентарной, демократической системы — коммунизм, фашизм, национал-социализм и подобные течения есть противозаконное стремление какой-то одной партии стать «партией партий» и таким образом отменить все другие партии и заменить их одною собой. С точки зрения идейной — это есть попытка ликвидации дробных идеалов и воля заменить их каким-то одним — высшим — всеобщим идеалом.

Помимо открытой формы создания «партии партий» известны также и скрытые формы, когда заключаются негласные или гласные сговоры отдельных партий (эта задача облегчается тем, что все участники сговора — интеллигентные профессионалы от политики и воспитаны в одном духе); или же устанавливается скрытая форма диктатуры одного или нескольких политических деятелей — в обоих случаях цель и метод аналогичны: отталкиваются от конкуренции и борьбы «дробных идеалов» и стремятся к признанию какого-то одного, хотя и в неясном виде. Вопрос о том, какова дальнейшая судьба такого рода метаморфозы, весьма гадательный, и мы оставим политическую астрологию вне рассмотрения.

...Преодоление анализа и отрицательной свободы, попытка ликвидации социального разделения и дробных идеалов, воля к концентрации государственных сил и исканию единого общественного идеала — таковы главные линии, по которым направляется современная жизнь в поисках выхода из кризиса. В трактате «О государственном строе и форме правления» князь Н. С. Трубецкой пришел к выводу, что кризис демократии преодолевается и преодолеется на путях создания идеократии (Евразийская хроника, VIII, 1928)[30].

Являются ли итальянский фашизм, немецкий национал-социализм и русский коммунизм теми идеократиями, которые замирят человечество и поставят его на служение высшей идее? — Кн. Трубецкой отвечает на этот вопрос отрицательно. Нынешние идеократии есть лже-идеократии.

Итальянский фашизм и немецкий гитлеризм несут на себе печать расового начала, они пропитаны биологизмом (переходящим у крайних гакенкрейцеров в зоологизм). В этом смысле их тенденция к итальянизации и германизации всего населения не может иметь характера общезначимой максимы. Напротив, с точки зрения всемирно-исторической она имеет все признаки провинциализма. Недаром Б. Муссолини как-то сказал, что «итальянский фашизм отнюдь не является предметом экспорта». Но и со стороны идейной ни фашизм, ни гитлеризм не могут быть признаны истинной идеократией. Оба эти учения отступили от решения общих проблем, от творчества общих представлений, в которых нуждается современность, и, сами не справившись с этой задачей, передоверили ее разрешение католической церкви (в Италии — договором в феврале 1930 года[31], в Германии — июльским договором 1933 года[32]; попытка создания новой общегерманской церкви, предшествовавшая переговорам с Ватиканом, обнаружила никчемность и худосочность религиозной мысли гитлеризма). Можно спорить или соглашаться с тем положением, что сосредоточение фашистской Италии и гитлеровской Германии на внутренних задачах приносит этим странам благо. Бесспорным кажется констатирование, что, преодолевая (и то сомнительно в смысле долговечности) частные «эгоцентризмы» классов и партий внутри себя, фашизм и гитлеризм сами являются грандиозными «эгоцентризмами» во внешних отношениях: они не только не разрешили основную катастрофическую дисгармонию современности (между научно-техническим прогрессом и духовно-моральным уровнем), но еще усилили ее. Если дать волю обоим этим течениям, они взорвут себя и окружающих в максимально короткий срок. Сознание этой возможности тревожит искренних людей, заставляет иных из них искать спасения

30 К. А. Чхеидзе отсылает к статье Н. С. Трубецкого «О государственном строе и форме правления» (Евразийская хроника. 1928. № 8. С. 3–8).

31 Имеется в виду подписание так называемых Латеранских соглашений между Королевством Италии и Ватиканом. Соглашения закрепляли за Ватиканом статус суверенного государства, расширяли права церкви в Италии. Соглашения были подписаны 11 февраля 1929 г. (а не 1930 г., как указано у Чхеидзе) кардиналом Пьером Гаспарри и премьер-министром Италии Б. Муссолини, обеспечившим себе в результате этого соглашения необходимую поддержку главы католической церкви.

32 Конкордат между Ватиканом и Третьим рейхом был заключен 20 июля 1933 г. Заключая конкордат, Гитлер успокаивал католическое население Германии и одновременно получал поддержку Ватикана. Что касается надежд римского престола на свое влияние в Германии, то они не сбылись: напротив, в результате конкордата церковь вскоре стала беззащитной перед лицом нацистского государства.

в отживающей парламентарно-многопартийной форме,— и тогда весь процесс искания начинается с «азов» и человеческая мысль мечется и бьется в поисках выхода.

Быть может, третья из попыток создания идеократии — коммунизм — ближе подошел к истинной идеократии? — Периодическая популярность коммунизма по обе стороны океана и многолетнее его властвование в России принуждают поставить эту проблему на обсуждение. Но тут исследователь наталкивается на ряд непреодолимых препятствий. Прежде всего нет возможности определить с теоретической стороны: что такое русский коммунизм? На протяжении лет мы видим непрерывную смену в самой гуще коммунистической среды. Объективное изучение находит ряд непримиримых противоречий в тех официально провозглашенных «догматах», которые известны под именем марксизма, диалектического материализма, ленинизма, сталинизма. Жестокая борьба «механистов» и «диалектиков» внутри партии, демонстрирующая неустойчивость и неразработанность теоретической мысли русского коммунизма, в то же время указывает на интересный процесс приспособления теории к постоянно меняющейся жизненной обстановке. Поэтому, вне всякого сомнения, нынешний сталинизм — не есть последнее слово русской революции. Будут сказаны еще иные слова и произойдут иные дела. Важно наметить общий характер советской жизни, ориентируясь на идеократию. Там, как нигде, может быть, с полной обнаженностью сталкиваются элементы отрицательно-аналитического мышления (ведь коммунизм есть сгусток этого мышления, в чем и состоит его взрывчатая сила) старой эпохи с элементами нарождающейся синтетической. Классовое разделение, приведшее к такой детализации и такому дроблению, которые в корне подрывает всякую общественную жизнь (крестьянин, обладатель лошади противопоставляется безлошадному), вызвало к жизни чрезвычайно широкое и объединяющее понятие трудящегося. Форма труда разделяет, но труд, как процесс, как солидарно-всечеловеческое одоление природы — объединяет. Насильственное возвышение дробного, классового идеала городского пролетариата (ранние коммунисты не скрывали, что они представители рабочего класса) над всеми остальными; противоестественный — в условиях пролетарской диктатуры — опять-таки насильственный союз с крестьянством — повели за собой несколько технических и организационных революций в сельском хозяйстве, производимых сверху актами власти. Яростная и ни с чем не сравнимая по обилию кровавых жертв война между городом и деревней, которая является главной темой советской драмы — предопределила создание новых надклассовых общенародных идеологий, которым, по-видимому, суждено наследовать коммунизму. Свирепое подавление личного начала, с которого начал коммунизм; его бешеное отрицание личности как хозяйственного деятеля, как героического начала истории, как самоценности и в известном смысле самоцели — обернулось в СССР неслыханным рабствованием масс перед отдельною личностью, хотя это и находится в противоречии с общим мнением о том, что «халифы обычно бывают лишь на час». Надо вдуматься в сочетание: культа героев и насаждения коллективизма, чтобы понять глубочайшие противоречия, раздирающие Советскую Россию. Это страна, в которой с небывалой силой и остротой борются два мира: мир анализа, отрицания, разделения с миром единения и утверждения. Поэтому, невзирая на отчаянную действительность, Россия полна энергии и надежд — и вовсе не случайно то, что именно в русской мыслящей среде раздалось первое слово об идеократии.

Итак, коммунизм, фашизм и гитлеризм хотя и несут в себе отдельные зародыши, из которых могла бы развиться синтетическая форма будущего государственного устройства — идеократия,— но они суть псевдоидеократии. Начальные шаги в направлении к выходу из кризиса оказываются ложными. Может ли это прекратить дальнейшее искание? — Ведь среди разноголосицы современности не редкость услышать призыв к полному отказу от науки, культуры, от цивилизации, от техники... возвращению к естественному состоянию. Помимо Толстого большого есть множество маленьких Толстых — и им необходимо вспомнить ту простую истину «фактического порядка», что вылупившийся из яйца птенец (будь то голубь или ястреб) не может быть водворен обратно в разбитую скорлупу. Тот, кто добровольно и сознательно не следует путям судьбы, оказывается (согласно старой латинской поговорке) тащимым судьбой[33]. Если современные государственные идеалы в лице их носителей из среды «передовых» или «отсталых» партий не в состоянии справиться с задачами, выросшими перед современностью, не в силах указать людям нечто столь высокое и вдохновляющее, что объединило бы их и повело к дальнейшему развитию, не способны овладеть стихиями природы, ворвавшимися в жизнь посредством открытий в области техники, то значит ли это, что вообще в области идей нет ничего соравного требованиям современности?

Такое предположение преждевременное и ошибочное. Обратимся к жизни — этому мудрому

33 «Желающего судьба ведет, сопротивляющегося же тащит» («Ducunt volentem fata, nolentem trabunt»). См. у Сенеки: «Покорных рок ведет, влечет строптивого» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986. С. 229).

источнику всяких вопрошаний и кладезю мудрости. И тогда, быть может, увидим, что, действительно, «разум причастен бытию, а бытие разуму». И что онтология неразрывно связана с гносеологией.

Мы живем в эпоху «мировой революции». Это не фраза — это самое сильное бродило современной жизни. В отношении изучаемого вопроса мировая революция сказывается в том, что рамки нынешнего государства (в основном скопированного с довоенного) не удовлетворяют требованиям усложнившейся социальной проблематики, слишком узки для целесообразного ее разрешения. Зачатки инстинктивного объединения (трагически задавленные, но не окончательно уничтоженные катастрофой 14-го года) уже в старое время перешагивали через границы государств. Послевоенные события привели к тенденции объединения материкового масштаба. По ряду экономических, политических и психических признаков можно изобразить контуры по крайней мере «четырех государств-материков»: Пан-Европа, Пан-Америка, Пан-Россика (иначе — Евразия, иначе — Советский Союз) и Пан-Азия во главе с Японией[34]. Явление материкового патриотизма (американского, европейского, «советского», азиатского) стало повседневным событием. Но имеется целая система живых нитей, образовывающая ткань всемирного объединения, хотя нельзя отрицать ажурность этой ткани, легкую возможность ее разрыва. Тем не менее всемирные политические, экономические, научные и пр. конгрессы, учреждение Лиги Наций, религиозные общины, художественные выставки, театр, спортивные состязания, а в особенности доступные массам транспорт, пресса, кинематограф, радио — все это обладает колоссальной силой воздействия, и, собственно говоря, мы не в состоянии учесть всю значительность последовательного и непрерывного (ежедневного в радио, частого в кино) воспитательного воздействия этих факторов. Можно, без опасения ошибиться, констатировать факт нарастания общности психических переживаний во всем мире. Из чего следует заключение, что техника (в частности, техника искусства) — далеко опередила философскую мысль. Но на эту кричащую дисгармонию уже многократно обращалось внимание. В момент, когда практика жизни подводит человечество во всех концах земли к проблеме единства и накануне осознания возможности и необходимости осмысления общих целей и общего дела всего людского рода, не видно духовных течений, которые были бы на высоте ставимых самой жизнью вопросов.

Та самая наука, которая развилась на почве анализа, отрицания и индукции, которая разбила целостный идеал Средневековья, создала технику, а через нее трагический кризис — эта же наука (вместе с поэзией и философией) должна указать: что делать? — Спросим: куда растет научно-техническая мысль? Чего она хочет достигнуть? — Нельзя ли попытаться кратко сформулировать, что руководящей целью научно-технического прогресса является овладение космическими энергиями и, следовательно, овладение Космосом? Кропотливое исследование элементов веществ, из которых состоит мир, перерождается в грандиозный замысел овладения силами мира. Спектральный анализ, использование энергии морских волн, солнечных лучей, полеты в стратосферу, опыты радиопередачи в междупланетные пространства, искусственное дождевание, проекты оводнения Сахары и среднеазиатских пустынь — все это ввело и вводит нас в тесное общение с силами и жизнью Космоса. Недавний ограниченный земными рамками рационализм преодолевается, и земля, наша «низменная» земля, осознается небесным телом. Она — принадлежит небу и неотделима от начинаемой нами постигаться Большой Жизни Вселенной. Через это восстанавливается родство человека с природой, но не для того, чтобы человека низвести к природе, а для того, чтобы природу поднять до человека. Знаменитой «дарвиновской обезьяне» противопоставляется «библейский прах», из которого был сотворен человек,— с материалистической точки зрения, в последней фазе своего развития, совпавшей со спиритуалистической, прах, т.е. совокупность атомов, первее и человека, и обезьяны. Материализм, монизм и эволюционизм привели к представлению о «самоодухотворяющейся материи», но это представление равносильно религиозному представлению о «материализующемся духе». Из недр генетической «научной» постановки проблем непосредственно рождается «ненаучная» телеологическая, целеустремительная, религиозная проблема — назначения человека и мира. Чувство родства с Космосом вызывает уверенность, что воля, ум и вдохновение человека способны организовать и преобразить Космос. Самое слово «космический» (одного корня с «косметический») говорит об украшении, красоте. Обретая в себе желание единства и красоты, человек не находит ничего невероятного или невозможного в мысли о том, что этот мир может и должен быть прекрасным, совершенным. Осознание себя двигателем Космоса, его душой и волей, брезжащее в технических деяниях человека, уже давно имеет отзвук в поэзии (Уитмена, Верхарна, Брюсова) и, отчасти, философии. Отчасти, так как та философская система, которую мы имеем в виду, была

34 Мысль о «новой, высшей интеграции» – об объединении наций в "государства-материки"», создании в будущем «пан-европейского союза», а также интеграции пан-азиатского и пан-исламистского мира высказана К. А. Чхеидзе в статье «Лига Наций и государства-материки» (Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927. С. 32–35; републ.: Чхеидзе К. А. Путник с Востока: Проза, Литературно-критические статьи, публицистика, письма. М.: Русский путь, 2011. С. 320–325).

до сих пор под спудом и только теперь, когда совместное действие научно-технического прогресса и всеобщего кризиса поставило человечество лицом к лицу с проблемой жизненного устроения на новых началах — эта философия начинает привлекать внимание[35].

Итак, мы приходим к тому выводу, что частные и временные проблемы современности тесно связаны с общими и вечными, и это указывает на существенно религиозный характер современных исканий. Проблема идеократии упирается в проблему совершенной идеократии — но это составляет специальную тему исследования.

Август, 1933

ПЕРЕПИСКА К.А. ЧХЕИДЗЕ с Н. В. УСТРЯЛОВЫМ (1931–1935)

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову 8 марта 1931. Харбин[36]

8/III-31

Многоуважаемый Николай Васильевич!

<...> Что такое ЕА?[37] — что такое федоровство? что такое «устряловщина»? что такое национал-максимализм? что такое ленинизм? Что такое сталинское толкование ленинизма? Почему старейшие марксисты, как Деборин, Карев, Рязанов и мн<огие> др<угие> признаются «идеалистами», «меньшевиками» и пр.? почему школа Переверзева, еще вчера считавшаяся цитаделью стопроцентного коммунизма-марксизма — сейчас признана еретической?.. И так далее, и так далее. Вы, наверное, не хуже, а лучше меня осведомлены во всех этих вопросах, вернее — явлениях, симптомах. Для меня, для евразийцев, да и для каждого, мне кажется, объективного наблюдателя, дело идет о том, чтобы российская стихия переработала марксизм и дала некоторый свой продукт. Не ясно ли, что истинный марксизм не у Сталина, а скорее у Троцкого; не у Клима Вор<ошило>ва, а уж скорее у Рязанова и Деборина; не у Адоратского, но у тех историков-марксистов или просто марксистов, которых Адоратский призван заменить? — Чтобы покончить с этим вопросом, т.е. вопросом о перерождении марксизма-коммунизма, перерождении, обусловленном евразийским месторазвитием, я предложу формулу, изобретенную не мною, а одним из участников съезда марксистов-историков, которая, надеюсь, не будет Вами оспариваться: эта формула гласит: «учение марксизма оказалось недостаточным и в ряде вопросов нуждающимся в перетолковании. В силу этой недостаточности, в СССР появляются новые идеологические струи, которые можно объединить общим наименованием русской философии». Итак, в области идеологической, несомненно, имеется нужда в «новом вине». Эта нужда удовлетворяется в СССР теми, кто от марксизма перешел к ленинизму, от ленинизма — к комментированию Ленина и т.д. Одновременно, и в СССР, и на его окраинах, т.е. Западной и Восточной эмиграции, происходят встречные процессы искания грядущей синтетической идеологии. Для федоровцев, для национал-большевиков, как и для евразийцев, не может быть сомнения, что к старому возврата нет. <...>

<...> Перейду к той части своих высказываний, которые относятся к следующим Вашим словам: «Какая сейчас может быть активность для элементов, не входящих в правящий советский слой, кроме активности деловой работы (спецы) и, в известных пределах, активности слова?» И далее: «за границей же нам остается пополнять свое образование и — кто может — работать по русской культуре, посильно раскрывая Россию миру и в публицистике констатирований осмысливая эпоху»[38]... Боже мой!!! но ведь и того, что Вы сказали — колоссально много. Русская идея — колоссальная, вселенская идея; и работников у нее не много, но мало. Увы. Поэтому и то, о чем Вы говорите, могло бы удовлетворить наиболее требовательную душу современника. В самом деле: русский культурный человек, где бы он ни находился, при условии прислоненности его к родным стихиям, остается русской ценностью. Поэтому я приветствую Сикорского[39] или те остатки Художественного Театра, которые разъезжают по Европам и Америкам и потрясают воображение и дух иностранцев и в своем роде взрыхляют почву для приятия семян российско-евразийского духовного империализма (да и духовного ли только?)... Поэтому евразийская работа, вся построенная на раскрытии и разработке проблемы русского самопознания, может считаться оправданной уже с одной этой точки зрения.

35 При подготовке статьи к публикации в сборнике «Вселенское Дело» Сетницкий отредактировал данный абзац, раскрыв намек К. А. Чхеидзе на философию Н. Ф. Федорова. Во «Вселенском Деле» он звучит так: «...уже давно имеет отзвук в поэзии (Уитмена, Верхарна, Брюсова). В меньшей степени оно имело место в философии, если не считать одного исключения. Говоря так, мы имеем в виду "Философию Общего Дела". Эта выработанная в конце прошлого века в России философская система была до сих пор под спудом и только теперь, когда совместное действие научно-технического прогресса и всеобщего кризиса поставило человечество лицом к лицу с проблемой жизненного устроения на новых началах,— она и ее автор, Н. Ф. Федоров, начинают привлекать внимание» (Вселенское Дело. Вып. 2. С. 60).

36 Ответ на письмо Н. В. Устрялова от февраля 1931 г., в котором содержалась критика евразийского «активизма» и упреки в том, что его участники плохо представляют себе «современную "пореволюционную" русскую политику» (FP. I.3.37).

37 Здесь и далее: «ЕА», «еа» – евразийство, евразийский.

38 Цитаты из письма Н. В. Устрялова.

39 Игорь Иванович Сикорский (1889–1972) – русский авиаконструктор. В 1919 г. эмигрировал в США, создал компанию Сикорский аэроинжиниринг, вошедшую в 1928 г. в состав корпорации Юнайтед Эйркрафт. Компания дала работу многим русским изгранникам.

Но эта точка зрения не единственная и не исчерпывающая. Вот Вы говорите об активности слова. Активность слова. Вспоминается и ап. Павел, и Герцен; и Устрялов, если угодно, вспоминается (имею в виду стр. 181, 187 и др. «Под знаком»[40]). Я не хочу сказать, что раскрывать Россию — России не только так же важно, как раскрывать Россию миру — но еще важнее. Подобно примечаниям, приведенным на указанных мною страницах и свидетельствующих, что Ваше раскрытие России — России имело актуальное значение, подобно этому и я мог бы привести не одно, не два... доказательства необходимости и действенности евразийского элемента в системе нынешних русских отношений (напр., влияние ЕА на новое экономическое районирование СССР, влияние на новое картографическое изображение, влияние на восточную проблему, влияние в литературе и т.д. Ведь Вы, наверное, многое хорошо знаете. Я пишу первое, что приходит в голову. Никто из нас еще не задавался целью итожить влияние ЕА на СССР)...

<...> Вопрос о выветривании марксизма-коммунизма и даже ленинизма НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ. Это ясно каждому, в том числе и Иосифу Сталину, и его присным, и всем, кто имеет глаза, чтобы видеть. Важнее другой вопрос: куда идет процесс: в какую сторону дует идеологический ветер? на каких путях вырабатывается «новое пореволюционное сознание», которому, как мне и моим друзьям кажется, суждено вдохнуть новую энергию в революционный процесс?!! Ведь дело идет не о снижении пафоса социального делания (во всех областях), но о новом подъеме. Коммунизм на ущербе. Реакция «готова послужить». Выход — в третьем максимализме, максимализме идеологическом и духовном; выход в новой «религии революции» (ведь Маяковский приказал долго жить, это символ). В такой религии, которая бы увязала вселенское с национальным. И увязала бы не в порядке бюрократическом, как у нынешнего аппарата, а в порядке нового «неистового вдохновения истории», с тою, всеконечно, разницей, что о потрясении основ советского строя речь не идет. Речь идет об осознании нового этапа русской революции; о нахождении нового во имя; о выходе на авансцену новой мысли, которая синтезирует задание с осуществлением и осуществленное с подлежащим осуществлению. Ни коммунизм, ни тем более «реакция» на такой синтез неспособны. Но к такому синтезу дело идет, такой синтез необходим, неизбежен. И надо думать, что пути к нему уже намечены. В чем и где? — повторяю сказанное: в Устрялове, в Федорове, в Евразийстве. Я не хочу даже в частном письме указывать элементы этого синтеза в писаниях целого ряда пролетарских идеологов, пролетарских литераторов и пролетарских публицистов. Думаю, Вы скорее могли бы прочесть мне лекцию на эту тему, чем кто-либо другой подсказывать Вам материалы к лекции.

Я смею думать, что если бы во имя этого нового «во имя» я замышлял бы вооруженный переворот в Кремле, то исторически моя «активность» была бы оправдана. Но... о таком перевороте Вы нигде прочесть не могли (в ЕА изданиях). Все-таки, среди евразийцев есть и «философы», понимающие, что существует процесс «созревания»; что бить яйцо надо лишь в том случае, в каком призывается на помощь «кесарево сечение».

Снова сформулирую свое отношение к «активности». И в своих письмах, и в статьях, и в устных выступлениях и разговорах — я всегда стою на той точке зрения, что разрушать нельзя, а надо создавать; что лучшая критика интегрального коммунизма это та, которая создает нечто лучшее коммунизма; лучшее и более отвечающее современной России. Значит, активность, по этому руслу идущая, мною приветствуется. Сверх того, я за психологическую активность. За то, чтобы мы постоянно помнили, что успокаиваться на сегодня нельзя. И что будущее не за коммунизмом, а за чем-то другим. Я думаю — за евразийством или чем-то на ЕА похожим. Отсюда вывод — стремление к реализации ЕА. Знаю, что в настоящий момент наибольшее значение имеет слово. Так да здравствует слово. <...>

40 К. А. Чхеидзе отсылает ко второму изданию книги Н. В. Устрялова «Под знаком революции» (Харбин, 1927).

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
14 февраля 1932
Харбин 14/II 32.

Многоуважаемый
Константин Александрович.

<...> Мы тут пережили достаточно красочные события[41]. Будь у Вас какой-либо печатный «орган», я с удовольствием взялся бы для него за роль «собственного корреспондента из Харбина» — Харбин по справедливости заслуживает ныне собственного корреспондента!

Узел завязывается замысловатый. После оживленных боев мы перешли под опеку японцев. Необходимо подчеркнуть, что вопреки обыкновению китайские войска яростно обороняли подступы к городу. Это был, разумеется, заведомо безнадежный бой: необученная, оборванная, голодная и, в сущности, безнадежная солдатская масса «сражалась» с современной армией! Это было бойней, а не боем. И все же китайцы дрались и гибли,— бессильно и жалко...

При отступлении они не разложились, как можно было ожидать по опыту 29 года[42], никого не грабили и ушли в порядке на север, где, должно быть, рассеются, частично превратясь в партизан.

Все же военная победа японцев — полная. Однако центр тяжести вопроса — не в ней, а в том, что же будет дальше.

Япония хочет освоить Манчжурию, нынешний токийский кабинет откровенно и последовательно империалистичен. Нельзя отрицать, что экономика действительно толкает страну на этот путь. Тут не каприз и не авантюра, а насущная необходимость. Однако Китаю от этого не легче, и он достаточно единодушен в своей ненависти к наследственному своему врагу. Конфликт — подлинно драматичен.

Освоить Манчжурию! Пространство, равное двум Франциям, с тридцатью миллионами китайского населения и с 400 миллионной «ирридентой»! Дело не простое — и особенно в наше время. Случай — посложнее корейского.

Японская акция несомненно стимулирует и активизирует национально-революционный процесс в Китае. Нельзя забыть, что около 60 миллионов китайского населения живут под кит<айской> Советскою властью, заявляющей, что «только Советский Китай может отбиться от империалистов». Но и Гоминдан, в свою очередь, держится твердо.

Я убежден, что согласись Нанкин на непосредственные переговоры с Японией, Токио охотно отказалось бы от хлопотливой затеи «манчжуро-монгольского государства» и удовлетворилось бы реальным применением «21 пункта» в Манчжурии. Но китайцы проявляют непреклонность.

Наши здешние белые в их обывательской массе радостно ждали прихода японцев и были уверены, что он повлечет за собою немедленную ликвидацию Советского влияния на КВЖД. «Младороссы» (или называющие себя таковыми) встречали японские отряды криками «Банзай»[43] и помахиваниями трехцветного русского флага, от коего все мы, признаться, давно успели отучить глаза. Японских генералов осаждает ежедневно гурьба белых челобитчиков. Желание подсказывает мысль, и кое-кому уже мерещатся министерские портфели буферного Приморья.

Однако японские представители уже успели окатить холодной водой эти не в меру разгоряченные головы. Начальник оккупационного отряда сделал демонстративно дружественный жест по адресу местного советского населения и категорически заявил, что японское командование имеет определенную директиву не затрагивать советских интересов. И в самом деле: не так легко и просто обстоит дело с освоением Манчжурии и замирением Китая, чтобы взваливать себе на шею добавочную ссору с СССР! И из-за прекрасных глаз харбинской эмиграции едва ли токийские политики пожертвуют жизнью хотя бы одного японского солдата. На данном, по крайней мере, этапе, шансы антисоветской акции японцев невелики. Но среди яп<онских> военных есть сторонники антибольш<евистского> активизма — этого отрицать нельзя.

Живо следим за шанхайскими событиями. Если бы мировая история угостила нас американо-японской войной,— поистине, это было бы сверхмерной любезностью с ее стороны (при условии, конечно, что мы не оказались бы в нее втянутыми). Но трудно ожидать, что этот подарок на нас свалится: САШ сейчас слишком увязли в Ю<жной> Америке, да и Япония еще не потеряла равновесия до такой степени, чтобы рискнуть столь многим сразу. Поживем — увидим. <...>

Всего лучшего. Буду рад, если напишите. Ваш У.

---

41 В сентябре 1931 г. Япония начала оккупацию Манчжурии. 6 февраля 1932 г. японские войска вступили в Харбин, и 1 марта того же года было создано марионеточное, «буферное» государство Маньчжоу-Го, фактически находившееся в полной зависимости от Японии.

42 Имеется в виду поведение китайских солдат после поражения в столкновениях с Красной армией во время советско-китайского конфликта на КВЖД, имевшего место в 1929 г.

43 Японский приветственный возглас, аналогичный возглашению «Многая лета!»

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
2 марта 1932

Глубокоуважаемый и дорогой
Николай Васильевич!

<...> Ваш беглый обзор событий на Д<альнем> Востоке настолько интересен и литературно закончен, что я решил, не ожидая Вашего разрешения перепечатать его машинопись и попробовать поместить через местное отделение «Центральной Еропейской Прессы» или через Ф. Ф. Кубка[44] в «Прагер Прессе». Внес незначительнейшие изменения, самого малого веса. В случае, если эти предприятия возьмут у меня «сообщение собственного корреспондента», я подниму вопрос о Вашем постоянном писании корреспонденций с Д<альнего> Востока. Без сомнения, такая работа будет оплачиваться, так что прошу Вас сообщить: во-первых, желаете ли Вы работать в названных органах? Если да — под каким псевдонимом? — Хотите ли Вы, чтобы я устроил Ваше непосредственное сообщение с администрацией этих органов или Вы предпочитаете сноситься через меня? <...>

В пятницу, 4-го III, П. Н. Сав<ицк>ий читает «Смысл Д<альне>восточных событий»[45]. Это сейчас самая модная тема. Происходит явное поделение на пораженцев и оптимистов. То есть в том смысле оптимистов, что Россия должна и может (по-толстовски) сказать: «Мне самой одной нужно жить» — «Мне самой одной нужно работать»). Толстой как-то сказал, когда ему помешали: «Мне самому одному нужно жить»... и пр.

Как интересно было бы получить листовку д<альне>-восточных младороссов. Их неплохо держать в струне. Они тут играют в революцию и в социальных переворотчиков. (Это — внешне; а «про дома» состязаются в титулах, родословных и пр. Можно предвидеть, что расслоение у них и пойдет как раз по линии принадлежности к «голубо-» и «красно»кровным. Сейчас это незаметно.)

Шлю Вам много приветов. Надеюсь, получить ответ на прошлое письмо. Это считаю не письмом, а справкой или записочкой, посланной за 12000 километров...

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
13 марта 1932
13/III 32.

Дорогой Константин Александрович.

Сегодня получил очередной (19) номер «Евразийца», и под непосредственным впечатлением его статей спешу поделиться с Вам горячей своей радостью: наконец-то евразийская мысль обретает надлежащий тон и в политической сфере!

Номер очень интересен. Чувствуется живая, предметная мысль, и, главное, действительное, реальное освобождение от предрассудков эмигрантской среды. <...>

Н. Н. Алексееву удалось найти прекрасную формулировку понятия евразийского активизма[46]. Быть может, по содержанию политической идеологии мы кое в чем и разойдемся,— но в рамках поставленной им в данной статье проблемы, я готов присоединиться к нему целиком. И отрадно, что это не личное даже его выступление, а официально евразийское. Эта статья заслуживает широкого распространения за пределами еа организации. Я считаю, что ею в значительной мере снимаются наши с Вами мимолетные разногласия по вопросу об «активизме». <...>

С большим удовлетворением прочел в журнале последнюю статью — «Дальневосточная проблема»[47]. Прекрасная, глубоко схватывающая суть

ЕСЛИ БЫ МИРОВАЯ ИСТОРИЯ УГОСТИЛА НАС АМЕРИКАНО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ – ПОИСТИНЕ, ЭТО БЫЛО БЫ СВЕРХМЕРНОЙ ЛЮБЕЗНОСТЬЮ С ЕЕ СТОРОНЫ

44 Франтишек Кубка (1894–1969) – чешский писатель, драматург, журналист.

45 В журнале «Евразиец» (№ 19) была дана следующая заметка по итогам доклада: «Прага, 4/III, доклад П. Н. С. "Смысл Дальневосточных событий", собравший полную аудиторию "Мещанской Беседы" (150–170 человек). П. Н. С. при напряженном внимании слушателей развернул геополитическую, экономическую, историческую и военную обстановку Дальневосточного театра. В заключение подчеркнул ВОЗМОЖНОСТЬ И ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ мирного разрешения русско-японских конфликтов; в случае же если мирное разрешение окажется невозможным, участие русских на стороне японцев при вооруженном разрешении спора – есть измена отечеству. В весьма содержательных прениях приняли участие: Н. В. Быстров, проф. Изюмов, ген. Сидорин, г. Веригин (русский, китайский подданный) и К. А. Чхеидзе» (Евразиец. № 19. Февраль, 1932. С. 32).

46 Имеется в виду статья философа правоведа Николая Николаевича Алексеева (1879–1964)«Активизм эмигрантский и активизм евразийский», в которой была выражена позиция евразийцев по отношению к эмигрантскому активизму, направленному против СССР, и дана та формула активности, которую избирают для себя евразийцы: «Тактика заговорщичевских кружков нам совершенно чужда и от нас далека. Мы – носители идеи, а не устроители "дворцовых переворотов"» (там же. С. 3–5).

47 Статья «Дальневосточная проблема» (Евразиец. № 19. С. 27–29), подписанная криптонимом «А», отталкиваясь от китайско-японского конфликта, представляла собой попытку сформулировать евразийскую точку зрения на задачи России-Евразии на Дальнем Востоке. Империализму Японии, капиталистическому ее вектору евразийцы противопоставляют не материальный захват, а влияние культуры и духа. Не навязывая Азии свои взгляды, они «не могут не сочувствовать тому, чтобы основные культурные и социальные проблемы решались на Дальнем Востоке не в односторонне европейском, но в евразийском духе» (там же. С. 29).

вопроса и вместе с тем политически тактичная статья! Опять-таки хотелось бы видеть ее распространенной за пределы внутрипартийной вашей сферы. И тут — готов целиком присоединиться к вашей позиции!

Это тем более отрадно, что на днях Всев<олод> Иванов — одна из наиболее мутных фигур здешней белогвардейщины — позволил себе в японской газете «Харб<инское> Время» приветствовать новое манч<журо>-монг<ольское> государство от имени евразийского движения и заявить, что отныне Россия больше не нужна и не заменит «Манджу-го» (т.е. это ма-мо государство, фабрикуемое сейчас японским генеральным штабом)![48]

Из информации журнала вижу, что этот господин, перекочевавший ныне из китайского услужения в Японское (простите мазню!)[49], пытался вводить Ваш ЦК в дешевый соблазн — снабдить евразийской печатью планы японской контр-разведки. Отповедь, Вами ему преподанная, свидетельствует о правильном чутье руководящего еа органа. Хорошо бы дезавуировать этого человека публично,— а то он еще не раз попытается скомпрометировать на Дальнем Востоке евразийское имя, благо оно мало известно широким кругам дальневосточного населения. <...>

Всего лучшего, крепко жму руку. Ваш У.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
27 марта 1932. Прага

<...> Как Вы уже знаете, я сговорился с директором местного отделения Центральной Европейской Прессы относительно сотрудничества доктора Лоу[50], в качестве собств<енного> корреспондента с Д<альнего> Востока (3–4 корреспонденции в месяц, размер — три четыре страницы такого формата — от руки — как обычно пишите мне, гонорар — сто чеш<ских> крон за статью. Темы — по усмотрению, но лучше о политике, геополитике, экономике, этнографии и пр. Маньчжурии, Монголии и близлежащих краев — со злободневным оттенком). Повторяю эти обстоятельства на всякий случай. Не исключено, что мое прошлое письмо не достигло своего назначения. Псевдоним др. Лоу мне показался во вкусе Д<альнего> Востока, где японо-китайское так причудливо сочетается с англо-американским. В конверте лежит первый гонорар др. Лоу — несколько менее ста крон — скажите, что с ним делать?..

Я до сих пор еще не отозвался как следует на Ваше чрезвычайно обрадовавшее меня сообщение, что Вы, быть может, этим летом появитесь в Европе. В связи с Вашим приездом в голове моей роятся самые разнообразные проекты, конечно, исключительно личного и идейного свойства. Хочется о многом рассказать, со многими людьми познакомить. Если это возможно — позвольте просить Вас начать сговор уже сейчас. Ведь при наших финансовых (а для многих и служебных) обстоятельствах весьма важно заранее знать — как повернуть свое время и как приспособить свои всяческие возможности. <...>

Надо признать, что здешняя эмиграция все же более сдержанно подходит к назревающим конфликтам и более критически ко всякого рода арапам и спекулянтам на крови. Разговоры а ля Возрожденческое фокусничанье с интервенцией[51] идут, но не очень громко и не очень уверенно. Достаточно силен другой лагерь. Этот другой лагерь состоит из весьма разнообразных элементов: тут и Милюков, и часть правых; по-видимому, и Деникин здесь же (что играет большую роль для настроений Общевоинского Союза)... здесь часть духовенства... социалисты... просто патриоты — их чрезвычайно много и они составляют никем не организованный разряд эмигрантских культурников-одиночек... здесь же, разумеется, евразийство. Что касается младороссов, то они «за национальную революцию». Говорят: в момент конфликта — мы внутри СССР против ВКП(б). А вот крестьянороссы, очевидно, за «толчок извне» — Вы понимаете, что это значит.

Я еще не писал Вам, что П. Н. С<авицк>ий выступил здесь с большим, прямо скажу, блестящим докладом о Дальневост<очных< событиях?

48 В статье «Дальневосточная проблема» позиция активного сторонника «азийства», философа и писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), согласно которой Манчжурия под протекторатом Японии может стать «первым евразийским государством», для чего нужно активно проводить в правящие круги Японии идеи евразийства, была подвергнута критике. Автор приводил постановление «организованного евразийства» по отношению к этому заявлению: «Евразийство всячески сочувствует мирному разграничению русских и японских интересов на Дальнем Востоке, о отнюдь не считает возможным рассматривать Японию как осуществительницу Евразийства; Россия-Евразия, представляющая в настоящее время СССР, единственна и незаменима в этой роли» (там же. С. 28). В пояснении к постановлению автор статьи подчеркивал, что евразийство, уважая «старые культуры народов Азии», не отождествляет себя с этими культурами, что политика Японии представляет собой своеобразный «азиатский европеизм», но никак не евразийство. Японские интересы в Азии империалистические по сути, Россия же не испытывает потребности в «колониальном завоевании Азии» (там же. С. 28, 29).

49 В оригинале письма замалевана строка и надписан сверху текст.

50 Псевдоним Н. В. Устрялова.

51 1 марта 1932 г. в газете «Возрождение» появилась передовица «Япония и русские эмигранты», в которой подчеркивалась лояльность японских властей по отношению к русским эмигрантам в Маньчжурии, критиковались антияпонские настроения в мировой прессе и выражалась следующая позиция по отношению к ситуации на Дальнем Востоке: «Каковы бы ни были различны конечные цели Японии и русских национальных сил, эти силы совершают одно и то же огромное дело – борьбу с большевизмом на всем Востоке. В этом смысле Япония сейчас имеет единственных верных союзников – русских эмигрантов. И русские эмигранты, в свою очередь, впервые обрели действенного союзника в лице Японии» (Возрождение. 1932. № 2464. 1 марта).

Об этом прочтете в № 20 «Евразийца»[52]. П. Н. С.[53] сказал, что «содействовать иностранцам или желать им успеха — есть прямая измена отечеству». Также и я сделал аналогичное заявление. В еа среде распространено выражение: если бой, то только спиной к Москве. Эта позиция для нас настолько естественна, что ей Богу меня удивляет — неужели ни еа литература, ни наша переписка не открыла еще Вам настроений, принципов и стремлений еа? Мы собираемся выпустить нечто вроде маленькой брошюры, в которой сказать о ЕА-ом отношении к конфликту, а заодно и поместить полностью наш ответ В. Н. Иванову. Конкретно — напечатать тезисы по докладу П. Н. С., перепечатать статью о Д<альнем>Вост<оке> из № 19 ЕА-ца и ответ Иванову. <...>

Вы спрашиваете о мировом антисоветском-антироссийском замысле. Да, это одна из тем моих постоянных размышлений и наблюдений. Есть много показаний «за». Если бы я не был в плену у очередных дел, которые прямо рвут время и силы, непременно перепечатал бы свою старую работу о мировом конфликте, взятом именно в этом разрезе. С тех пор, как написал ее, прошло 6–7 лет Прошедшие годы во многом подтвердили тогдашние прогнозы. Это — та самая работа, которую хотел послать Вам еще в минувшем году. Факт тот, что друзей у России нет. Нашим поневоле другом может быть Америка (САСШ). Но при нынешнем режиме СССР — и этот проблематический друг отпадает. Около этого пункта сосредоточено такое количество всевозможных противоречий и предположений, что прямо голова кружится. И средство «от головокружения» — признание независимости, особности и самодостаточности России-Евразии. Политика свободных рук — использование международных противоречий при опоре на себя — вот единственное, что непреложно... <...>

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
29 июня 1932. Прага

<...> ...Перечитал сейчас статью о Европе (стр. 358–368)[54]. Именно так и думаю: «какой-то новый грандиозный духовный импульс, какой-то новый религиозный прилив — принесет возрождение». Да, это так. Как хорошо было бы, не стуча на машинке, а в последовательном разговоре выяснить разум проблемы и отыскать магистрали новой веры, точнее — разум и магистрали не новой веры, а нашего христианства — того, каким мы его переживаем и осознаем. Мне представляется, что все мы — от тех коммунистов, для которых, например, проблема торговли есть проблема сначала нравственная (т.е. существенно духовная, религиозная), а потом хозяйственная и до последнего эмигранта, учуявшего веяние нового (только это хотя бы!), исходящее от Страны Родной — как назвал Россию Артем Веселый — все мы, говорю я, находимся накануне открытия нового исповедания. Какого? — Ясны элементы, неясны формулы. Элементы же: «Россия» (т.е. и православие, и «религия революции», и «бунт», и «возвращение билета» (не Бога я не принимаю...)...) ...Так называемая «обезбоженная Европа» ...так называемый «прогресс науки» — все это элементы. Как возникнет из них, из их осознания «новый духовный импульс»??? — Дело не малое. Но дело необходимое. «Смысл жизни человека — тот же, что смысл жизни мира» (В. Соловьев). — Обессмысленными жить — ни мир, ни человек не в силах... Необходимо построить жизнь на вечных началах. Но вечность предполагает бессмертие. А бессмертие — спасение. Мне кажется, к этой точке (спасение) сходятся все главные линии: христианства, науки, религии революции, нового слова о земле и небе. Федоров с небывалой остротой и — что страшно важно — в современных понятиях — ставит проблему спасения: одновременно христианскую и нынешнюю, сегодняшнюю!!! Но если историческое христианство учило об избранных, Федоров говорит о спасении всех (и в этом его православие); если историческое христианство относило суд Божий на будущее — Федоров показал, что суд совершается все время, и что человек не подсудимый только, но и «сторона в процессе». Он может, он обязан защищаться... защищаться его назначение! — человек не раб, но сын Божий. Он может и должен обожиться, чтобы стать сыном.

...В этом отношении замечательные страницы у Тареева[55]. Тареев — один из тех, кто дает понимание: что в христианстве отпадает, как шелуха, и что светит по-новому,— светит, чтобы «вести народы».

Хорошо понимаю — как отрывочны и «общи» эти замечания.

Вероятно, еще вернемся к этим вопросам. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
21 июля 1932

<...> И впрямь, здесь опять душно и напряженно. Город кишит всевозможными бандитами. Еженощно грабят, убивают, либо уводят в плен (для выкупа) разнообразных людей. Уголовщина

52 См. примеч. 43. Обзор доклада П. Н. Савицкого был помещен в № 20 журнала «Евразиец».

53 Здесь и далее «П. Н. С.» – П. Н. Савицкий.

54 Речь идет о статье Н. В. Устрялова «Судьба Европы». К. А. Чхеидзе приводит страницы по второму изданию сборника статей философа «Под знаком революции» (Харбин, 1927).

55 Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) духовный писатель и богослов, преподаватель нравственного богословия в Московской духовной академии, выдвигал идею христианской «философии жизни».

настолько тесно сплетается с политикой, что с трудом их различаешь, и невольно спрашиваешь — не есть ли политика организованная уголовщина и не прав ли уже старик Августин насчет magnum latrocinium[56] (его определение государства). Или это — специфически «евразийская» обстановочка? (не в обиду Вам будь применен этот симпатичный термин). Но только жить здесь становится все грустнее, и недаром много людей белой расы торопится отъехать — кто в СССР, кто в Шанхай и т.д. В плане обывательском, действительно, ультра-паршиво. По-видимому, кто-то заинтересован в разгоне отсюда русского, да и вообще европейского населения. За пределами города — и говорить нечего: bellum omnium contra omnes[57]. Прекрасная возможность изучать эмпирически естественное состояние,— если бы, впрочем, оно уже не было достаточно изучено. Но, при всем том, для политического умозрения — тоже немалое раздолье.

Снова обостряются японо-советские отношения. Не думаю, что этот год уже принесет открытый конфликт, хочу верить, что удастся его избежать и в следующем году,— но факт налицо: снова началось наступление манчжурского правительства на советские интересы в крае. Все это сгущает атмосферу над нашими головами. <...>

Конечно, хорошо бы побеседовать подробно на тему, затронутую Вами в последнем письме. Да, Федоров сейчас, несомненно, «звучит» (патетика творчества, оправдание и обоснование технического прогресса etc.). Но меня отталкивает от него то, что, быть может, должно признаваться особенно в нем ценным,— тот безграничный его оптимизм, то возвеличение человека, непонимание органической и имманентной трагедии мира. В каком-то смысле Федоров безвкусен и пресен,— либо его нужно иначе препарировать. У Соловьева всегда была глубочайшая интуиция расщепленности и трагичности мира, требующего для преображения новой творческой космологической катастрофы,— в Федорове этого нет. Кто переболел Ницше и Фаустовской культурой, тот не может воспринять христианство по-федоровски. Но в то же время,— прагматически,— система Федорова таит в себе возможность плодотворных импульсов. Быть может, ей предстоит «скрутить Люцифера извнутри», если только она сама не попадет в его когти... <...>

56 Большая разбойничья шайка (лат.). Так блаж. Августин в сочинении «О граде Божием» называет государства, лишенные справедливости: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» (Блаж. Августин. Творения: В 4 т. Т. 3. СПб., 1998. С. 150)

57 Война всех против всех (лат.). Выражение Т. Гоббса, характеризовавшего с его помощью естественное состояние человеческих обществ.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
17 января 1933

<...> Получили ли Вы мое оч<ень> большое письмо, а вслед за тем второе письмо, к которому была приложена копия первого? — Меня в особенности интересует судьба этого отправления, так как к нему приложена была последняя из имевшихся у меня копий моих тезисов по ДВ русской политике. Если у П. Н. С. не сохранился его экземпляр этих тезисов, то надо считать их погибшими. Между тем они имеют кое-какое значение: в 1931 году (насколько могу судить) я предугадал политику СССР, Японии и некоторых китайских кругов на ДВ... <...>

Мы вступили в новую фазу: из небывалых наинебывалейшую: фазу самоперерождения фактического состояния пролетарской диктатуры в некоторое состояние должного — его лучше называть идеократическим. Ищется немалая вещь: ясно сформулированная идея, которой готова подчиниться Страна. Когда эта идея будет высказана и когда стабилизация общегосударственной жизни приблизится к той нормализации, о которой Вы писали по поводу дел наркомпросных — тогда произойдет завершение собственно революционного процесса и кое-кто — волей, а больше неволей — принужден будет прочесть полновесно-историческое «Ныне отпущаеши».

С нетерпением ожидаю обещанную Вами статью о бесклассовом обществе...[58] На днях был доклад П. Н. С. о книгах Г. В. Вернадского. Зашла речь о «классах». Невольно возникла ассоциация: европейские разделенные между собою и соперничающие сословия: духовенство, дворянство, потом буржуазия, наконец, четвертое сословие. В Индии — объединенные единой религиозной концепцией, но резко разграниченные внутри себя — касты. В России — «чины и состояния», участники общего тягла, несущие иго единой государственной идеи — и в этом смысле объединенные, но внутри себя — разделенные по принципу несения данных обязанностей. Но если в Европе разделение между сословиями культивировалось во-первых, «фактами», фактически, во-вторых — экономически (отсюда и капитализм понятнее становится); а в Индии к религиозному освящению кастового общества присовокупилась нарочитая политика англичан,— то в России издавна наблюдается своего рода закон демотии: возможность (даже легкость) перехода из одного состояния в другое. При Иване IV и Петре I переходы носили массовый характер. Но и в другие времена можно

58 В письме Чхеидзе от 19 ноября 1932 г. Н. В. Устрялов упоминал о судьбе своей статьи «Бесклассовое общество», которую отказались печатать местные харбинские газеты, обещая послать ее ему в случае, если статью не удастся пристроить. Отправил он статью Чхеидзе лишь через год — в письме от 24 марта 1933 г. Статья вошла в сборник статей Устрялова «Наше время» (Шанхай, 1934).

было «выслужиться»... выдвинуться. Пусть это словесо поведет Вас по пути дальнейших ассоциаций. В одной из своих старых статей в ЕА Хронике я пытался развить мысль, что европейская многопартийность возникла на почве наличия исторически сложившихся борствующих сословий. <...>

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
23 февраля 1933

<...> Писал ли я Вам, что в здешнем геополитическом обществе сделал два доклада: Новое о Китае и Новое о Японии. Ссылался на ДВ материалы[59] и даже демонстрировал их публике. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
16 апреля 1933

<...> Здесь опять очередные недоразумения на дороге, обострение японо-советских отношений. По-видимому, Япония переходит в наступление, но степень его серьезности еще неясна. В местных эмигрантских (обслуживающих японцев) газетах идет жестокая пальба по советской администрации КВЖД и явно инспирированная атака на советские интересы на Дальнем Востоке. В белых кругах открыто и радостно говорят о предстоящем походе на Забайкалье и создании буферного государства, «русского Маньчжу-го» из Восточной Сибири. Страшен сон, да...

Вообще говоря, историческая атмосфера, как кажется, начинает пронизываться темой раздела России. Два объекта «созрели для раздела»: Китай и Россия. «Довершение дела Версаля». Вам вблизи виднее, но судя по всему гитлеровская дипломатия будет упорно бить в эту точку. Объективно рассуждая, разрешить европейские трудности можно, действительно, лишь за счет русских земель — Украины, Кавказа, Туркестана. Счастье наше, что это не в интересах Франции, для которой всякое серьезное изменение status quo может быть только невыгодным. Однако, опасность бесспорно остается.

При таких условиях, с надеждой переводишь глаза на Москву, и... тревога еще более обостряется. Положение в России, не скрою от Вас, за последнее время меня доводит до состояния психической депрессии в подлинном смысле. Быть может, это субъективное восприятие (очень бы хотел этого!), но я просто в испуге от перспектив. Где выход? Как быть с деревней? Что даст весенний сев? — Верю, Господи, помоги моему неверию!.. <...>

59 Доклад К. А. Чхеидзе был сделан на основе изданий по истории и экономике Китая, созданных харбинскими учеными и присланных Н. А. Сетницким. Перечень книг был приведен в письмах К. А. Чхеидзе Н. А. Сетницкому от 20 и 23 февраля 1933 (FP. I.3.37).

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
6 мая 1933

Дорогой Константин Александрович.

Недавно послал Вам большое письмо. От Вас за последние недели ничего нет. Мы сейчас погружены в треволнения в связи с осложнением местной ситуации. Снова конфликтная атмосфера. В течение ближайших дней, по-видимому, должно выясниться: найдут ли компромисс, или начнется серьезная история. Разумеется, ключи ситуации — в Токио. Что там хотят?

Возможны три предположения:

1) Хотят разом разрешить дальневосточный вопрос. Оккупировать Приморье, организовать «буфер», быть может, до Байкала. Это означает войну с СССР.

2) Хотят взять «только» КВЖД. Тогда вопрос ставится как «локальное» недоразумение между Маньчжу Го и СССР. Маньчжу Го берет дорогу в свои руки под предлогом нелояльности советов к Мукденскому соглашению. Если советы с этим фактически примирятся, то вопрос на этом и закончится, те более, что дипломатических отношений между Маньчжу Го и СССР доселе нет. Если же Москва не захочет отдать дороги и начнет в той или иной форме применять для ее возвращения реальную силу, Япония на основании союзного договора придет на защиту Маньчжу Го.

3) Хотят просто «прощупать» Советские настроения и добиться частичных успехов в проблеме КВЖД. Либо добиться формального признания Маньчжу Го со стороны СССР. Тогда возможен и компромисс на тех или иных условиях.

<...>

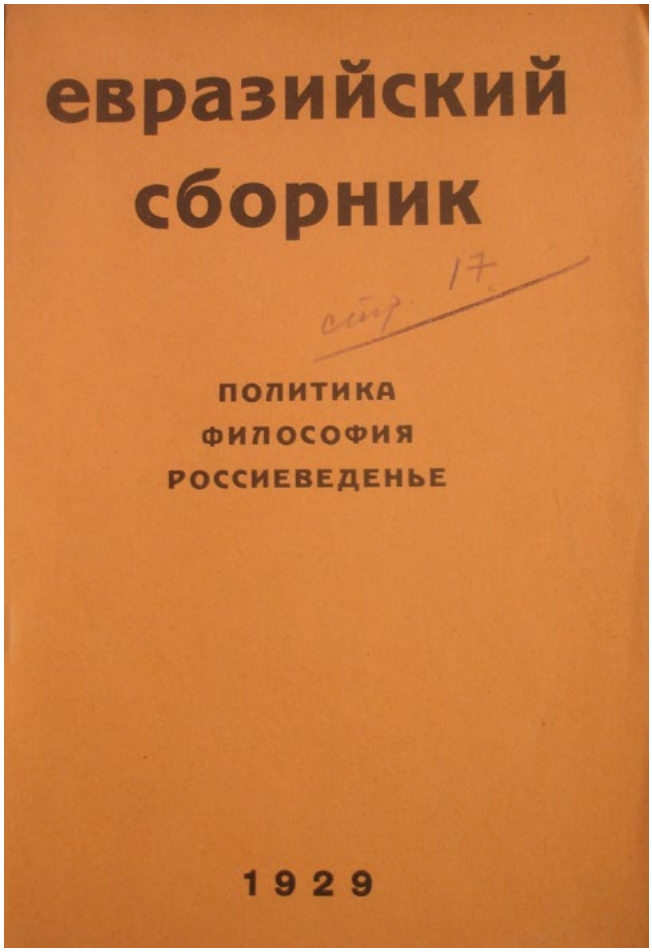
Так или иначе, положение здесь сейчас очень напряженное, и никто из нас не знает, что нам готовит завтрашний день. Все мы весьма привычны к подобным передрягам, и потому выработался даже на этот счет своеобразный amor fati[60]... но в конце концов все же это несносно и скучно. <...>

У нас за последнее время большое оживление среди белой молодежи, устраивающей диспуты, доклады etc. Но на всех этих докладах — совершенно беспросветная безнадежность, и интеллектуальная, и моральная, и политико-идеологическая. Герой сегодняшнего дня у них Гитлер, и дежурная идейка — союз гитлеровской Германии с национальной Россией,— союз, к которому с востока присоединится Япония!!!

Скучно жить на этом свете, господа, ей-Богу!

Крепко жму руку. Ваш У.

60 Любовь к Року (лат.)



К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
9 мая 1933

<...> Статья Ваша о гитлеризме[61] еще не пришла. Жду ее с нетерпением. Конечно, Вы хорошо знаете, как сложен вопрос с Германией, и со стороны внутренней, и — еще более — со стороны внешней политики. Что нац<ионал>-социализм представляет собою крупную физическую силу — сомнений быть не может. Это сила крупная, грубая и опасная. Но идеологически движение это бедно. Молодежь повторяет ту незамысловатую и достаточно примитивную эклектику, которую сфабриковали вожди расизма. Надолго этого не хватит. Характерно: некоторые немцы говорят: «Нам не нужны ни Гете, ни Бетховен». На вопрос: «Что Вы думаете о мыслях Шпенглера? Не кажется ли Вам, что гитлеризм с его причиндалами и белендрясами как раз и знаменует переход к эпохе цивилизации, и даже эту эпоху?» — отвечают: «Да, это похоже на правду. Но нам не страшно...» Из дальнейшей беседы человек узнает, что вопрос о, так сказать, «инкорпорации» их «коридорной» восточной соседки предрешен. И даже время называют: будущую весну!.. Вводится всеобщая трудовая повинность, на улицах сжигаются книги Барбюса, Ремарка, еще кого-то. Студенты зачитываются Ницше, этим анти-Заратустрой и черным пророком, по определению Н. Ф. Федорова[62]... но зачитываются не «По ту сторону...» или «Так говорит...» — а... всем тем, что относится к проблеме Воля к власти. Если не ошибаюсь, Ницше писал эту свою бешеную лирику уже совсем лишенный чувства архитектоники, которое связывает нас с миром подлинного и без которого ничто же бысть, еже бысть. Итак, чтобы не задерживаться на внутр<еннем > положении — там порядочная каша, и если бы не дисциплина и не увлеченность немцев самими собою — вероятно, не избежать бы им поворота к 1923 году. Но государственное единство сильно, сознание «мы — немцы» — тоже. Среди протестантского духовенства возникла мысль создания особой немецкой церкви — для служения немецкому Богу. Народ — носитель Бога... Это было бы, м<ожет> б<ыть>, не плохо, если бы не было выдумано. А внешнее положение нисколько не яснее. С одной стороны, подтверждение Раппало[63], с другой — дружба с Италией, но тоже с ограничениями (Австрия «защищается» Италией, Францией и другими). С третьей — «плохая пресса» в Америке, с четвертой — неодобрение со стороны Англии... О Франции, Малой Антанте и Польше я уже не говорю. Для народа иных внутренних качеств и иного геополитического положения — может быть, все это сошло бы. Но я думаю, что гитлеризм — псевдоморфоза. Проблема Германии слишком тесно связана с проблемой Европы. Это — одна из внутренних европейских проблем, а вовсе не самостоятельная, отдельная, только германская. И основная ошибка гитлеризма — неучет этого момента... Первый вопрос: способна ли Германия приобрести гегемонию в Европе и перерешить вопросы, возникшие с 1919 года? — Неспособна. Второй вопрос: на каком пути она большего достигнет: на пути угроз Европе или соглашения с ней? — На втором пути... И по-видимому, мы еще увидим хорошенькие вещи... <...>

За событиями на ДВ слежу усиленно, и никак не могу допустить, чтобы дело перешло на трагику. Есть много способов сговориться. И, как видно из вчерашних газет, вопрос о мире на ближайшее время предрешен. Имею в виду готовность признания Союзом Манчжу-го и начало переговоров о продаже КВЖД.

Как это ни странно, но я встречаю самое легкомысленное отношение к вопросу о разделе России. Кондовые русские семьи говорят об этом как

61 К письму Чхеидзе от 11 февраля 1933 г. Н. В. Устрялов приложил вырезку из газеты «Новости Востока» со своей статьей «Гитлер у власти» (вышла 8 февраля 1933).

62 Определение Ф. Ницше как «Черного пророка» было дано Федоровым в цикле статей о Ф. Ницше (см.: Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 122–126).

63 Мирный договор между Германией и Россией, заключенный в 1922 г. на Генуэзской конференции.

о легком насморке. Правда — не все! Те из нас, что пробыли в России дольше 1922–23 года — настроены патриотически. А те, кто выехал ранее этих лет — пораженчески. Вы угадываете историко-социологическую подоснову этого явления.

Недавние дебаты во франц<узском> парламенте показали, что в самом деле французы решили взяться за Восток. Правда, уже более полугода военный представитель Франции находится в Москве. Но мобилизация общественного мнения происходит только теперь... Как видно, Москва решила следовать заветам гр. Ростопчина (письмо к Павлу I по-моему?) — о независимости русской политики от европейских дел и о неимении иных связей с европейцами, кроме торговых[64]. — Вслед за возобновлением «дружбы» с Парижем — возобновлена дружба же с Берлином. Сейчас Англия уже не та, что была при Питтах или Нельсонах. Ллойд-Джордж уже, собственно, показал, что лимит славы Британии — пройден. Та тригонометрия — Болдуин, МакДональд, Чемберлен, которая там происходит — чрезвычайный козырь в хороших руках. Русская проблема (в междунар<одной> политике) упирается в Лондон. А Лондон — если не четвертован, то по крайней мере расстроен — разделен на три части! Собственно, даже на четыре, если к консерваторам, либералам и лабуристам прибавить доминионы с их антиевропейскими уклонами.

Так что — на Ваш вопрос — как тема раздела России выглядит отсюда — должен ответить: будь делители посильнее — тема могла бы перейти из партитуры в оркестр. Но при данных условиях — партитура написана — и, м<ожет> б<ыть>, талантливо — дирижеры палочками машут — а оркестр не играет. И — полагаю — не заиграет.

О!!! — о, если бы курс внутренней союзной политики шел бы по правильному пути! — уверяю Вас, дорогой Николай Васильевич, мы разыграли бы, так сказать, партитуру Куденгове-Каллерги![65] — недаром гитлеровцы спалили и его книжку. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
14 июня 1933

<...> Должен сказать, что я не разделяю Вашего оптимизма (относительного!) в вопросе о д<альне>в<осточных> делах. Положение рисуется мне достаточно печальным, и это совсем не потому, что «деревья» вблизи заслоняют в глазах моих «лес». Нет, нельзя спокойно относиться к тому, что мы «потеряем» Д<альний> Восток, но зато, быть может, приобретем что-то в другом месте. Руководствуясь этими соображениями и даже в разговорах ссылаясь при этом на геополитические конструкции ПНС, некоторые наши молодые люди здесь открыто проповедуют самое разнузданное пораженчество. Это крайне опасный путь. Я знаю, что ни Вы, ни С.[66] к нему ни в какой мере не причастны. Но Ваши «утешения» и самоутешения могут стать невольным шажком в его сторону. Положение очень серьезно. Если не произойдет, в сущности, какого-либо «чуда», нам здесь будет нанесен очень жестокий удар. Что же касается чудес, то они, как известно из популярно-научных толковников, «случаются редко и по преимуществу в древние времена». К счастью, впрочем, в истории они более частые гости, чем в природе; не будем же терять надежды и мужества... и поставим на этом точку, тем более, что ходить бывает склизко по камешкам иным. <...>

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
31 марта 1934. Харбин
31/III 34.

Дорогой Константин Александрович.

Хочу откликнуться на Ваш отклик на последнюю мою статью[67]. Вы с нескольких строках отметили основную проблему: что это — «неувязка с прошлыми установками или эволюция к новым берегам?»[68]

Разумеется, сам я много, очень много об этом думал, и статья писалась трудно; немало пошло на нее бумаги, и немало вариантов погибло — прежде чем появились окончательные формулировки. Конечно, Гераклит, Макиавелли, Ницше запа-

64 Письмо, о котором пишет Чхеидзе, было написано Ф. В. Ростопчиным в декабре 1806 г. и адресовано Александру I.

65 Речь идет об идеях австрийского графа Рихарда Куденхове-Калерги, который в 1922 г. стремясь повернуть общественное мнение Европы к необходимости консолидации, прекращения внутренних распрей и перехода на пути сотрудничества населяющих ее государств, выдвинул идею Пан-Европы. В 1923 г. он выпустил в Вене книгу «Пан-Европа», настаивая на том, что Европа должна быть объединена политически, экономически, культурно, так чтобы тесные связи между государствами препятствовали развязыванию военных конфликтов.

66 П. Н. Савицкий.

67 Речь идет о статье Н. В. Устрялова «Пути Синтеза (К познанию нашей эпохи)». Опубл. в сб. статей Устрялова «Наше время» (Шанхай, 1934. С. 61–115).

68 В статье «Пути синтеза» (1934) Устрялов пересматривал ряд прошлых тезисов, высказанных в частности в его работе «Проблема прогресса» (Харбин, 1931). В «Проблеме прогресса» господствовал философский пессимизм и убежденность в «крахе истории»; в статье «Пути Синтеза», не отказываясь от чувства катастрофичности мира, который «во зле лежит», выход из трагизма земного бытия Устрялов находит в творчестве истории. Критикуя идейные изъяны коммунизма и фашизма (Устрялов прямо употребляет здесь формулировку Н. А. Сетницкого «дробные идеалы»), он говорит о необходимости противопоставить им новый, созидательный, всечеловеческий идеал, который стал бы опорой социального строительства будущего, фундаментом «нового исторического синтеза». Этот «новый всемирно-исторический синтез» будет стоять под знаком христианства, одновременно включая в себя позитивные элементы прежних идеократических систем и прежде всего тот пафос активизма, преобразования жизни, научно-технического строительства, который так ярко проявил себя в русской революции.

ли слишком глубоко не только в сознание мое, но и в сердце,— чтобы можно было легко расстаться с ними... Да я с ними и не расстаюсь!

Дело в том, что пришла пора подводить кое-какие итоги, сводить счеты с самим собой. Публицистика, если она претендует на принципиальность, а тем более на «большой стиль», должна покоиться, как известно, на предпосылках миросозерцательных, на определенной философско-исторической хотя бы концепции. Не обязательно и даже не целесообразно эти предпосылки в каждой публицистической статье совать читателю, но нужно, чтобы они были и даже чувствовались — хотя бы «верхним чутьем». Эта предпосылочная концепция с молодости во мне жила (школа Вл. Соловьева — Трубецких, философские «гены» московского университета), временами, эпизодически она обнаруживала себя в суждениях по «философии эпохи» и, если угодно, «наполняла неким внутренним пафосом» политические мои высказывания.

Но годы текли не бесследно, не только накапливались впечатления в области конкретно-публицистических категорий, но и духовный опыт по необходимости расширялся, открывались, как говорят феноменологи, новые, т.е. дотоле не виденные «сущности». Однако этот багаж отдаленных предпосылок все было как-то недосуг пересматривать и перетряхивать.

Вот теперь и тянет разобраться в нем. «Проблема прогресса»[69] была в этом отношении первой попыткой. Ее суждения полны традиций, вполне для меня привычных: поздний Соловьев, К. Леонтьев, историософия Августина, иррационализм современной философии, Карсавин, Вышеславцев... Я вполне отстаиваю и сейчас все мысли этой статьи. Трагическое миросозерцание, идея катастрофического прогресса — это отнюдь не абсолютный пессимизм, тем более когда и трагизм, и катастрофизм интерпретируются христиански. Но интуиция «мир во зле лежит» — представляется мне неизбежной для всякой глубокой философии. Очень много в этом отношении дают великие мистики, а в наше время возьмите хотя бы Гейдеггера и нашего Вышеславцева.

Этот общий историософский «пессимизм» (отнюдь не являющийся пессимизмом, так сказать, «метафизическим» и по существу даже не заслуживающий названия пессимизма (Шопенгауэром я занимался[70], но никогда и ни в какой мере не увлекался им)) совершенно не исключает ни проблемы личного спасения (допускающей положительное разрешение), ни проблемы социального прогресса в условном смысле слова. В этом отношении и сейчас я готов защищать старые тезисы Новгородцева[71] (в частности, последний верил же в Россию и ее миссию!) Необузданный федоровский оптимизм (позитивно-технический и этико-философский, если можно говорить о федоровщине, как философии) остается мне чужд и сейчас, как был чужд три года назад.

Вы глубоко правы: в отношении русской революции я всегда был оптимистом, остаюсь им и сейчас. Вы правы также: я считаю себя «бытийственным оптимистом», поскольку сознаю религиозно-христианские корни собственного миросозерцания. Соловьев «Трех разговоров» не перестал быть «бытийственным оптимистом» — перестал быть лишь оптимистом социально-историческим. Гераклит, Макиавелли и Ницше дают очень много для мудрого скепсиса по адресу ущербной эмпирии, и они должны быть включены в миросозерцание. Но они не должны быть венцом и итогом, над ними должен утверждаться могучий дух жизнеоправдания трансцендентного, свойственный христианству! Тогда и трагическое миросозерцание перестает быть безысходно пессимистическим.

Вы правы: «тонус» моей последней статьи иной, нежели дух «Проблемы прогресса». Но это потому, что здесь иной предмет рассмотрения. Я верю в возможность нового исторического синтеза, но отнюдь не считаю, что он означит собою: «остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Нет, конечно, безусловный идеал не слетит с этим новым синтезом на нашу прекрасную грешную землю... как не слетел он во времена Возрождения, когда, однако, было «весело жить» — науки процветали, искусства играли радугами (ср. абзац на стр. 18–19 «Пробл<емы> Прогр<есса>»[72])...

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
24 апреля 1934. Прага

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Васильевич! Отвечаю с некоторым опозданием на письмо Ваше от 31–III. Оно произвело на меня сильное впечатление. На такое письмо следовало

69 Речь идет о работе Н. В. Устрялова «Проблема прогресса» (Харбин, 1931), в которой была развернута критика идеи прогресса и подчеркивалось, что «проблема совершенного строя на земле объективно неразрешима» (Устрялов Н. В. Проблема прогресса. С. 45).

70 Н. В. Устрялов был автором обширной статьи «Этика Шопенгауэра», напечатанной в «Известиях Юридического факультета» (Т IV. Харбин, 1927. С. 235–283); отд. отт.: Харбин, 1927.

71 Н. В. Устрялов ссылается на книгу П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» (1917), направленную против утопического сознания.

72 Н. В. Устрялов ссылается на отдельный оттиск своей статьи «Проблема прогресса» (Н. В. Устрялов. Проблема прогресса. Харбин, 1931. 38 с.), имея в виду следующий текст: «Каждая эпоха имеет свою душу. Каждая эпоха знает свой прогресс и свой регресс. И все эпохи, полнота времен – вот образ торжествующего бытия: "что есть, что было, что грядет вовеки..." Как в океане волны вздымаются и падают, так и в истории, творя свою драму, плещется в вечность раздробленный временем, пространством и категориями, воплощенный человеческий дух. И в лучах Всеединства брызги рассеянных ценностей играют сияющей радугой» (Указ. соч. С. 18–19).

бы ответить религиозно-научно-этическим трактатом. Но положение мое в бытии и быту (в данный момент) предоставляет мне рамки, не шире этого письма. Вы правы онтологически и филогенетически — в том смысле, что в самом деле (и с грандиозной обнаженностью) подходит время подведения итогов. Чему? — итогов разрывов и связей двух миров: старого и нового. Так сказать, рубежность положения всех нас зовет к этому и к этому обязывает. Чувства, испытываемые Вами, я думаю, разделяются всеми, кому дано слышать, видеть и (хотя в какой-либо степени) разуметь. Дело идет о не то что создании, но выявлении находящейся в процессе создания веры. Вера и вероятность — очень близки друг другу не только филологически. Каждое утверждение — вероятность. Крах средневекового мировоззрения объясняется также и тем, что невероятность его стала очевидной. Верить в невозможное (абсурд!!!) — можно. В невероятное? — а верить в невероятное (особенно тогда, когда тут же рядом дается, напр., Бруно и Галилеем) вероятное — почти смешно. Но если каждое утверждение — вероятность, то не справедливо ли признать, что побеждает более вероятная, более правдоподобная вероятность? — по крайней мере история идей и мировоззрений доказывает, что это — так и было.

Возвращаясь к темам Вашего письма и моих по этому поводу размышлений, хочу сказать следующее. Извините, если ограниченность местом и временем принудит меня не обосновывать, но излагать; не доказывать, а просто говорить тезы...

Перед нами задача выразить в более или менее стройной и законченной системе дух времени — то, чем дышит эпоха и куда стремится. Значит нам предстоит дать синтез. Из множества магистралей мысли выпячу главнейшие. Религия, наука, историософия, этика. Религия учит о неизбывной внутренней связи всего со всем. Наука рассматривает и обнаруживает отношения вещей. Историософия определяет (в порядке вероятностном) смысл материала, поступающего в сознание. Этика предъявляет требования поведения на основе долженствования. Понятно, Вы сразу видите, что историософию я понимаю в самом широком смысле. Это раскроется из дальнейшего. Но уже сейчас добавлю, что смысл, искомый историософскими построениями, в конце концов сводится к нахождению и выявлению единства процесса. Какого процесса? — До сих пор это не установлено. Немцы, напр., писали мировую историю, оставляя в стороне историю «не-исторических народов». Бл. Августин связывал историю человечества с космогонией... Искать смысл это и значит искать единство. Но единство немыслимо без цельности. Но поскольку мы говорим о становлении (о процессе мировой истории), мы, рядом с представлением о реальности и в нем самом ищем и находим целесообразность (хотя бы и вероятностно обозначенную). В наш век связать все перечисленные магистрали и свести их к одному пути значило бы раскрыть религию в полном смысле этого слова. Т. е. систему мысли и систему делания. Забегая вперед, скажу, что «Русскую идею» вообще и федоровство в частности именно и расцениваю как попытку — волю — вдохновение к такому акту...

Диалектика — орудие, но не цель. Диалектика (сейчас) удобнейший метод. С его помощью распознаются закономерности. Диалектика позволяет науке и философии (историософии) идти в ногу. Но этого недостаточно. На основании этого (или, лучше, в согласии и этим) — через интуицию, прозрение, экстаз и откровение необходимо дать всеобщее представление обо Всем. Я неясно выражаюсь, но Вы понимаете меня.

ЛУЧШАЯ КРИТИКА ИНТЕГРАЛЬНОГО КОММУНИЗМА ЭТО ТА, КОТОРАЯ СОЗДАЕТ НЕЧТО ЛУЧШЕЕ КОММУНИЗМА; ЛУЧШЕЕ И БОЛЕЕ ОТВЕЧАЮЩЕЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мне кажется, в центре грядущей Всеобщей системы будет находиться учение об энтелехии, обновленное и расширенное. Тут и только тут возможно увязать генезис с телеологией. Факты с этикой. И все вместе — с эсхатологией, от взгляда на которую, собственно, и зависит то, что мы условно именуем оптимизмом или пессимизмом. В одном месте своего письма Вы говорите: мир во зле лежит. Да. Но мир волит выйти из этого недолжного состояния. Выход мира из состояния зла — обожествление всех и всего — не это ли первейший завет? Что иное надо понимать под спасением?..

Мир (вселенная) вышел, исшел из Единого, чтобы стать Единым, вернувшись к нему. Оставляя в стороне разговорчики Паскаля (которые, может быть, по невежеству моему, ни на минуту не казались мне забавными) надо признать, что выраженное здесь вероятностное представление — наиболее возвышенное и вместе с тем наиболее согласное с высотами всех религий. Вопрос в том: каково участие человека в этом процессе? — есть ли человек объект? или он субъект? Или он со-субъект, соделатель?.. В уже известной Вам (по названию) моей работы о Субъект-субъектном отношении я пытался защитить последний

взгляд[73]. Взгляд, что человек объект — это наиболее безотрадный и противный нашему современному сознанию взгляд. Взгляд, что человек субъект, и притом единственный — ведет к атеизму, во всевозможных выражениях. Это, несомненно, ущербленный взгляд.

Но если человек не объект и не единственный субъект, то он — со-творец Единого. Это и есть так, ибо есть Все и есть я. И я являюсь частью Всего, но такой частью, которая осознает себя причастной Всему, хотя и несовершенно.

Разумеется, федоровство нуждается в больших поправках. Прежде всего — не-лепо, некрасиво (лепота — красота) представлять себе воссоздание людей такими, какими они были. Так же нелепо и противно нашему осязанию истины-красоты представлять себе, что нынешний неизмененный (физически неизмененный!!!) человек сумеет достичь бессмертия[74]. Я когда-нибудь, с Божьей помощью, сведу свои замечания по поводу ФОД в одну статью и помещу ее где-либо... Но что в ФОД замечательно, это то, что оно дает прекрасные позиции для развертывания нового учения об энтелехии в указанных мною поворотах. Для Федорова человек — Сын и Дочь. Человек — соработник Бога во вселенной. Его призвание усовершить Вселенную в пределах данного нам опыта. Ведь этически нельзя отказаться от добра, раз оно осознано. Осознав в себе волю к преображению мира, человек и должен идти по этому пути. Нет сомнения, что мысли Федорова об обращении оружия против несовершенства природы — благодатна. По мере усовершения — человечеству откроются новые, неслыханные перспективы. Федоров двигает человечество к этим перспективам.

Боясь быть разбросанным, перехожу все-таки еще к одному вопросу, затронутому Вами. Это — тема катастрофизма. Эволюция, как уже признано, состоит из малых и больших революций: из скачков. Катастрофы — это и есть скачки. В сущности, катастрофы происходят беспрерывно: в ядре вселенной и всюду, на поверхности земли, в астросфере и на дне океана. Катастрофически пишу и я на машинке: каждый удар буквой — катастрофа, а следование череды слов — эволюция. Когда в деревне убивали 5–7 мужиков — это была катастрофа для деревни и две строчки петитом для печати. Когда произошло трясение земли в Лиссабоне — это назвали катастрофой, а когда в Эчмиадзине — об этом никто и не узнал и т.д. Я хочу сказать, что вопрос о катастрофе связан с вопросом о лежании мира во зле и выходе его из этого лежания. Неправильно (мне кажется) думать, что «федоровский оптимизм» не чувствует зла мира или отрицает возможность катастрофического развития мирового процесса. Вот я во многом считаю себя федоровцем, но вполне допускаю последнюю катастрофу, через которую окончательно преобразится Вселенная. Но следует ли из этого, что я и сейчас должен сложить руки на груди или на другом месте и взирать беспристрастным оком на страдания и ужас? — Идея распятого Бога — это высшее, что провидел человек. Вселенная (выйдя из Единого и возвращаясь к Нему) и есть этот распятый страдающий Бог. Бог осознает себя в страдании в наибольшей степени. И когда мы со-страдаем (и притом деятельно), мы наиболее блаженны, то есть близки Божеству. Не сочтите меня помешавшимся, но в моем представлении энтелехия самым коренным образом увязана с образом страдающего Бога.

На этом заканчиваю философскую часть письма. Прошу Вас без скуки прочесть его, а по возможности разобраться в нем. В беседе с Вами я расту. Очень хотелось бы выразить с полной ясностью все мысли на эти темы. Но — см. начало!!! — я связан всем: судьбой, временем, местом.

К. А. Чхеидзе — Н. В. Устрялову
17 октября 1933
17-X-33

Дорогой старший Друг! — письмо от 2-го с<его> м<есяца> получил. Благодарю. ПНС и я решили использовать материал этого письма (если не его все целиком) в одном маленьком издании получастного характера. Изданьице это будет состоять из трех статей: 1. Германия. 2. Д<альний> Восток. 3. Опыт Рузвельта. Надеемся, Вы не станете возражать против такого образа действия П. Н. С. и меня.

Это письмо пишу в день, когда в газетах появилось сообщение о напряжении в Сааре. Газеты пишут: «острейший конфликт неотвратим»! Вы знаете: положение в Германии более чем напряженное. Германия покинула конференцию по разоружению, вышла из Лиги Наций, распустила парламент, назначив новые выборы на 12 ноября. Не исключено, что еще до этой даты произойдут события самого серьезного содержания. Активность немцев провоцирует активность их соседей. Несомненно, перевес сил на стороне соседей. Поступки — и еще

73 Работа о Субъект-субъектном отношении была дипломной работой К. А. Чхеидзе.

74 Подобная реплика К. А. Чхеидзе в адрес «Философии общего дела» несправедлива: преображение духовно-телесного состава человека составляет у Н. Ф. Федорова «необходимое условие» бессмертия и воскрешения. По всей видимости, представление о том, что Федоров предлагает «бессмертие и воскрешение без преображения» сложилось у Чхеидзе под влиянием Г.В. Флоровского, в семинаре которого по истории философии он занимался в период учебы на Русском юридическом факультете. Впрочем, данное обвинение могло быть произнесено Чхеидзе, так сказать, в pendant Устрялову, так как в письмах другим своим корреспондентам он, развивая идею преображения мира и человека, всегда ссылается именно на Федорова.

больше: посулы будущих поступков немцев — морально развязывают руки их противникам. Никто не сомневается в том, что задача сокрушения «Третьего Рейха» — трудна и небезопасна для самих сокрушителей. Однако раздаются настойчивые голоса, призывающие «сделать это с ними сейчас, пока они это же не сделали с нами». Логика, как видите, столько же старинная, сколь и убийственная... Говоря реально: может ли быть сейчас повторение войны 1914–18 гг.? — по всем данным, не может быть. Возможно иное: применение санкций Версальского договора... Если сообразить всю историю хитлеровщины и силы враждующих сторон — те иностранные источники, орошавшие кассу мюнхеновского «Коричневого дома», о которых так много в свое время говорилось, которые (после прихода Хитлера к власти) замалчивались мировой прессой, а сейчас трактуются ею как вовсе не бывшие (пресса усиленно внушает, что деньги в эту кассу шли только исключительно из карманов Тиссена и др. «королей» «германской промышленности»), то картина приобретает неожиданное освещение. Возникает вопрос: не есть ли хитлеровщина, в какой-то своей части, орудие, изобретенное «друзьями германского народа?»

Вы догадываетесь, о чем я говорю. Мысль, на первый взгляд, невероятная, но на невероятном основаны главные события нашей лихорадочной эпохи, которую мы, за неимением другой,— увы, по старой привычке называем жизнью.

Итак — это о делах Европы.

Но цель моего письма заняться иным вопросом.

Я все еще продолжаю думать, что Д<альний> Восток находится в таких противоречиях, которые, в силу неопределенности своей природы, все еще не созрели для войны. Покуда не будет решен вопрос о северных границах Китая; покуда не выяснится: в какой степени Япония владеет Маньжу-Го,— война не только ничего не решит, но грозит еще больше запутать нити клубка. Не может же быть, что японцы, люди, лучше всех понимающие дела Тихоокеанской проблемы, ринутся в игру, расчеты которой столь неясны!!! Конечно, все может быть, все может статься. Не исключено, что это мое письмо — одно из последних, если не последнее (из географии известно, что зимой и осенью на полях Маньчжу-Го властвуют северо-западные ветры. Так что газовые атаки выгодны лишь для одной из сторон. Опять-таки, просто не верится, что инициатива нападения будет исходить от той стороны, которая не имеет этой важнейшей выгоды!!!)

И хотя я так думаю, тем не менее, полное очищение всей территории Маньчжу-Го сов<етскими> представителями,— представляется неизбежным. Оно, наверное, уже происходит. Возникает вопрос: что будут делать те или иные люди?! Понятно, кое-кто не без удовольствия или неудовольствия переедет в центр<альные> части Союза. Кое-кто примостится-таки под сенью новой державы. Кое-кто принужден будет искать по свету и т.д. Размышляя таким образом о тех людях, судьба коих мне в высшей степени небезразлична, я прихожу к выводу, что им следует, т<ак> ск<азать>, предупредить события и заранее наметить пути отступления — но (сейчас же подчеркиваю это!) — такого отступления, которое обязательно должно иметь наступательную природу.

Уже неоднократно на листах нашей переписки поднимался вопрос о идеократии. Совсем недавно г. П. П. Гронский в отзыве на известную Вам книгу сблизил и соединил Вас и нас в некое идеократическое единство[75]. Но и без просвещенных усилий г. Гронского известно: в свое время Вы опередили нас в целом ряде пунктов, впоследствии Вы и мы шли параллельными, порою сходившимися путями... Мне кажется, к настоящему времени внутри Союза и вне его существует ряд течений и групп, с разных сторон подошедших к единой теме, которая задана нам и нашей эпохе и составляет ядро вещей этой эпохи. Тема эта — Идеократия.

Если это так (а это наверное похоже на правду), то лицо, вовремя и авторитетно вышедшее с провозглашением идеократии, объединившее вокруг себя союзные, эмигрантские и иностранные течения — может стать, не только Бакуниным плюс Герценом, но еще иными воплощениями деятелей истории.

Сейчас лучшая арена деятельности в этом смысле — Сев<ерная> Америка. Не мне говорить Вам о преимуществах этой страны. Там огромный и кровный интерес к России, к проблемам плана, автаркии, переустройства жизни на новых началах. В школах введено изучение сов<етской> экономики — уже это одно показательно. Но — ради Аллаха! — позвольте мне не перечислять другие данные, говорящие в пользу Америки — они Вам известны досконально.

И вот я мечтаю.

Лицо, о котором идет речь, переезжает в Америку. Авторитет его имени, смелость и неожиданность его поступка. Наконец, сама легенда, связанная с его судьбой в русской революции,— все это открывает ему самые трудно открывающиеся двери. Он входит в эти двери. Говорит нужные слова. Указывает правильные цели. Ему предоставляются всяческие возможности. Он создает журнал «Идеократия» на нескольких языках. Журнал с первого номера приобретает мировое значение. В нем собраны лучшие силы русской заграницы. В нем

75 По всей видимости, речь идет об отзыве на книгу Н. В. Устрялова «Наше время». Павел Петрович Гронский (1883–1937) юрист, общественный и политический деятель, один из убежденных противников сменовеховства.

участвуют иностранцы, вдумывающиеся в ход болезни человечества — подобные хирургам и терапевтам, во всеоружии сведений и опыта... Этот журнал особо издается на родном языке. В адском количестве экземпляров. Американский масштаб и американская техника соединяются с русской жертвенностью и умением служить идее...

Боже! эта картина может увлечь Бог знает до каких пределов фантазии!!!

Но скажите, ради Аллаха: что тут невозможного??!!!

Все возможно, все исполнимо.

Вот это — и составляет истинную тему моего письма.

Знаю: оно написано убийственным языком. Но верьте, это лишь потому, что писалось это письмо под диктовку порыва, уже давно владеющего мною.

Очень и убедительнейше прошу Вас ответить мне на него, по возможности скорее. Разумеется, мои мысли могут вызвать Ваше неудовольствие. Я учитываю это. Однако и тем не менее: я убежден, что логика событий (международных и союзных) подсказывает если не то, о чем пишу, то весьма близкое к этому.

На этом заканчиваю. Приношу Вам свое признание, шлю Вам лучшие приветы и вновь желаю такого здоровья, каким отличаются жители наших ущелий, и такой энергии, какая изображена в романе Гладкова.

Преданный

Н. В. Устрялов — К. А. Чхеидзе
8 октября 1934. Харбин

<...> Признаться, очень меня заинтриговала Ваша идея «собора сил». Если САСШ никогда меня не соблазняли, то Европа и, в частности, Прага — совсем другое дело. Нечего и говорить, с какою радостью отправился бы я в этот дальний вояж. В сущности, заветной моей мечтою, едва не осуществившейся в 1929 году (когда уже и билеты на пароход были заказаны), была — поездка в Европу перед возвращением в Россию. Теперь, когда здесь наступает уже несомненный конец службы на КВЖД, та же мечта — опять оживает:

Ihr naht euch wieder,
schwankende Gestalten![76]

Но не знаю, как все это выйдет на деле. Не знаю еще многих «факторов»: какова будет установка Москвы в отношении увольняемых служащих дороги и меня лично, будут ли платить «заштатные» деньги и если да, то где и как, etc... Наконец, ведь уж очень зыбка база желанного «собора»: земля наша столь малая, что даже, скажем, куренка в образе ежемесячника и то выпустить, пожалуй, не сможем!.. Не говоря уже о других трудностях... Да, конечно, грустновато — «желать действовать и не мочь действовать». У меня, впрочем, соответствующая грусть умеряется неким легким скепсисом по адресу «действий», кои мы предприняли бы даже в случае «мочи» действовать... По-прежнему значимость всех мыслимых зарубежных центров, даже и чисто идеологических, представляется мне весьма и весьма относительной. Идеократия создается на месте, и идеология ее зреет так же причудливейшим образом. Конечно, было бы неплохо фиксировать процесс этого созревания несколько со стороны, но даже если это и не удастся, особой беды не будет, и диалектика процесса от этого сколько-нибудь существенно не изменится. <...>

Продолжаю раздумывать над диалектикой. Начинать придется с Гераклита и Платона, продолжать Гегелем и кончать... идеократией.

Кстати, ведь, несомненно, идеократия предстоящего синтеза будет и должна отличаться от нынешних идеократий большим богатством, совершенством, универсализмом своей идеи. Это очень трудная проблема: совершенная (= свободная) идеократия. Если идеей-правительницей будет идея свободы («история — прогресс в сознании свободы» — Гегель), то чем государство идеократическое будет отличаться от государства нейтралистского? Ergo, нужно уразуметь истинный смысл идеи свободы. Свобода = любовь, бессмертие, Бог. «Свободная теократия» Вл. Соловьева? Совершенная идея! Но она — непременно сложная идея, вмещающая в себя, как «дом Отца», многие обители, утверждающая иерархию ценностей; как Платоново солнце, животворящее всех и вся. Тогда, очевидно, идеи должны перестать быть «злодеями»?..

Простите эти мысли вслух! Характерно, что наши письма, одинаково постулирующие «дальнейшее развитие диалектики», встретились где-то в центре Евразии! Значит ли это, что мысли эти носятся в воздухе?.. <...>

---

76 «Вы вновь со мной, туманные виденья» (нем.). Первая строка поэмы И. В. Гете «Фауст». Пер. Н. Холодковского.

«ОСТРОВ РОССИЯ» КАК ЕВРАЗИЙСКИЙ МИНИМУМ

РУСТЕМ ВАХИТОВ

Кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета (г. Уфа), исследователь евразийства и традиционализма, политический публицист

«Евразийство Цымбурского»: к постановке проблемы

Вадим Леонидович Цымбурский не скрывал своего антиевразийского настроя, который виден уже по знаменитой его статье, где была изложена концепция «Острова «Россия». Сегодня, после того как были найдены неопубликованные труды Цымбурского, в частности, текст его незаконченной диссертации, выясняется, что это была не просто интуитивная антипатия. В. Л. Цымбурский очень внимательно читал евразийцев — как классических, так и современных ему, и имел свою оригинальную и весьма критическую трактовку взглядов евразийцев 1920–1930-х годов[1].

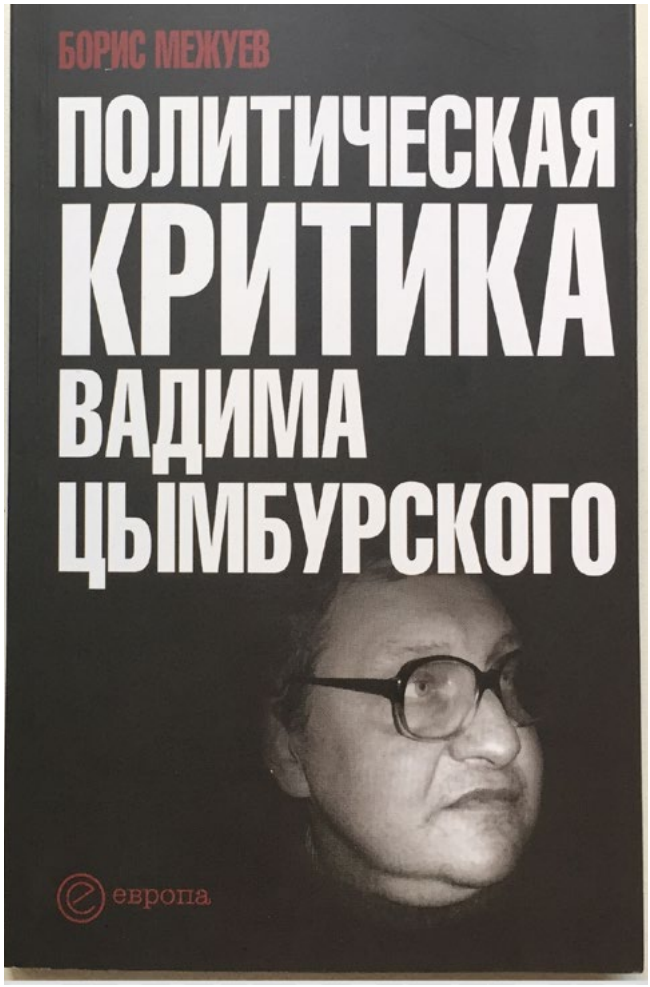
Цымбурский считал, что евразийство было выражением геополитической конъюнктуры 1920–1930-х гг., когда Россия-СССР оказалась отделена от Запада полосой центрально- и восточноевропейских лимитрофов. В евразийской доктрине Цымбурского отталкивали тезис о духовном родстве России и Востока и восприятие продвижения в Центральную Азию как естественного органического вектора российской геополитической экспансии. Россия для Цымбурского все же не столько Евразия в понимании Н. С. Трубецкого и П. Н. Савицкого, сколько «целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы»[2]. Цымбурский отрицал органичность восточных провинций империи и считал Россию чуждой Востоку, остроумно ссылаясь тут ... на работу евразийца Н. С. Трубецкого об Афанасии Никитине.

> В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЫМБУРСКОГО ЕВРАЗИЙСТВО ОЧЕНЬ ЧАСТО ПРЕДСТАЕТ КАК ДОКТРИНА БЕЗГРАНИЧНОГО ИМПЕРСКОГО РЕВАНША

Но самое главное, что отталкивало Цымбурского в евразийстве, это, как известно, «имперскость», стремление к расширению российского государства за счет Казахстана, Центральной Азии, Украины, Белоруссии. Если с позиций евразийства распад СССР был геополитической катастрофой, утратой Россией своих исконных, имперских территорий, откатом к границам допетровской Руси и утерей всех геополитических преференций, добытых российской державой за последние три столетия, то для Цымбурского, наоборот, постбеловежская РФ — это возвращение к норме, к той исторической развилке, за которой началась гибельная погоня

1 Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность Б. В. Межуеву и Г. Б. Кремневу за предоставление возможности ознакомиться с этими неопубликованными фрагментами работы В. Л. Цымбурского, которая готовится к напечатанию.

2 Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы: 1993–2006. М., 2007. С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.



за «миражом великодержавия», возможность «переиграть» судьбу России, отказаться от опасных и непосильных «имперских прожектов», сосредоточиться на обустройстве своего собственного «Острова Россия»...

Евразийство для Цымбурского было «азиопством», или, если выражаться более нейтрально, «азияфильством», и оно воспринималась им как одна из двух крайностей, противоположная «западофильству», концепции, насильственно вписывающей Россию в Европу. Евразийство, если выражаться метафорами самого Цымбурского,— это попытка «похищения Азии» Россией...

Однако в свое время Б. В. Межуев уже указывал на то, что концепция «Острова России» изначально могла быть понята самыми разными способами и что «либерал, и славянофил могли найти в этой идее что-то свое»[3]. Тезис, который я собираюсь доказать, состоит в том, что нечто свое в концепции Цымбурского способен обнаружить и евразиец и что, с одной стороны, в идеях Цымбурского была латентная евразийская составляющая, а, с другой,— при некотором изменении угла зрения эти идеи вполне могут оказаться сходными с евразийским пониманием России. Если же сам Цымбурский этого «не видел», то, полагаю, во многом виной тому политическая конъюнктура тех лет, когда исторические обстоятельства вынудили его полемизировать с евразийством, да к тому же в его новейшей и поздней, не во всем адекватной форме...

Понимание этого, видимо, уже приходит: совсем недавно исследователь творчества Цымбурского А. П. Цыганков назвал его «умеренным евразийцем» и добавил: «“Русская Евразия” Цымбурского стала новым своеобразным витком развития евразийской мысли на этапе поисков постимперского сосредоточения страны...»[4]. Но мне кажется, что, характеризуя воззрения Цымбурского как «умеренное евразийство», мы привносим в наш анализ не совсем уместный оценочный момент, ведь тогда выходит, что при этом мы априори считаем евразийство Трубецкого и Савицкого, так сказать, слишком радикальным... Необходим, очевидно, более взвешенный и объективный взгляд на их соотношение.

Евразийцы и Цымбурский в поисках «естественных границ» России

В интерпретации Цымбурского евразийство очень часто предстает как доктрина безграничного имперского реванша. Так уж получилось, что после почти 70-летнего забвения евразийство явилось российским интеллектуалам, будучи преломленным через эклектичный набор идеологем А. Г. Дугина, который называл евразийством фантасмагорический проект «континентальной империи», простирающейся далеко за границы «месторазвития Евразия» — от Германии до Японии. Это не значит, что Цымбурский не был знаком с трудами настоящих, классических евразийцев (я уже упоминал, что он их читал весьма внимательно), но, возможно, флюиды «дугинизированного евразийства», щедро рассыпанные в самом «воздухе» девяностых, приводили к некоторым флуктуациям в восприятии самой доктрины. Иначе как объяснить тот факт, что от проницательно взгляда российского геополитика практически ускользает, что главная тема евразийства — не расширение России, а ее «критика» в кантовском смысле этого термина, иными словами, выяснение ее «естественных границ». И в этом смысле евразийцы решали ту же историческую проблему (разумеется, с поправкой на свою историческую ситуацию), что и Цымбурский.

Евразийство возникло в 1921 г., когда распад Российской империи практически завершился, в котле гражданской войны выплавилось новое постимперское государство, которое через год, в де-

3 Межуев Б. В. Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: «Европа», 2011. С. 104.

4 Цыганков А. П. Островная геополитика Вадима Цымбурского // «Тетради по консерватизму», 2015, № 1, с. 14.

кабре 1922 получит свое название — СССР. Это постимперское государство по своим размерам заметно уступало России Романовых: отпали Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина... Причем евразийцы в отличие от реваншистских течений русской эмиграции признали нормальность, естественность границ этого геополитического наследника Российской империи. Выдвинутая Савицким теория «месторазвития Евразия» служила геополитическим обоснованием утери старых территорий (ведь Россия-Евразия была меньше, чем Российская империя, которая для большинства эмигрантов была тождественна России вообще). Более того, евразийцы заявляли, что присоединение к империи Польши, Финляндии, Прибалтики было избыточным: Россия при этом вышла за свои естественные границы, вторглась в Европу и «похитила» у нее названные территории, которые были ничем иным, как восточными окраинами европейского месторазвития, и в этом состояла одна из причин глубокого внутреннего кризиса России...

Фактически то же самое утверждал и Цымбурский в 1990-е гг., после распада СССР и образования постсоветской Российской Федерации. Любопытно, что в этом смысле Цымбурский, считавший себя антиевразийцем, занял позицию, похожую на позицию евразийцев 20-х, а Дугин, объявивший себя евразийцем,— позицию, напоминающую позицию их оппонентов из лагеря имперцев-реваншистов. Цымбурский, подобно евразийцам, предлагал исходить из факта постимперской ситуации и в связи с этим попытаться заново осмыслить саму суть России. Дугин, подобно врагам евразийцев, просто призывал вернуть как минимум всё, что раньше входило в СССР и сферу его влияния.

ЦЫМБУРСКИЙ СЧИТАЛ, ЧТО РОССИЯ – ЭТО НЕ ЕВРОПА И НЕ АЗИЯ, А ОСОБАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЦЕЛОМ РУССКАЯ, НО С «ИНОЭТНИЧЕСКИМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ»

Конечно, сами естественные границы России Цымбурский и евразийцы понимали по-разному, но и здесь между ними имелась точка соприкосновения...

Евразийский минимум и евразийский максимум

Как известно, основная идея классического евразийства как геополитической доктрины состоит в том, что Россия — это не Европа и не Азия, а особая цивилизация, для которой характерен симбиоз культур Леса и Степи и, соответственно, географический ареал ее — смычка Леса и Степи.

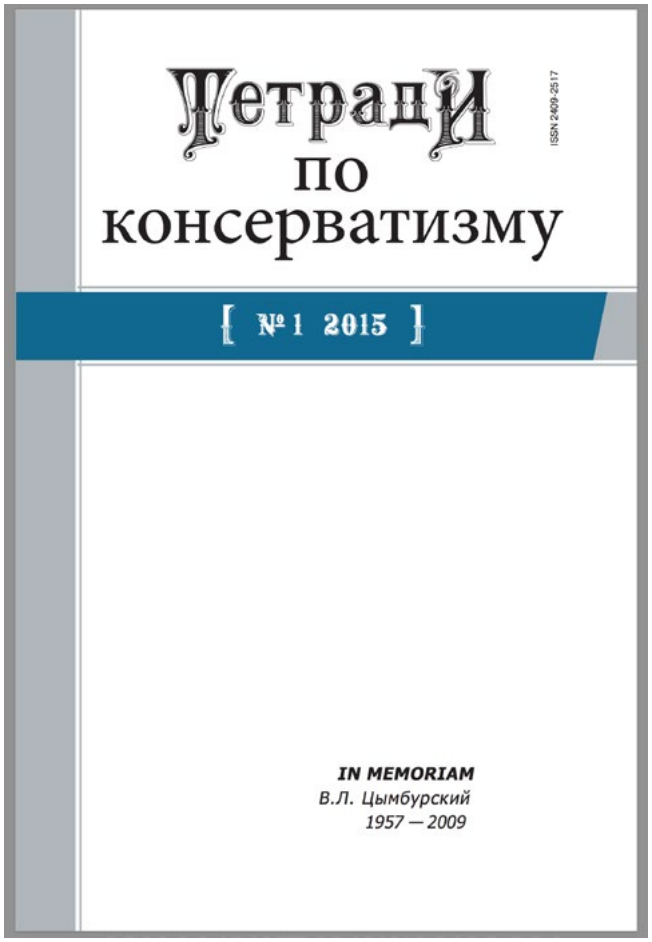
Выше уже отмечалось, что, по мнению евразийцев, «естественные границы» России-Евразии примерно совпадают с границами СССР до 1939 г. Но это ведь в случае предельного расширения евразийского государства, когда оно заполняет практически всё месторазвитие. Однако, как гласит поговорка, «Москва не сразу строилась», другими словами, государство Россия не сразу заполнило всю Евразию (в специфичном, евразийском смысле этого слова). С Россией это произошло только в конце XIX в., после завоевания Средней или, как теперь модно говорить, Центральной Азии. Некогда российско-евразийское государство было уже месторазвития, и чем больше мы отматываем «пленку истории» назад, тем уже и уже становится это государство, отдаляясь от своих гипотетических естественных границ и сжимаясь к центру. Наконец мы подходим к исходной точке, за которой Россия уже не Россия-Евразия, а просто Русь, система речных государств, которые не являются евразийскими, потому что расположены в зоне Леса и не имеют хоть какой-то смычки Леса и Степи.

В этот период будущая Россия-Евразия — это Московское княжество до завоевания Казани, географически привязанное к междуречью Оки и Волги. Напомню, что евразийцы отказывались признавать такие государства геополитическими предшественниками Российской Империи и СССР (Н.С. Трубецкой писал это о Киевской Руси: «Государство ... на территории Европейской России (то есть имперское, большое государство. — Р.В.) в те времена было невозможно ни для одного из этих оседлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Черному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи»[5]). Только присоединив Казанское ханство, то есть переступив Волгу и пойдя дальше — в Поволжье, к Уралу и к Сибири, Московская Русь стала Россией-Евразией, пусть пока и в миниатюре, в зародыше. И существует точная историческая дата превращения Московской Руси в Евразию — это XVI век[6].

Так утверждает «ортодоксальная евразийская теория». Проницательный читатель, вероятно, уже заметил, насколько это похоже на концепцию

5 Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // http://sunapse.ru/rusbistory/Statie/Statie59.html

6 Между прочим, доевразийская Русь также не была этнически однородной: междуречье Оки и Волги до прихода туда славян было населено финскими народами; ассимиляция их проходила медленно, и доевразийская Русь вполне может считаться славяно-финской цивилизацией. Отсюда видно, что Евразией Русь сделала не простая многонародность, а славяно-тюркский симбиоз.



В. Л. Цымбурского. Ведь и Цымбурский искал ответ на вопрос: когда Россия стала Россией? Еще в его «Острове Россия» были следующие слова: «...какую часть "хартленда" или "лесостепного" комплекса должна потерять Россия, чтобы более не быть той Россией, которую мир знал веками? ... Теории Макиндера и наших эмигрантов-евразийцев никак не отвечают на эти вопросы и потому оказываются не в состоянии геополитически идентифицировать Россию» (с. 6).

Отматывая «пленку истории» назад, во времена, когда в состав России еще не входили Средняя Азия, Кавказ, Закавказье и Украина, Цымбурский неожиданно приходит к той же исторической точке, что и евразийцы,— к XVI веку. «Россия как геополитический объект ... это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, не относясь к ней, и уже в пору своего конституирования в XVI в. превзошедшая коренную Европу площадью, а в XVII в. образовавшая особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем»,— пишет Цымбурский и поясняет: «Органической частью становления самого Московского царства было решение "казанского вопроса", т.е. уничтожение на востоке последнего опасного антагониста, способного грозить жизненным центрам страны, и прорыв русских в кажущуюся беспредельность восточных трудных пространств: степей, тайги, тундры, океанов» (с. 8).

То же касается и лесостепной природы евразийского месторазвития. «Сегодня к перечисляемым там признакам (признакам Острова Россия, указанным в одноименной статье. — Р.В.) я добавил бы еще один, сугубо физико-географический: преимущественную опору нашего государства во все 450–500 лет его существования, вопреки евразийцам с их степняческой патетикой, на лесную и лесостепную зону северной Евро-Азии...»7 — пишет Цымбурский в статье, подводящей определенные итоги «приключениям» его концепции. Мои оппоненты не преминут указать на эту оговорку: «вопреки евразийцам». Действительно, евразийцам 20-х годов был свойственен значительный крен в сторону «степелюбия», на что обращает внимание и Цымбурский: «Не более приемлема и та версия теории "хартленда", которую без упоминания имени Макиндера пропагандировал П. Н. Савицкий, видя генотип государственности "России-Евразии" в географическом и экономическом соединении "лесного" и "степного" компонентов, с особым акцентированием роли степи» (с. 6). Но крен этот носил, думаю, полемический характер: дискутируя с западниками и отстаивая неевропейский характер российской цивилизации (который признавал и Цымбурский!), евразийцы впадали в другую крайность, подчеркивая начало Степи и роль степных народов. Однако евразийская теория как таковая этого вовсе не требует, с ее позиций достаточно наличия смычки Леса и Степи, пусть даже и незначительной по площади, особенно если речь идет о первоначальной России-Евразии...

Можно также возразить, что Цымбурский отстаивал чуждость друг другу русского и тюркского начал: «Взорвав Орду и решив казанский вопрос, гордая своим православием Россия глядела на Восток "островом", не сливаясь с ним» (с. 11). В другом месте он даже писал об иноэтнических вкраплениях в русский остров: «Россия обретает черты гигантского острова внутри континента, русского острова с иноэтническими вкраплениями» (с. 10). Тем не менее, не будем забывать о его предостережении не воспринимать концепцию «русского острова» в духе лозунга «Россия для русских»: «Слова о "нише русского этноса" не означают солидарности с идеей "России для русских", а лишь тот банальный факт, что веками проживание народов Поволжья, Урала и Сибири в одном государстве определялось включением

7 Цымбурский В.Л. «Остров Россия» за семь лет: Приключения одной геополитической концепции // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011. С. 40.

собственных географических ниш этих народов внутрь оформленной в виде такого государства русской этноцивилизационной платформы» (с. 7). Иноэтнические вкрапления ведь определенным образом сосуществуют с русскими, а значит, можно говорить о цивилизационном симбиозе... Одно это, кстати, заставляет усомниться в правомерности слов теоретиков русской национал-демократии, которые поспешили превратить концепцию Цымбурского в свое знамя, как водится при этом, значительно ее упростив и выхолостив ее сложное, неоднозначное содержание...

Итак, Цымбурский, как и евразийцы, считал, что Россия — это не Европа и не Азия, а особая цивилизация — в целом русская, но с «иноэтническими вкраплениями». Расположена эта цивилизация в северо-западной части смычки Леса и Степи, между Волгой и Дальним Востоком и возникла она в XVI в., когда русские стали заселять заволжские области, двигаясь на восток — к Уралу и Сибири... Наконец, Цымбурский был согласен с евразийцами в критике прозападной ориентации петербургской России.

Естественно, Цымбурский был во многом противоположен евразийцам, ведь там, где для них началось закономерное расширение России-Евразии, для Цымбурского началось нежелательное вторжение в восточные и южные области евразийского Лимитрофа. Но при всем при том, Цымбурский, по-моему, оригинальный и парадоксальный (хотя и латентный и даже бессознательный) создатель своеобразной евразийской теории, и его заслуга перед евразийством состоит в прояснении минимальной естественной границы России-Евразии...

Россия-Евразия имеет, так сказать, свой максимум — территорию, примерно совпадающую с СССР в границах до 1939 г. Выходя за его пределы, Россия перестает быть евразийской державой и становится европо-евразийским кентавром — странным, неестественным и пугающим. Но Россия-Евразия имеет и свой минимум: если Россия станет меньше этого евразийского минимума, она превратится в неевразийское «осколочное» государство вроде Киевской Руси или Московии до завоевания Казани. И если евразийство 1920–1930-х гг. акцентирует внимание на максимальной естественной границе месторазвития Евразия, то Цымбурский — на минимальной. Таково соотношение учения евразийцев и «латентного евразийства» В. Л. Цымбурского — теорий, которые каждое по-своему пытались «найти Россию» в «ее минуты роковые», или, выражаясь менее поэтично, в периоды ее геополитического и, как следствие, идентификационного кризиса.

Над номером работали:

Главный редактор – Б. В. Межуев
Ответственный редактор – В. В. Ванчугов
Л. В. Ульянова, Г. Б. Кремнев, Ю. С. Нетесова

ISBN 978-5-7646-0134-2

Бердяевские чтения

Русская idea